

2 (704) февраль, 2016

УРАЛЬСКИЙ следопыт

www.uralstalker.com

ISSN 0134 - 241X

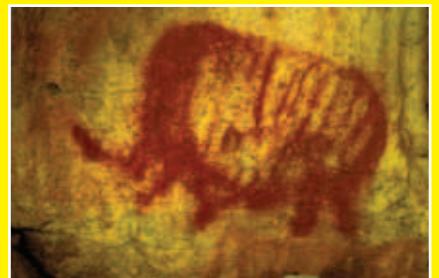
ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ, НОВЫЕ СТАРТЫ

ПОСЛЕДНИЙ МАСТЕР
НА УРАЛЕ

ТАИНСТВЕННАЯ ЮРМА

РИСУНКИ
ШУЛЬГАНТАШ — КАРТА?

Февраль 2016

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.

Литературный консультант – В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

Фото на обложке – Автор С. Белоголазов.

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –
• Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
• Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
• Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
• Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
• Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
• Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
• Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
• Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО

в республике Татарстан
• Борис Ткачев, Председатель отделения РГО в ХМАО
• Виктор Христоропский, Председатель Курганского ро РГО
• Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
• Виталий Лажнецов, Председатель

Коми республиканского отделения РГО
• Камилль Зиганшин, Председатель отделения РГО

в республике Башкортостан
• Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке: Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2016 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя: 620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №2 (704), 2016 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректурную и редакционную правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **PG**, публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство МАП, индекс 31958
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт uralstalker.com» №2.

Отпечатано в типографии ООО «ПК АСТЕР-ЕК».

624071, Свердловская область, г. Среднеуральск, ул. Калинина, д.2,

оф. 28. Печать офсетная. Тираж 11000. Подписан к печати 25.01.2016 г.

Заказ №:

Встречный ветер

Наши проекты

Ледовый штурм..... 3

Добрые попутчики

Трамвайные маршруты в Екатеринбурге.. 16

Экспедиция

С.КОНДРАШИН
Экспедиция на Тобол. Путевые заметки..... 8

Версия

В.ШИПОВ
Такая таинственная Юрма.....20

Топонимия

В.КАРЕЛИН
Загадки рисунков в пещере Шульганташ..... 24

Река времени

Клуб собирателей

А.МАКУРИН
«Посадили на талоны» 10

Никто не забыт?

А.КОПЫРИН
Черная рука 18

Далекое-близкое

Э.СОКОЛОВ
Страдивари и российские «дрова» 12

Тропой поиска

Р.ВАСНИНА
Шофер командарма Блюхера 30

Литературное краеведение

Ю.МАКСИМОВ
Любовь Анастасии Нефедовой 32

Наши проекты

Ю.ГОРБУНОВ
История России. Река Чусовая. Деревня Курья..... 39

Литературное краеведение

В.ДАНИЛЕНКО
Курья..... 42

Далекое-близкое

В.СЕМИБРАТОВ
Предпоследний приют поэта 44

Журнал в журнале

Аэлита

Фото:
Евгений Тамплон,
Станислав Белоглазов,
Евгения Фирсова,
Елена Шубница

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ

Наконец на Урал пришла зима! Еще в декабре атлантический циклон дышал теплом и мокрым снегом. Ледовый городок на центральной площади Екатеринбурга вновь «поплыл», на водоемах появились промоины, и вода под снегом стала образовывать наледи. Разве можно загадывать погоду на Урале? Зато после новогодних праздников ударил мороз, сразу пробив 20-градусные отметки днем и приближаясь к 30° под утро. Городской пруд к Ледовому штурму готов!

А как же ледовый городок? Традиционные состязания по ледолазанию требуют разнообразных поверхностей для трасс. Еще на Рождество не было главной ежегодной фестивальной достопримечательности — вертикальной стены высотой в 12 метров. И вот, как по мановению волшебной палочки, за два дня на подготовленной площадке над городком взмыла ледяная стена! За что глубокая признательность заме-

стителю главы Администрации города Екатеринбурга по вопросам социальной политики Михаилу Никитовичу Матвееву, исполнительному директору городских праздничных мероприятий Илье Николаевичу Маркову и Николаю Ивановичу Наумчуку, под чутким руководством которого каждый год возводятся ледяные стены в Екатеринбурге. Это важно, когда на данное слово можно без оглядки опереться и зани-

маться непосредственно реализацией фестиваля.

В 2016 году «Уральский следопыт» начал Ледовый штурм 10 января со старта снегоходной экспедиции по Уральскому хребту на север. Экспедиция готовилась три года: собирался картографический материал, информация о сложных, удаленных участках пути, готовилась техника, обкатывались приспособления и специальные устройства. За это время были изучены и локально пройдены участки намеченного маршрута. Почти весь путь по Свердловской области и частично по Ханты-Мансийскому автономному округу занесен в навигатор в виде треков. Для такой масштабной экспедиции было принято решение дать старт из сердца Екатеринбурга, столицы Урала, от Плотинки. Январские морозы оказались как нельзя кстати: лед стал толще, укрепился. Поэтому снегоходы без риска спустили на лед городского пруда и приступили к предстартовой подготовке. От одного участника к другому переходили журналисты, получая

последнюю информацию для своих изданий, то и дело уносился и возвращался снегоход с седоком-оператором. Это телевизионщики снимали сюжеты для ближайших новостей. Ведь на маршрут пассажиров уже не возьмут. Старт с городского пруда стал возможным благодаря доскональному изучению условий организаторов, инспекторов ГИМС, так как движение планировалось по двум водоемам, ГИБДД, ведь от городского пруда к Верх-Исетскому необходимо было проехать по улицам, и службы безопасности Верх-Исетского металлургического завода, по территории которого пролегла часть пути. Пока зрители рассматривали технику, объезжали снегоходы, безопасность обеспечивали сотрудники скорой помощи, МЧС и службы спасения ОСВОД.

Все формальности и согласования соблюдены, в полдень экспедиционеры выстраивают свою технику в ряд, а сами поднимаются на сцену. Председатель федерации мотоциклетного спорта Свердловской области Андрей Агафонов представил участников сверхдальнего путешествия, стартового в рамках фестиваля Ледовый штурм, и руководителя экспедиции Константина Кузнецова. На нем будет лежать ответственность, как пройдет первый этап экспедиции, в каком составе группа прибудет на границу Свердловской и Тюменской областей, в какой мере реализуются поставленные задачи. Ведь многодневные путешествия по зимней тайге даже с использованием современных средств связи и навигации несут огромные риски. Но экспедиционеры подошли к подготовке ответственно: экипированные, как космонавты, везут с собой в саях продукты, ремнабор, запасные части на случай поломки, дополнительное оборудование.

Получив напутствие от «Уральского следопыта», колонна из шести снегоходов под устремленные фото- и видеокамеры отправилась в путь, преодолевая торосы на пруду. Счастливого пути!

Тем временем в ледовом городке на площади 1905 года, пока проводится подготовка трасс для ледолазания на трудность, скорость и разминочной квалификационной, на сцене смонтировали помост и приступили к состязаниям по масс-рестлингу. Алексей Казаков всегда вывозит бороться вместе со своими сысертскими богатырями ребяташек из Богдановичского детского дома. Они катаются с горок, а когда

подходит очередь, бегут на помост, хватаются за палочку. Не только спортсмены поднимаются на сцену: состязания открытые. То и дело померяться силой и ловкостью поднимаются только что прогуливающие своих детей папы, скинув дубленки, или кадеты Суворовского училища, вырвавшиеся в увольнительную. Тут же специалисты объясняют, как правильно делать захват палочки, как грамотно перетягивать соперника, какую тактику использовать, какие мышцы должны работать при этом. Оказывается, столько тонкостей надо учесть, чтобы перетянуть противника на свою сторону или вырвать из его

рук палочку, здесь важна не только сила. Наблюдая за борцами и зрителями, понимаешь, что именно такие помосты среди гуляющих на оживленной площади зрителей вовлекают горожан в спортивные круги. Любят у нас померяться силой! Благодаря посетителям ледового городка в этот воскресный день в Ледовом штурме появились весовые категории не только запланированные до 60 и 70 килограмм, но и до 80, и даже свыше 90! Кто-то из гостей выйдет на помост теперь не раз, да и ребята детдомовские набегались тем временем по ледовым лабиринтам, да и на каруселях покатались.

К следующим состязаниям, которые изменят вид городка, готовятся не день и не два. В календаре как молодых ребят, так и именитых спортсменов Ледовый штурм отмечен задолго до наступления холодов. Это первое состязание для ледолазов в наступившем году. Своих воспитанников на лед вывели Максим Михайлов, Андрей Му-

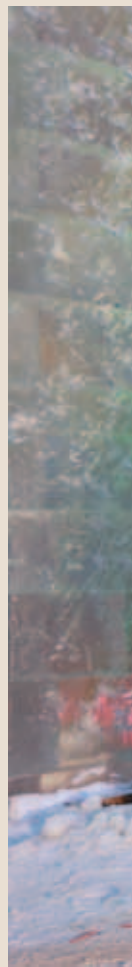

нов, отсеивая к финальным забегам более подготовленных участников, ведь его «трудность» могут пройти далеко не все! Пока тренера гоняют своих воспитанников по несложным маршрутам, демонстрируя родителям, чему научились их дети, работая на стене, на большой горке городка монтируются элементы трассы для подготовленных спортсменов. Не спеша устанавливаются таймеры, которые будут фиксировать парные старты, подвешиваются к потолку щиты с зацепами — профессионалы должны уметь гоняться и по отрицательным стенам, и по потолку. И ведь не пальцами рук и резиновыми тапочками удерживаться придется, это вам не скалолазание. В руках ледовые крючья, на ногах кошкоботы, в ботинки вживлены когти от привычных альпинистских кошек. Вот с таким инструментом придется гоняться вначале по ледяной стене, затем по потолку и финишировать снова по вертикальной стене. Только в этом году добавился новый элемент — искусственный лед на финишной прямой. Небольшие площадки синтетического материала, настоящий лед на этом отрезке использовать запрещается. А чтобы совсем приблизить сложность к мировым характеристикам, прикрепили к потолку ледяные бочки. Их мы видели в прошлые годы, но такую комбина-

цию Максим показал на Ледовом штурме впервые. Финалы намечены на темное время суток, поэтому на более легких трассах новичкам и просто любящим желающим, кто может втиснуть ноги в кошкоботы и удержаться хоть немного на стене, предоставлено довольно много времени. Впервые ребята смогли ощутить себя настоящими восходителями — их допустили на 12-метровую стену, на которую раньше допускали только финалистов. Тренера страховали, участники безжалостно били ботинками лед, цеплялись крючьями за неровности, срывались, повисая на страховочных веревках. Когда к наступлению вечера родители разбирали ребят, те даже не сопротивлялись, вся энергия была выплеснута на замороженную стену.

Зато когда село солнце за дома, когда включили в городке праздничную иллюминацию, зрители потянулись к оборудованной большой горке. Надо отметить, что кататься с горки посетители не прекращали ни на минуту. Очередь к лестнице на горку с одной стороны, выхватывающие с ледяного языка родители своих детей, скатившихся на доске, — с другой, а между ними, вернее, под ними — молодые люди с железными конечностями. При этом горка переливается огнями, брызги льда, подсвеченные разным цветом,

хин, Павел Иванов. Для молодых ребят доступны пока квалификационная трасса, размеченная вокруг елки, и возможность подняться по возвышающейся 12-метровой стене, построенной к Ледовому штурму. А вот Сергей Самойлин, Никита Копосов, Денис Холманских, Алена Кочебаева, Екатерина Новоселова, Диана Галимова пришли бороться на самых сложных трассах на трудность и на скорость. Арсений Шевченко и Юлия Каплина приехали представить на ристалище тюменскую школу.

Но до начала состязаний надо еще построить трассы. Максим Михайлов, воспитавший несколько призеров и чемпионов России и мира, уже несколько лет готовит на Ледовом штурме испытания для спортсме-

гомон. Праздник, одним словом! Качество и уровень трассы могут оценить только профессионалы, поэтому предлагаю посмотреть фотографии. Отмечу лишь, что полностью пройти всю дистанцию на трудность смогли только призеры, дальнейшее распределение мест производилось, учитывая, на каком зацепе спортсмен сорвался.

Телевизиончики, как всегда, самого вкусного не дождалась — забеги сильнейших начались после

шести и закончились уже к десяти. Только морозостойкие фотографии смогли запечатлеть необычные кульбиты, выполняемые спортсменами на высоте, порой зависая, держась одним только крюком за раскачивающуюся ледяную глыбу и примеряясь, куда вонзить ботинок для следующего рывка! Поэтому телезрители остались в уверенности, что ледолазание — это такая милая молодежная забава продвинутых го-

родских скалолазов. И только участники и окружающие зрители видели искаженное лицо сорвавшегося за пару рывков до финишной кнопки спортсмена, бессильно повисшего на страховочной веревке в полуметре над землей. Ледолазание — это альпинистская дисциплина, и цена срыва на стене в горах бывает столь высока, что даже на спортивной трассе спортсмен не сдастся до последнего.

Вот и закончился фестивальный день. Завтра ребята пойдут в школу на первый в четверти урок, у студентов начнется зимняя сессия, а старшие спортсмены вернуться на работу. Спасибо за такой яркий и незабываемый молодежный праздник. До следующего Ледового штурма! **УС**

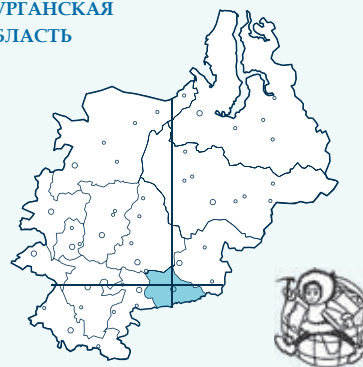

Экспедиция на Тобол

Путевые заметки

КУРГАНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

3 января

Все та же бесконечная дорога на Курган. Наконец-то выехали за Урал, въезжаем в Сибирь. Появляется настоящее зимнее солнце, как из детства, давление растет, температура падает. В ясном морозном небе часами над нами висит мистический круг гало. Такое я наблюдаю впервые. Этот оптический феномен реально впечатляет! Гигантское светящееся кольцо вокруг солнца. Контрастность неба резко меняется — к центру оно заметно контрастнее и ярче, чем по краям. Не верится, что это обычные ледяные кристаллики.

Что же оно нам принесет?

Пос. Вороновка, все та же речка, место, уже хорошо известное палеонтологам мира благодаря находкам дайверов. -24 С, несильный ветер. Нас 13 человек, из них только двое здесь раньше ныряли, пять

человек будут погружаться впервые. Вот по-настоящему счастливые люди — сколько впереди их ждет эмоций! В первый день сделали пять майн. Завтра узнаем, какие из них будут фартовые! Только активная работа с пилой, коловоротом и лопатой спасает от замерзания. Новый опыт выживания для многих участников.

Возвращаемся во все ту же небольшую гостиницу с надписью на двери «В душе не курить!». Вечером долгожданная и традиционная сауна.

Тут же за большим и богатым столом рождается план следующей поездки на север области — найти, вспомнить и задокументировать новые водоемы, а может, повезет и с находками. Этот район очень привлекателен для любого поиска, от подводного до наземного, грани-

Сергей Кондрашин

Руководитель дайв-центра «Тритон», руководитель экспедиционной секции Свердловского отделения Русского географического общества.

ца Свердловской области и Пермского края богата аномалиями, труднодоступностью, неизученностью и реальными приключениями.

Есть желание, время и возможности, а дальше, как говорят арабы, иншаа алла!

Вечер заканчивается глубоким сном и многоголосым храпом. Все, присоединяюсь к ним!

4 января

Приехали на речку. Установили большой шатер, постоянно греем воду для замерзших регуляторов. Условия непростые — вода 0 градусов, течение, мороз, видимость от силы 1,5 метра, подо льдом что-то среднее между полумраком и полным мраком. Десятки случаев фри флоу.

У каждого дайвера непременно по два страхующих — один с веревкой, другой с кипятком. Максиму не повезло, наверное, больше всех — сплошная череда замер-

зания регулятора не позволила совершить долгожданный дайв.

Но традиционно — чем больше природа бросает препятствий, тем больше и отдает. Впервые подняли со дна четыре сросшихся, как нам показалось, пушечных ядра, фрагменты керамики, десятки окаменевших зубов акул, щеток скатов, несколько позвонков ископаемых рыб и традиционный набор костей палеофауны.

Весь день на речке в работе и азарте пролетел незаметно. Вечером — честно заработанная сауна. И рождаются новые честолюбивые планы, которым судьба исполниться.

Под вечер кто-то уже отправляет домой видеоотчеты — в компании действительно нет баб, только одни мужики и водка.

5 января

Крайний день погружений. Все участники уже все знают, под-

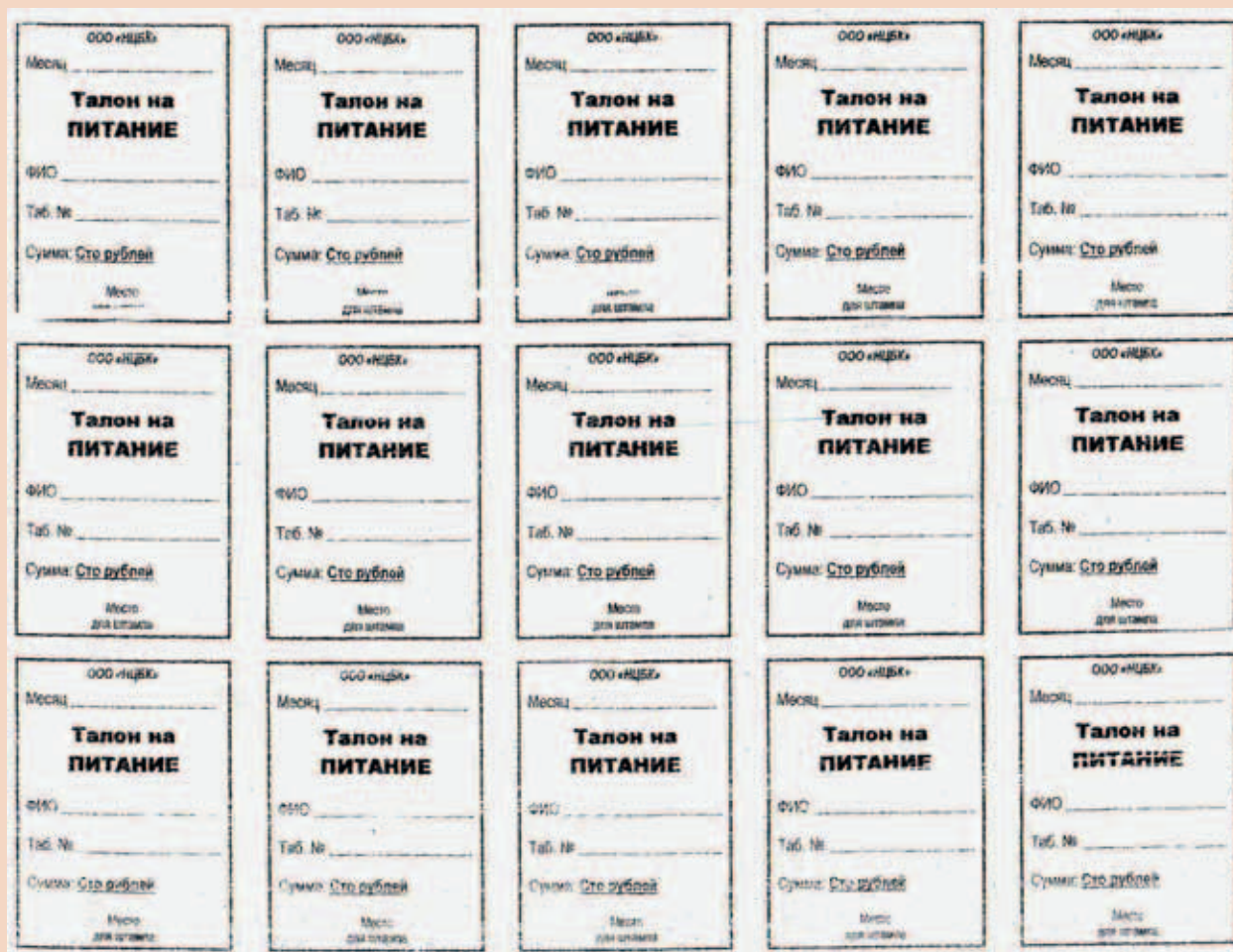
готовка к погружениям идет быстро и ладно. Отработали две майны. Майна номер четыре оказалась самая фартовая — Максим в свой первый дайв нашел единственную в этой экспедиции челюсть какого-то некрупного ископаемого. Доволен и счастлив! И, конечно же, огромное количество зубов древних акул самых всевозможных форм и размеров.

При виде их снова просыпается наша старая мечта — открыть еще неизвестную акулу. Такие небольшие шансы река здесь дает.

Майна номер пять оказалась совершенно пустой, разве только что натянута веревка от сети добавила адреналина Дмитрию.

Поездка закончилась. Дальше долгая, нудная дорога домой, а голову уже свербит следующая экспедиция на Серебрянский. Пожалуй, реальную ценность нашей жизни можно оценить, только когда впереди есть и Путешествие, и Дорога. **УС**

«Посадили на талоны»

Известно, что в начале-середине 90-х годов на ряде предприятий Среднего Урала в условиях дефицита денежной наличности выдавали зарплату либо ее часть талонами на питание.

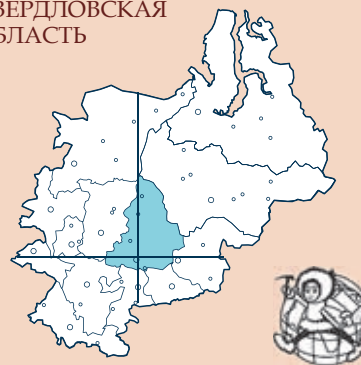
Так, в газете «Уральский рабочий» от 23 июля 1996 года опубликована заметка собкора М. Смышляева «Посадили на талоны». В ней сообщалось, что на Новолялинском целлюлозно-бумажном комбинате работники с начала года не получают оплату за свой труд настоящими деньгами. Ее выдают талонами на питание (по 20 штук), которыми можно оплатить как обед в столовой комбината, так и промышленные товары в магазине предприятия.

Талоны были выпущены номиналом восемь тысяч рублей, отпечатаны на обычной писчей бумаге красителем красного цвета. Размер талона — 50x60 мм, на нем предусмотрены поля для указания месяца вы-

дачи, фамилии, имени и отчества работника, его табельного номера, оставлено место для штампа подразделения. На обороте талона проставлен основной штамп предприятия, прямоугольной формы, размером 55x20 мм, содержащий текст: «Акционерное общество открытого типа Новолялинский ЦБК», исполненный фиолетовыми мастичными чернилами.

Последующие годы для предприятия и его тружеников не были легкими. И хотя зарплату стали выдавать настоящими деньгами, задержки в ее выплате периодически продолжались. Кризисные явления заставляли собственников проводить оптимизацию и реорганиза-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Александр Макурин

Коллекционер, краевед. Автор более 50 публикаций по результатам исследований в бонистике, фалеристике и других отраслях коллекционирования.

цию ЦБК, включая его переименование. На предприятии вводились процедуры наблюдения и внешнего управления, завершившиеся наконец банкротством старого и появлением нового юридического лица.

В эти периоды руководство ЦБК не отказывалось от практики выдачи персоналу части зарплаты талонами на питание. Для этого в п. 6.4 Коллективного договора предприятия (2010–2015 гг.), теперь уже носившего наименование Общество с ограниченной ответственностью «Новолялинский целлюлозно-бумажный комплекс», даже было предусмотрено положение о том, что работодатель по письменному заявлению работника может проводить оплату труда в иной (не денежной) форме, в размере, не превышающим 20% от общей суммы заработной платы.

В повседневности талоны использовались по прямому назначению, а в 2012–2015 гг. работники вновь могли оплачивать ими приобретение не только продуктовых, но и промышленных товаров в магазине при комбинате. В эти годы на талонах снова появилось обозначение номинала — пятьдесят или сто рублей. Изготовление талонов проводилось способом ксерокопирования, их дизайн практически не изменился, лишь добавилось краткое наименование предприятия — ООО «НЦБК». Именно использование в качестве платежного средства позволяет отнести талоны Новолялинского ЦБК к денежным суррогатам.

В завершение логично привести ссылку на сообщение местных СМИ (NewLyalya.Ru) от 17 января 2015 г.: «...На Новолялинском ЦБК прекращена выдача талонов на спецпитание. Конкурсный управляющий... расторгнул договор с Торговым домом «НЦБК» на поставку продуктов питания. В результате на пред-

приятии прекращена выдача талонов спецпитания работникам, занятым на работах с вредными условиями труда. Закрылись продуктовый отдел в магазине «Дубрава» и завод-

ской буфет, где труженики ЦБК могли использовать талоны спецпитания на получение продуктов или купить продукты питания в счет заработной платы». **УС**

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание, работа в группах и индивидуальные занятия.

Эдуард Соколов

Музыкальный мастер Уральской государственной консерватории (академии) им. М. П. Мусоргского. Выпускник УЛТИ 1981 г. Автор ряда публикаций, посвященных струнным музыкальным инструментам в сборниках и российской периодике. Живет в Екатеринбурге.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

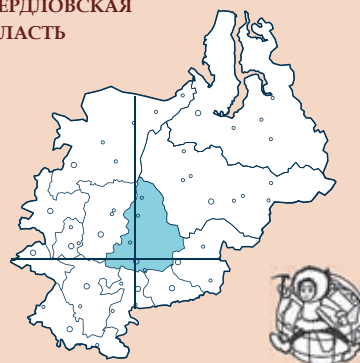

Фото Евгения Тамплона

◀ А. Страдивари. Скрипка «Император». 1715 год

Страдивари и российские «дрова»

В феврале 2015 года в Екатеринбурге умер последний в нашем городе скрипичный мастер Александр Георгиевич Фомин. Он изготавливал скрипки и альты, научившись этому искусству у А. С. Кылосова и Р. Г. Викснина. С ним ушла в небытие школа уральских скрипичных мастеров, что зародилась в Свердловске в 30-е годы XX века. Начиналась она с подвижничества Андрея Семеновича Кылосова, ставшего первым скрипичным мастером Уральской консерватории и первым профессиональным скрипичным мастером в истории Урала.

ки и альты, ремонтировали и реставрировали также виолончели, контрабасы и смычки.

Иногда они изготавливали на заказ необычные смычковые инструменты. Так, Борис Абрамович Скопец изготовил карманную скрипку – пошетт. Вячеслав Михайлович Терехов сработал глухую скрипку – тренажер. Алексей Петрович Скобелин – пятиструнную электроскрипку, а также – виоль д'амур и складную виолон-

▼ А. Страдивари. «Испанский Страдивари» Кремона. 1715 год

чель «Богомол», что помещалась, вместе со смычком, в футляре для удочки. Роберт Гаральдович Виксинин сочинил однажды виолончель с очень узкими обечайками. А Кылосов создал несколько скрипок, у которых дно было изсверлено дырочками в шахматном порядке и отверстия эти аккуратно заделаны деревянными пробочками так, что меж ними оставался пузырек воздуха; а также – пару скрипок, у которых обечайки с басовой стороны не имели выреза («эсса») и напоминали басовой стороной очертания гитары. Словом, уральские скрипичные мастера экспериментировали, фанта-

Благодаря А. С. Кылосову и его дружбе с Е. Ф. Витачеком (хранителем столичной Госколлекции) в Свердловске после Отечественной войны сложилась группа энтузиастов, которые переняли от него искусство изготовления скрипок: Р. Г. Виксинин, А. П. Скобелин, А. П. Шипулин, В. Ф. Беляев, братья Тереховы, А. Г. Фомин, Б. А. Скопец. Из них Виксинин, Скобелин и Фомин после смерти Кылосова поочередно работали в Консерватории на должности мастера смычковых музыкальных инструментов. Все они изготавливали скрип-

◀ Скрипка Бернадель

зировали, производили добротные инструменты и поддерживали в рабочем состоянии парк смычковых нашего города и области. И вот их не стало. Умер последний. Теперь никто новых хороших скрипок не делает. Как-то грустно от этого стало...

◀ Скрипка А. Гварнери

Но вспомним историю. Скрипичные мастера мира вот уже 250 лет (четверть тысячелетия!) непрерывно экспериментируют, пытаются хотя бы приблизить качество своих инструментов к творениям гениальных итальянцев кремонской школы. Потрачены целые железнодорожные составы отборных древесных материалов планеты. А результат? Лучшие, действительно, только приблизились.

В скрипке всего 86 деталей — предельный лаконизм конструкции. Ничего лишнего. (Для сравнения — в рояле более 10 тысяч деталей). Но почему-то не получается! Где было бы теперь искусство изготовления музыкальных инструментов и сама инструментальная музыка, если бы не были утеряны секреты мастеров и если бы эти знания совершенствовались следующими поколениями?! Какую музыку мы бы теперь слушали! Ведь сам Страдивари, когда к нему приносили его же работы разбитый инструмент, без сожаления менял битую деку и иные покаленные детали. Ныне же, в случае поломки старинного шедевра, лучшие мастера планеты, имеющие специальный реставрационный допуск, терпеливо склеивают все кусочки древесины, используя современнейшую технику, вплоть до длиннофокусного микроскопа, гипсовых форм-отливок, реставрационных камер с климат-контролем, рентгена и вакуумного склейщика... А качество инструмента после ремонта (пусть и высококвалифицированного) уже не то! Во-первых, мастер — не Гварнери! Во-вторых, склейки рикошетят поперечную звуковую волну в дереве деки.

Ценнейшие музыкальные инструменты старых итальянцев гибнут в автомобильных, авиа- и морских катастрофах. Утонул «Титаник», а там вместе с оркестром исчезло несколько легендарных итальянских инструментов. Гибнут в пожарах, во время военных конфликтов. Их численность продолжает сокращаться. Остальные, переноса все новые и новые травмы и поломки, изнашиваются, «устают» и утрачивают свои бывшие уникальные звуковые качества.

Теперь — о «секретах» Страдивари. С тех пор, как в конце XVIII века во Франции, а потом по всей Европе начался «бум» на итальянские скрипки и смычковые инструменты, имя Антонио Страдивари (1644–1737) не сходит с уст людей, связанных с музыкой. Секреты рецептов, технологий создания уникальных смычковых инструментов были утрачены в Италии в середине XVIII века. Эпидемии чумы, черной оспы опустошали европейские го-

рода. Упавший покупательский спрос на музыкальные инструменты, вымершие династии мастеров, а также появившиеся новые легкие технологии и другие рецепты способствовали их забыванию. Но на рубеже XVIII–XIX веков об этих утраченных «секретах» заговорили.

Тема родилась не на пустом месте. Когда скрипки стали звучать в европейских залах, сразу же обратили внимание на то, что инструменты мастеров кремонской школы выделяются среди смычковых работы мастеров иных стран. Причем отличия явные. В звучании итальянских инструментов слышалось «бельканто». Звук наполнял весь зал, и при этом звукоизвлечение было легким. Это обескураживало как музыкантов, так и европейских мастеров. Итальянцам начали подражать, тщательно копируя их инструменты. Но тщетно! Копии внешне порой ничем не отличались от оригиналов. Но под смычком сразу становилось понятно, где Страдивариус, а где «самовариус»! Недостижимость звуковых результатов и породила многочисленные легенды о «секретах». Подсчитали даже, что в мире еженедельно кто-нибудь открывает очередной «секрет Страдивари». Уже получилось много-много собрание «секретов», которые подчас не имеют никакого отношения к творчеству великого итальянского мастера. Только предположения, догадки, домыслы.

И, тем не менее, секреты есть. Они спрятаны в системах выстройки дек и корпусов музыкальных инструментов, в подборе древесины, в забытых рецептурах древних лаков и грунтов (грунт — это акустическое покрытие древесины корпуса). А также в технологиях, пооперационных цепочках, что применяли скрипичные мастера итальянской школы: брешинские: да Сало (1542–1609), Маджини (1580–1632), Руджери (1700–1725); кремонские: пять мастеров семьи Амати; пять мастеров семьи Гварнери; три мастера семьи Страдивари (у Антонио было двенадцать детей, из них два сына — Франческо и Омобон — стали музыкальными мастерами); а также мастера Гранчино, Сториони, Бергонци, Монтаньяна, Гваданини, Гобетти... Кроме кремонских, были скрипичные мастера и в других итальянских городах: Неаполе, Флоренции, Венеции, Милане, Риме, Болонье... Около сотни итальянских мастеров в XVII–XVIII веках применяли те знания, технологии, что потом были утеряны.

Цеховые традиции в Европе известны из Средневековья. Гильдии были созданы еще на рубеже XI–XII веков.

Корпоративная цеховая дисциплина не позволяла музыкальным мастерам быть откровенными с окружающими. Сведения делились только с посвященными, принятыми в гильдию музыкальных мастеров (цеховое братство святой Анны). Мастера не оставляли записей с технологическими описаниями, рецептурами. Но они оставили нам свои творения: смычки, скрипки, альты, виолончели, церковные басы, кон-

трабасы, мандолины, арфы, гитары, скрипки-пошетт, лютни, теорбы и т.д. Я подробно перечислил продукцию мастерской Антонио Страдивари. Да, он делал не только скрипки! Но барабанов не делал.

Секреты существуют. Многие раскрыты с помощью современных научных лабораторий во второй половине XX века. Но результаты не были обнародованы, а тут же снова засекречены...

струменты, что и поныне еще звучат в концертных залах, а не только пылятся в витринах музеев и частных коллекциях. Если добавить к этим инструментам миллионы крестьянских мануфактурных и фабричных смычковых, зачастую снабженных фальшивыми этикетками с именами известных мастеров, то разобраться, где копия, а где оригинал, становится очень проблематично. Чтобы отделить зерна от плевел, и были введены категории качества музыкальных инструментов.

Есть несколько систем градаций

из них своя ценовая ниша и свой набор достоинств и недостатков. Итак:

I — «дрова», «макеты», «дурилки картонные» — от 3 до 10 тысяч рублей, не годные ни на что;

II — учебные инструменты (для учащихся музыкальных школ и любителей музыки). Пригодны для начальной стадии обучения. Стоимость примерно от 10 до 30–50 тысяч рублей;

III — камерные (комнатные). Удобные, приятно звучат, но в зале их слышно плохо, а в звучании оркестра их голоса теряется. Стоимость 50–100–130 тысяч рублей;

IV — оркестровые «рабочие лошади». Профессиональные музыкальные инструменты, имеющие необходимый набор качеств и пригодные для игры в составе оркестра. Стоимость от 130 до 300 тысяч рублей;

V — настоящие сольные музыкальные инструменты. Способны выделяться (солировать) на фоне звучащего оркестра. Это музыкальные инструменты для солистов-виртуозов. Ориентировочная стоимость от 300–500 тысяч до 1,5 миллиона рублей;

VI — легендарные мировые шедевры. В свободной продаже их нет. Продаются на мировых аукционах. Стоимость может быть запредельной.

Крупнейший банковский центр Европы периодически предоставляет свой выставочный комплекс во Франкфурте-на-Майне, ярмарке «Мьюзик Месс» (в марте-апреле). На эту престижную международную ярмарку съезжаются производители музыкальных инструментов со всего мира. Гигантский многоэтажный павильон занимает крупный квартал города. Обойти за неделю всех производителей просто невозможно, так их много! В павильоне для акустических инструментов есть все! Со всего мира, кроме России. России нечем гордиться. Имея леса, мы не торгуем качественной, выдержанной древесиной. Наши музыкальные фабрики тупо выпускают нечто самобытно-бездарное, что стыдно привезти на международный рынок. Наши мастера очень отстают в своем профессиональном развитии и качестве изготавливаемых инструментов. Мастеров в России не готовят.

А вот наши музыканты, наша российская трехступенчатая школа их подготовки — это предмет гордости россиян! В Европе знают «секрет безкоризненного звучания скрипки»: «Для этого нужны три слагаемых — настоящая итальянская скрипка, настоящий французский смычок и — настоящий русский скрипач!» (фраза ведущего скрипичного мастера города Кремоны Джобатта Морасси). **УС**

Кроме итальянцев, были скрипичные мастера других школ: французской, немецкой, австрийской, английской, голландской, чешской, польской и русской. У каждой свои особенности, а значит — свои «секреты». У обывателей на слуху фамилии Страдивари, Амати, Гварнери и еще дватри имени. А мастеров в XVI–XIX веках в Европе было много. Наверное, более тысячи имен. А вот фамилии только нескольких известных русских мастеров: Иван Батов (1767–1841), Иван Краснощеков (1798–1875), Николай Киттель (1806–1868), Анатолий Леман (1859–1913). И все они оставили нам большое наследие — музыкальные ин-

струменты. Приведу самую известную. В современном музыкальном мире смычковые музыкальные инструменты делят условно на шесть категорий качества. Верхняя (VI) категория — это мировые шедевры тех легендарных мастеров XVII–XIX веков, которые упомянуты выше. Это восхитительные, уникальные музыкальные инструменты, обладающие набором мыслимых и немыслимых достоинств. Они почти не имеют дефектов. Таких немного. Это разряд редкостей. Нижняя (I) категория — это «музыкальные дрова», «макеты» инструментов в натуральную величину... Неудобные, плохо сделанные, дурно звучащие, порочащие само название «музыкальный инструмент».

Между этими «полосами» расположены еще четыре категории. У каждой

◀ Французская виолончель

Трамвайные маршруты в Екатеринбурге

Встречный ветер

Транспорт любого города — это визитная карточка. Когда

мы приезжаем в чужой город, у нас возникает вопрос:

«На чем добраться до нужного нам объекта?»

В Екатеринбурге есть самый разнообразный транспорт: автобусы, трамваи, троллейбусы, метро, городская электричка и, конечно, маршрутное такси.

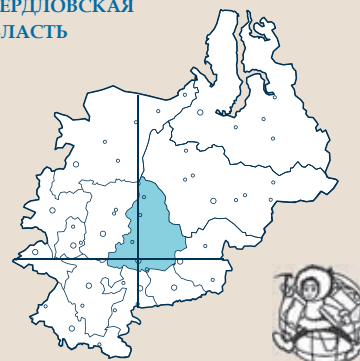
Самый первый вид общественного транспорта — автобусы. Они ходят по городу с 1925 года. А вот первый трамвай — с 1929-го. Пер-

вый маршрут прошел от Цыганской площади (это территория Южного трамвайного депо) до железнодорожного вокзала.

И каждый год открывались новые трамвайные маршруты.

Уникальный трамвайный маршрут № 11 отметил 80-летний юбилей в 2015 году.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Маршрут открылся 7 ноября 1935 года. Линия до городской электростанции им. Рыкова (что на полуострове Большой Конный) существовала и раньше, но по ней ходил паровоз.

В 1935 году Верх-Исетский завод передал СГЖД (Свердловской городской железной дороге) ветку подъездной железной дороги к электростанции на Малокодном полуострове Визовского пруда, после электрификации которой стало возможно организовать движение трамваев. 7 ноября на маршруте № 11 «ВИЗ – Электростанция», длиной 4 км, пущены два Ленинградских вагона МС.

В газете «Уральский рабочий» от 10 ноября вышло сообщение: «Утром 7 ноября открылась новая трамвайная линия протяженностью в 4 километра, соединившая ВИЗ и Свердловск с рабочим поселком электростанции имени Рыкова. До сих пор рабочие вынуждены были продвигать этот путь пешком. В 7 часов утра на новую линию было подано два поезда. Всего за седьмое ноября проехало 2025 человек».

Маршрут до «Кубы» (так горожане именуют полуостров Большой Кон-

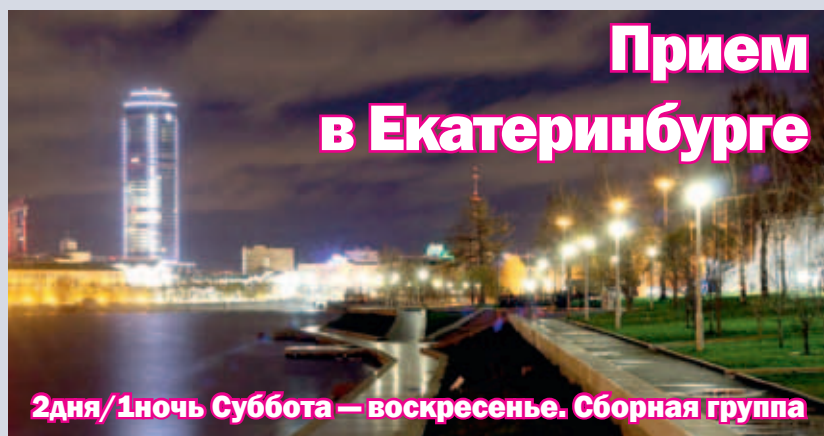
ный) уникален тем, что это единственная в городе однопутная линия, на которой до сих пор действует жезловая система. Для безопасности движения на однопутных участках с давних времен принята такая система. На разъездах водители встречных вагонов обмениваются жезлами, чтобы избежать выезда двух встречных трамваев на однопутный участок.

Другая особенность 11-го маршрута в том, что он большей частью проходит по живописному побережью Верх-Исетского пруда. Сюда в выходные дни приезжают отдыхающие и дачники. Правда, болотистая местность добавляет неприятностей эксплуатационникам. Зато весной линия благоухает запахом цветущих яблонь, а летом в рельсовой колее растут одуванчики.

11-й маршрут не рядовая линия, а своего рода экзотика, которой могут похвастать немногие города.

Не многие города могут похвастать и экскурсионным трамваем, который ходит по городу уже 14 лет.

В 2011 году экскурсия на трамвае по теме «Сказочный трамвай» получила знак «Екатеринбургское качество». **УС**

2 дня/1ночь Суббота – воскресенье. Сборная группа

1 день

10.00–13.00 – обзорная по городу (с выходом на плотинке) + граница Европа-Азия + Ганина Яма (мужской монастырь)
13.00–13.30 – обед в монастыре (Ганина Яма)
13.30–14.00 – дорога до Верхней Пышмы
14.00–16.00 – посещение музея военной техники в Верхней Пышме
16.00–17.00 – дорога до Екатеринбурга
17.00 – Заселение в отель, свободное время
20.00–21.30 – Для желающих дополнительная вечерняя экскурсия по городу НА ТРАМВАЕ. Стоимость экскурсии 450 рублей с туриста (экскурсия состоится при наборе минимум 15 человек)

2 день

8.00–9.00 – завтрак и сбор чемоданов (чемоданы оставляем в отеле)
До Галилео добираемся на общественном транспорте: трамвай или автобус (проезд 26 руб.)
10.00–11.00 – Галилео
11.00–12.00 – смотровая площадка «Высоцкого»
12.30–13.30 – парк бабочек
13.30–14.30 – обед
15.00–17.00 – автобусная экскурсия по городу с посещением женского Александра Невского Ново-Тихвинского монастыря
17.00–18.00 – заезд за вещами в отель и трансфер на ж/д вокзал

Стоимость: Проживание в отелях Екатеринбурга (руб.):

Хостел – 5400,0 – взрослые и 5200,0 – школьники
Протекс отель – 6200,0 – взрослые и 6000,0 – школьники
Отель Реноме – 7500,0 – взрослые и 7300,0 – школьники

В стоимость входит: встреча, проводы, проживание в отеле выбранной категории, питание и экскурсионка по программе

Бронь по телефону: +7 (343) 257-13-19 **или по эл. почте:** cultura11@yandex.ru

Турбюро «Эльтранс»

Адрес: г. Екатеринбург,
ул. Степана Разина, 51, оф. 14.

Телефоны:
+7 (343) 257-13-19;
+7 (343) 385-13-19;
+7 (912) 216-79-89;
+7 (950) 65-15-306.

На территории города Асбеста в войну и после находились военнопленные стран, воевавших на стороне фашистской Германии.

Лагеря для военнопленных располагались как в городской черте, так и в пригородных поселках и в удаленных лесных участках.

Черная рука

Потери от смертности среди военнопленных были немалые. Опираясь на опубликованные в официальной печати данные, можно утверждать, что в уральской земле осталась седьмая часть всех военнопленных. Основные причины смерти, как записано в документах: туберкулез, воспаление легких, дистрофия. Все умершие в лагерях захоронены в нашей земле. Кладбища формировались по национальному составу. Но, по устной информации старожилов, можно заключить, что военнопленные разных национальностей были захоронены на одном погосте. Офицеры, как немецкие, так и венгерские и румынские, — отдельно.

Молодые поколения жителей города уже и не слышали о кладбищах военнопленных. Но вдруг иностранные делегации стали интересоваться захоронениями своих граждан. А кладбища на тот период уже перестали существовать. Часть была срыта горными работами или засыпана отвалами. Одно из кладбищ в северном карьере было хорошо известно старожилам. Второе — для офицерского состава — уже нигде не числилось. Но именно им и заинтересовались: оказалось, что там был захоронен высокий армейский чин дворянского происхождения. В 1989 году в город доставили архивные материалы, и комбинату «Ураласбест» было поручено найти местоположение «генеральского» кладбища. К работе привлекли опытных специалистов-маркшейдеров С.Ф. Кузнецова и Ю.З. Воронова. В их

руках оказался план расположения кладбища со схемой привязки к дороге, контуру леса и линиям ЛЭП.

Нужно учесть, что расположение дорог, да и весь ландшафт местности стали совершенно другими. В районе захоронения появились отвалы, промышленные объекты, которые активно работали. Старые карты и схемы были просчитаны и обработаны. Их сверили с современными планами и попытались «посадить» на координатную сетку, с которой работал комбинат «Ураласбест» в послевоенное время. Для производства полевых поисковых работ были использованы новые и совершенные на тот период приборы — светодальномеры (по иронии судьбы, германской фирмы).

Местоположение кладбища нашли быстро, но вот конкретные границы захоронения сначала определить не удавалось. Помог случай. Местные жители, увидев людей с приборами, испугались, что тут опять будут что-то строить. А у населения в этом районе обширные огороды с картошкой. Однако, узнав о причине работ, быстро указали местоположение захоронения.

Из воспоминаний военнопленных, вернувшихся на родину, было известно, что при захоронении офицера высокого ранга в его могилу клали металлическую деталь (болванку), для последующего отыскания с помощью миноискателя. Такой прибор и применили в поиске. Кроме металлической болванки в могиле офицера, на одной из берез

Маркшейдер С.Ф.Кузнецов работает со светодальномером. 1989 г.

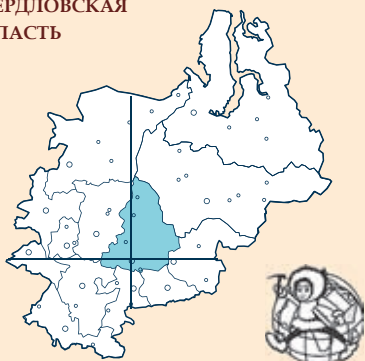

Александр Копырин

Работает маркшейдером на комбинате «Ураласбест». Краевед. Член Уральского историко-родословного общества. Написал краеведческую книгу о городе Асбесте (еще не издана).

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

неподалеку от могилы была сделана глубокая затеска, а ниже вырезан отпечаток кисти руки человека. И этот знак, к удивлению искателей, был обнаружен! Его назвали «черная рука».

И вот почти двадцать лет спустя в один из осенних дней мы отправились на место с участником поисковой экспедиции Ю.З. Вороновым. Местоположение «генеральского» кладбища сегодня известно многим, сюда иногда приезжают иностранные делегации и частные лица из заинтересованных стран, прибывающие в наш город.

Кладбище находится в лесном массиве, на просеке высоковольтной линии электропередач. Оно обнесено металлической оградой на каменных

столбах, поставлены мемориальные кресты с надписями на двух языках. Территория приведена в порядок. Посредине проходит пешеходная дорожка, выложенная каменными плитами. Но нас интересовало не само кладбище, а лесной массив, который расположен чуть севернее. Подходим к сплошной стене леса и медленно движемся вдоль его кромки, глядясь в стволы берез.

Сначала прошли в восточном направлении, затем вернулись обратно и, наконец, метрах в пятнадцати от кромки леса увидели на белом стволе березы «черную руку».

По местоположению отметины можно было сделать заключение, что «черная рука» была вырезана в ство-

ре, с одной из сторон кладбища, и мы предположили, что, возможно, были и какие-то другие ориентиры старого захоронения. Прошли вдоль кромки леса, с обеих сторон высоковольтной. Напротив углов современных границ кладбища на деревьях видны старые оплывшие затеси. А за границей кладбища затесок на деревьях больше не видно. Из этого сделали вывод, что и оплывшие затеси тоже имеют отношение к границам старого захоронения.

Время идет, сменяются эпохи, политические режимы, вырастают новые поколения, на дворе XXI век. А в нашем лесу на белоствольной березе чернеет отпечаток событий далекого прошлого, которые не должны повториться. **УС**

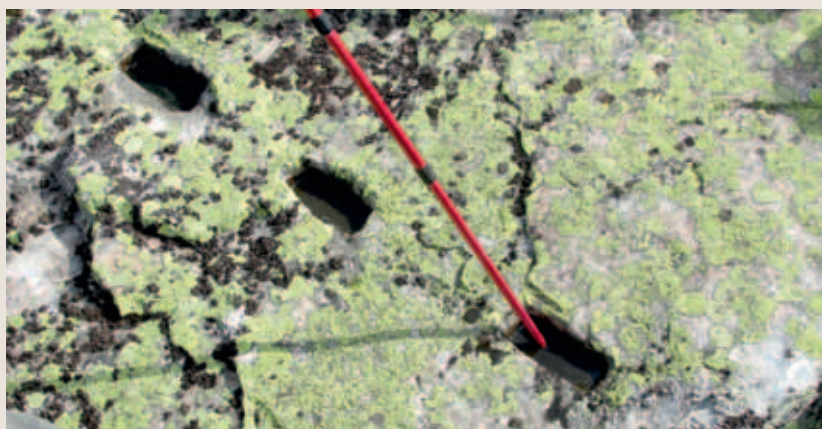
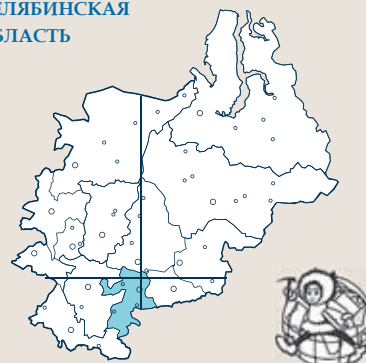
Такая таинственная Юрма...

Юрма — гора (1002 м) на севере национального парка «Таганай» на территории Кусинского района Челябинской области, считается северной оконечностью Южного Урала, севернее нее — горы Среднего Урала (из Википедии).

«Научная гипотеза всегда выходит за пределы фактов, послуживших основой для ее построения».

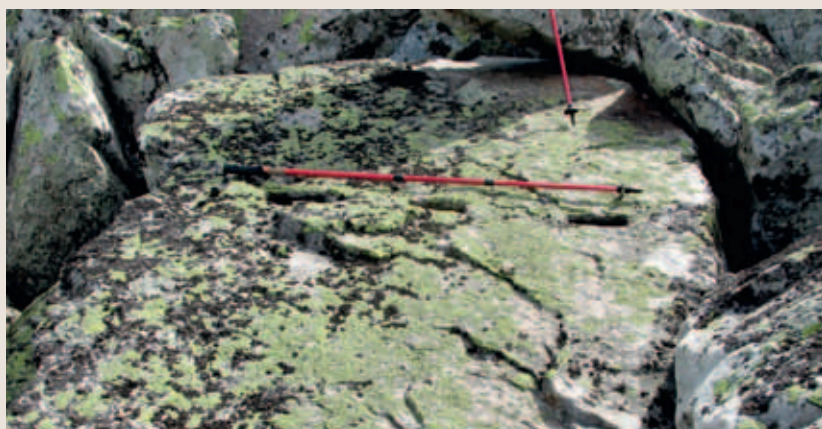
В. И. Вернадский

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

▲ Фото 1. Пазы в плите

▼ Фото 2. Плита с пазами

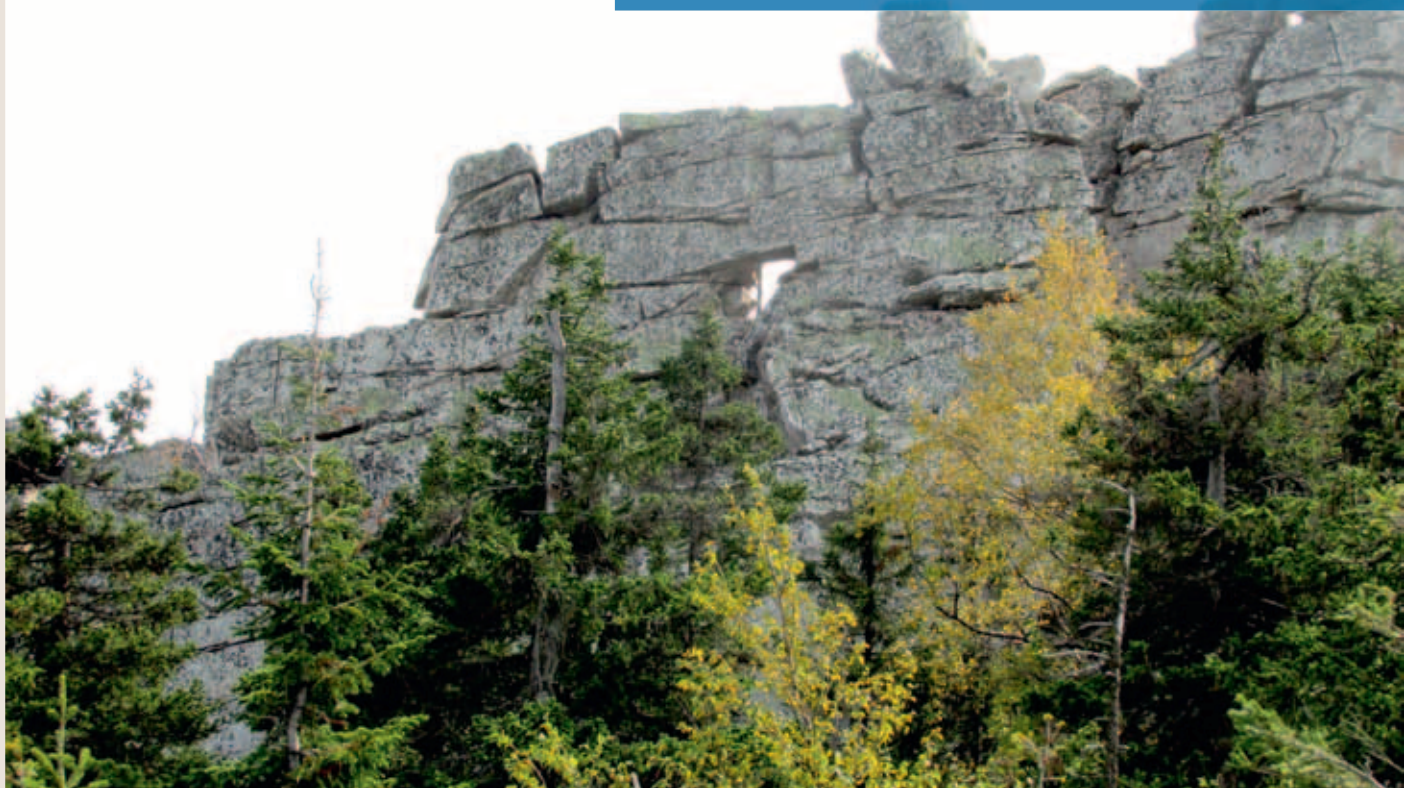
Вадим Шипов

Образование высшее, окончил МИФИ, специальность «Ядерно-химическая технология». Работает на одном из предприятий Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом». Более 30 лет занимается лыжным, пешим и водным туризмом в районах Южного Урала, Северного Урала, Полярного Урала, Алтая, Таймыра, Средней Азии, Забайкалья, Бурятии. Интересы — литература, история, культурология, география, геология. Отдых — охота, рыбалка, туризм, велосипед, лыжи.

Весь хребет Юрмы протянулся между истоков рек Уфа и Куса с юга на север на двадцать с лишним километров. По верху хребта каменные останцы и курумник перемежаются низкорослым густым ельником и обширными полянами, как их называют — «горная тундра» (смотри фото № 8, 10, 11). Большинство путешественников, побывавших на Юрме, отмечают, что лес там труднопроходимый, природа дикая, склоны нередко крутые, поросшие высокой травой, много следов медве-

дя. Граница Национального парка «Таганай» проходит по западному склону хребта и захватывает только саму вершину горы Юрма, на которой расположена вышка тригопункта со смотровой площадкой (сейчас разрушена). Весь остальной хребет в территорию парка не входит, вероятно, из-за отсутствия удобных для передвижения троп и дорог. Большинство туристов посещают вершину с вышкой тригопункта и скалы «Чертовы ворота». Некоторые по тропе (примерно 2 км на север) до-

ходят до останцев «Чертово городище», на одном из которых есть треугольное окно, называемое «Чертовым треугольником». Далее на север расположены скалы «Чертов палец», «Чертово окно» и «Башмак». «Чертовщины» в названиях добавили русские люди, которые с середины 16 века н.э., после разгрома Казанского ханства, начали активно заселять и осваивать уральские земли. После «Чертова городища» троп нет совсем, поэтому, не имея средств на-

вигации или компаса, можно легко заблудиться. Места здесь очень дикие, ельник густой и захламленный, можно увидеть муравейники с человеческий рост. Повсюду встречаются звериные переходы, лежки и многочисленные следы пребывания медведя. Порой начинает казаться, что они (медведи) здесь хозяева, а все остальные — слу-

▲ Фото 8. Скальный выход (Чертово окно) на Юрме

чайные гости. Лично меня Юрма привлекает своей дикостью и отсутствием многочисленных туристов. Как оказалось, эти места хранят тайны, о которых речь пойдет ниже.

В 2014 году, летом, поднявшись на отдаленный скальный выход юрминского хребта, мы обнаружили сре-

▼ Фото 9. Руины Юрмы

◀ Фото 3. Осколок, отломленная поверхность, сплюснутая сторона сверху

▼ Фото 5. Каменоломня рядом с городом Асуан в Египте

◀ Фото 4. Осколок, ровная поверхность, на которой виден приросший лишайник. Сплюснутая сторона снизу

ди курумника каменную плиту с тремя выдолбленными в ней прямоугольными пазами, заполненными водой (смотри фото № 1, 2). Размеры плиты примерно 1,3х3,0х0,4 м, а размеры пазов — 80х150х100 мм. Надеюсь найти еще что-либо подобное, я стал ходить вокруг и осматривать камни курумника. Метрах в тридцати от плиты с пазами я обнаружил сверху на камне на первый взгляд бесформенный кусок обожженного ржавого железа, который, судя по наличию на нем лишайника, лежал здесь достаточно долго (смотри фото № 3, 4). Находки озадачили: когда и для чего людям понадобилось выдалбливать в каменной плите эти три паза на вершине хребта? Первое, что пришло в голову: пазы в плите — это формы для отливки металлических заготовок. То есть наверху, где всегда дует ветер (что дает естественный приток кислорода в зону горения), наши предки плавил металл из железной руды, а найденный кусок обожженного железа — остаток от этой деятельности. Я отправил фотографии находок специалистам по археологии и истории, и, к моему удовольствию, мне прислали ответ, который предоставил археолог, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Уральского отделения РАН, руководитель раскопок на острове Веры на озере Тургойск Станислав Аркадь-

вич Григорьев: «Прочие фото — два я не понял, похоже на немного ошлакованную керамику... А выбитые углубления — это специальные пазы для вставки деревянных клиньев и раскалывания. Это колоть камень на правильные куски. Поэтому больше похоже на каменоломню. Тот же принцип на острове Веры, но там не такие правильные, древнее. Эти очень упорядоченные. Сравнительно поздние. Самые ранние подобные есть в позднем Египте, каменоломни у Асуана. Григорьев». К этому ответу, в качестве примера, была приложена фотография (смотри фото № 5). Итак, предположим, что с этой плитой люди работали в бронзовом веке в период 1,5–2 тыс. лет до н.э., хотя вопрос, касающийся даты, лучше отправить к специалистам, если заинтересуются. Чтобы продолжить такие пазы в кварцевой плите, имея инструменты из бронзы, надо было затратить немало усилий и времени. Значит, для чего-то это было нужно? Тогда возникает вопрос: что строили наши предки на вершине хребта, работая с плитой, вес которой составляет порядка четырех тонн? Возможно, когда-нибудь Юрма эту тайну нам откроет.

Теперь вернемся к бесформенному куску обожженного ржавого железа. При внимательном рассмотрении он уже не кажется таким бесформенным. Поверхность одной стороны у него от-

носительно ровная и местами блестящая (смотри фото № 4), противоположная поверхность неровная, с острыми выступами, как будто отломлена (смотри фото № 3), а нижняя часть сплюснена. Например, если кусок чугуна разогреть до пластичного состояния, то при ударе (или падении) о какую-нибудь поверхность произойдет такая же деформация (сплюсывание). По всей поверхности этого образца видны небольшие золотистые и другие инородные включения, некоторые из которых можно увидеть невооруженным глазом. Если этот образец поднести к компасу, то стрелка отклоняется, и, если прочертить им по белой бумаге, то никаких следов ржавчины не остается. В домашних условиях, определив массу образца (87 г), затем объем (15 см³) методом вытеснения из мензурки воды, я вычислил его плотность, которая составила 5,8 г/см³. Плотность железа составляет 7,8 г/см³, плотность камня (кварцита) — 2,68 г/см³, плотность бурого железняка — 3,4–4,0 г/см³. Из всего этого можно заключить, что найденный образец — не железо, не камень и не кусочек бурого железняка. Тогда я предположил, что это осколок метеорита, который, судя по описаниям, похож на железокремнистый (по справочникам, плотность железокремнистых метеоритов составляет 5,0–6,0 г/см³). И каково же было мое удивление, когда, рассматри-

◀ Фото 11. Горная тундра на Юрме

вая спутниковую карту участка хребта, на котором найдена плита и этот осколок, я увидел на ней неестественно правильный круг, отличающийся от общего фона. Этот круг, диаметром примерно 100–120 м, находится на расстоянии около 700 м от осколка и, возможно, имеет к нему отношение, например, является местом падения метеорита. Сделанные мною выводы пока следует рассматривать как предположение. Поэтому на вопросы, действительно ли это осколок метеорита, а круг на карте — место его падения и каково время его появления на курумнике, могут ответить только специалисты. Человек — существо любопытное: что-нибудь интересное подобрал, если не понравилась — выбросил. Найденный же осколок лежал «припечатанный» к камню всего в 30 метрах от плиты, из чего напрашивается вывод, что он появился там уже после того, как были выбиты пазы. Так ли это было на самом деле, хотелось бы узнать.

И еще одна тайна есть у Юрмы — это происхождение ее названия. Как я понял — вопрос происхождения оронима Юрма пока остается открытым. В многочисленных описаниях сказано, что в переводе с башкирского языка ороним Юрма означает «Не ходи!», так как склоны горы круты и труднопроходимы из-за густого леса. Это толкование впервые приведено в «Горном журнале» за 1825 г. (№ 5). В справочнике А.К. Матвеева «От Пай-Хоя до Мугоджар» встречается перевод этого слова — «Дремучий лес». Однако в начале 19 века считалось, что башкиры — это коренное население Южного Урала, которые всегда там жили и первые упоминания о которых приходятся на 4–9 века н.э. Сейчас понятно, что на Южном Урале задолго до башкир жили другие народы, в том числе и народы, называвшие себя ариями (арья). Найденная плита с пазами прямо указывает на то, что и на Юрме обитали люди задолго до башкир, следовательно, название этой горы могло несколько отличаться. Ариями называли себя далекие предки индийцев и иранцев. Мы не будем вдаваться в многочисленные гипотезы появления ариев на Южном Урале, только отметим, что к середине 16 века до н.э. часть из них покинула свою родину и направилась в Индию и Иран. Об этом свидетельствуют данные индоиранских языков, а также древнейшие письменные памятники — Авеста иранцев и Ригведа индийцев. Ригведа — огромный по объ-

ему сборник поэтических гимнов богам ариев (1028 гимнов). Изучение этого уникального исторического произведения помогает получить представление о культуре и языке индоариев, а также об исторических событиях того времени. Теперь вернемся к названию горы Юрма. В обзорном реферате Евтушенко И.П. «Арии на Урале» встречается термин из Ригведы арма, который М. Уилер трактует как руины, а В. Рау — как покинутая стоянка ариев. Также в сборнике «Вопросы археологии Урала» (выпуск № 26) в статье Г.Б. Здановича ««Укрепления», «крепость» в археологии синташтинско-аркаимской культуры в поэтической традиции «Ригведы»» приводятся толкования термина арма как развалины городов Индской цивилизации (Т. Барроу) и кучи мусора и отбросов на покинутых стоянках ариев (В. Рау). То есть обобщенно можно сказать, что термин арма означает нечто разрушенное (руины, развалины, куча мусора и отбросов) на покинутых стоянках ариев. Очевидно, что нам никогда не удастся точно узнать происхождение оронима Юрма, но резонно предположить, что эта гора во времена обитания на ней ариев могла иметь название Арма, которое впоследствии трансформировалось в башкирском языке в название Юрма. Каменные останцы на Юрме действительно напоминают руины (смотри фото № 9). В то же время, если арии что-то строили на Юрме, а затем прекратили по какой-то причине, то эта местность

могла называться покинутой стоянкой. Если падение метеорита все же имело место, то, вероятнее всего, это было воспринято людьми как наказание свыше, а у ариев это событие могло породить страх перед Индрой, главным богом ригведийского пантеона, богом войны и громовержцем. Тогда, может быть, это и есть ключ к ответу на вопрос о причине запрета ходить на гору и происхождении названий Юрма (или Арма), с которыми связаны выражения «не ходи; руины; развалины; покинутая стоянка ариев»?

Хочется думать, что эти места скрывают от нас еще какую-нибудь тайну, о которой, возможно, мы когда-нибудь узнаем. А пока всего две находки, которые нам так «любезно подарила» эта таинственная Юрма, навели на цепочку размышлений, которые я попытался изложить в этой статье. Ясно одно, что когда-то на Юрме обитали люди и от них мы получили запрет ходить на эту гору. Может, стоит подумать над тем, чтобы Юрму взять под охрану государства, расположив границу Национального парка «Таганай» по восточному склону хребта? Ну а пока, мы, как и прежде, будем лазить по курумникам и заросшим склонам Юрмы, несмотря на предостережение «Не ходи!», надеясь, что эти места нам что-нибудь еще откроют. 📄

▼ Фото 10. Курумник на Юрме

◀ Вход в пещеру Шульганташ.
Фотография А. Юшко

Загадки рисунков в пещере Шульганташ

Палеолитическое искусство — уникальное явление земной цивилизации. В Западной Европе находится несколько десятков пещер с рисунками, выполненными руками человека каменного века. В России такие места легко пересчитать по пальцам одной

руки. Среди них пещера Шульганташ, которая является «сокровищем палеолита». На ее каменных стенах находится большое количество рисунков и различных знаков. Особенно хорошо сохранились изображения в зале рисунков.

Владислав Карелин

Заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, действительный член Русского географического общества, уральский краевед, автор более 500 статей, в том числе в журнале «Уральский следопыт», начиная с 70-х гг. прошлого века.

БАШКОРТОСТАН

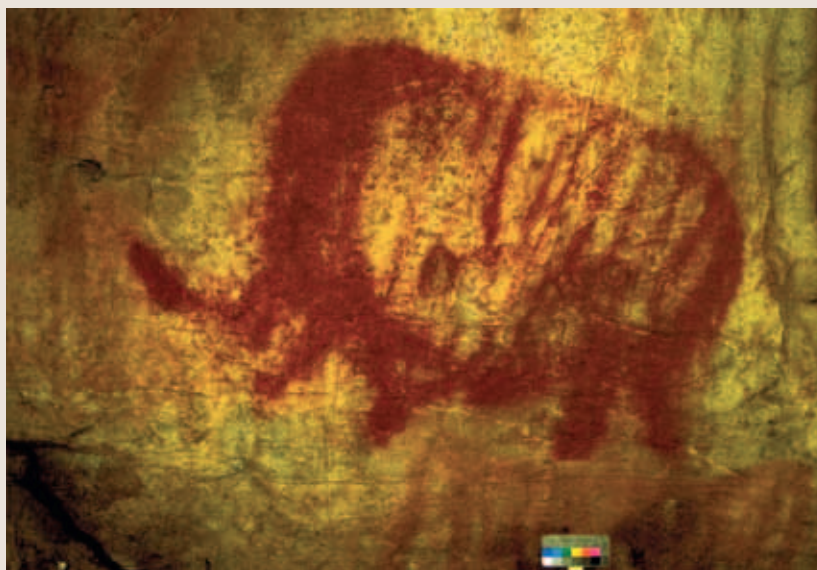
В попытках ответить на вопрос, «зачем появилось палеолитическое искусство», исследователи высказали более десятка различных гипотез, ни одна из которых не дает убедительного пояснения. Более того, западноевропейские исследователи весьма пессимистично отвечают на такой вопрос. Так, например, J. Clottes считает, что «бесполезно искать смысл в древнекаменном искусстве». A. Siveking утверждает: «Вполне возможно, что мы так никогда и не узнаем значения росписей, созданных в эпоху палеолита». P. Jonson однозначно утверждает, что цель па-

► Носорог.
Фотография О. Минникова

леолитического искусства «мы не знаем и никогда не узнаем». Тем не менее французский исследователь А. Leroi-Gouhan сформулировал важную гипотезу о том, что палеолитические изображения в пещерах были не просто образами реальных представителей животного мира, но и символами определенных идей. По его мнению, организация изображений в пещерах представляет собою четко оформленную семантическую систему, предназначенную для коммуникаций между людьми палеолита. Такую мысль поддержал G. Sauvet, считая, что палеолитическое искусство является знаковой системой, своего рода языком, который служил для коммуникации между людьми посредством своеобразного канала, отличного от обычной речи.

Используя мысль о коммуникативности системы изображений в пещерах, я высказал гипотезу о том, что такая система была предназначена для ориентации в пространстве, в которой зооморфные фигуры по ассоциации использовались как маркеры, путевказатели, позволяющие передавать своим сородичам информацию о коротких перевальных путях бесконтактным

визуальным способом для переходов из долины одной реки в другую, соседнюю. Древний человек для отображения понятия «перевал» как понижения между двумя вершинами использовал изображение мамонта, отражая по ассоциации часть дорсальной линии мамонта — от головы через резкое понижение и подъем на спину. В итоге мамонт в целом стал восприниматься как символ «перевального участка». Для указания направления движения на перевал человек каменного века исполь-

зовал фигуры бизона и лошади. Характерная линия горба бизона по ассоциации с дугообразной линией дневного движения солнца по небосводу символизировала южное направление движения на перевал. В целом фигура бизона стала символом южного направления. Нижняя линия головы лошади, ориен-

▼ Река Белая
в районе пещеры Шульганташ.
Фотография Ю. Ляхницко

▲ Большая трапеция.
Фотография О. Минникова

тированной вниз, представляет собою кривую линию в виде дуги, изгиб которой расположен в нижней части и которая стала символизировать направление, противоположное линии движения солнца по небосводу, то есть северное направление. А собственно фигура лошади стала символом северного направления. В такой системе ориентации в пространстве носорог был символом остроконечной горы: острый рог его по подобию отражал такую гору.

Со временем палеолитический человек, упрощая процесс изображения зооморфных фигур, стал рисовать только те части тела животных, которые являлись центрами символического содержания: у мамонта — часть линии голова-спина; у бизона — горб на спине; у лошади — голова. В дальнейшем древний человек произвел кардинальное упрощение и вместо фигур животных или их частей стал рисовать знаки, отражающие указанные выше главные смысловые центры: вместо мамонта — углообразный знак с вершиной угла, направленной вниз, вместо бизона — кривую линию с изгибом вверх, вместо лошади — кривую линию с изгибом вниз, вместо носорога — углообразный знак с вершиной угла, направленной вверх. В итоге палеолитическое искусство возникло

▲ Большая лошадь.
Фотография О. Минникова

единовременно как потребность людей бесконтактным визуальным способом в форме зооморфных маркеров, указателей передавать сородичам информацию об удобных путях перемещения в пространстве при переходах из долины одной реки в другую. А исчезло палеолитическое искусство также одновременно при замене фигур животных на символизирующие их знаки.

В свете вышеизложенного рассмотрим изображения в зале рисунков пещеры Шульганташ. Наиболее информационным является панно на восточной стене, изображения на котором четко объединяются в три группы: ле-

вую, центральную и правую. Отмечу весьма существенный момент: группы рисунков отделяются друг от друга круто нисходящей трещиной, расположенной в левой части композиции рисунков, и вертикальным желобком, находящимся в правой части центральной группы изображений.

Во главе центральной группы рисунков, расположенной между указанными трещиной и желобком, находится Большая (Рюминская) Лошадь, названная так по имени А.В.Рюмина, который впервые обнаружил рисунки в пещере Шульганташ, а первым найденным рисунком была именно эта Большая Лошадь. Замечу, что здесь и далее названия рисунков я использую по книге «Рисунки и знаки пещеры Шульганташ (Каповой). Каталог изображений», авторы которой — Ю.С.Ляничский, А.А.Юшко, О.А.Минников. Выше и правее Большой Лошади — Большой Мамонт, под которым находится Носорог. А перед ним — Маленький Носорог. Все эти фигуры головой обращены влево и выполнены красной охрой. Ниже Носорога расположена Большая Трапеция. Используя вышеизложенную зооморфную символику, можно следующим образом расшифровать информационное содержание центральной группы изображений: рекомендуется пойти от одной реки (правый вертикальный желобок — р. Белая) к другой реке (левая трещина — р. Нугуш) через перевал (Большой Мамонт) в северном направлении (Большая Лошадь). В каком же месте следовало совершить переход из долины р. Белой в долину р. Нугуш? Об этом «рассказывают» фигуры Носорога и Маленького Носорога, а также Большая Трапеция. Фигура Носорога символизирует островершинную гору. Среди прибрежных каменных бастионов в долине р. Белой имеется единственная шпалеобразная каменная башня, расположенная у скал Муйнакташа, которая служила уникальным маркером, расположенным недалеко от устья р. Мелеуза. Фигура Маленького Носорога рекомендовала отыскать в долине р. Белой следующий, ниже по течению реки, островершинный ориентир меньшего размера. Таким указателем могли быть либо скальная башня в каменном массиве, расположенном в районе устья р.Сакасски, правого притока р. Белой, либо конусообразная вершина, находящаяся на полуострове в приустьевой зоне этой же р. Сакасски (после сооружения плоти-

ны Юмагузинского водохранилища этот полуостров превратился в остров из-за поднятия уровня воды в р. Белой). Наконец, окончательным путевказателем для перехода к р. Нугуш служила Большая Трапеция, которая символизировала группу скал в устье р. Сакасски. В пещерах Западной Европы имеется много изображений, именуемых тектиформами, в виде прямоугольника с внутренними горизонтальными и вертикальными линиями. Во французском Перигоре прибрежные скалы в основном имеют вид горизонтальных слоев, разделенных вертикальными трещинами. Именно такой вид прибрежных скал и отражали французские тектиформы. На р. Белой значительное число прибрежных скал имеют вид вертикальных ребер. Поэтому уральские тектиформы имеют структуру вертикальных линий, число которых соответствует количеству вертикальных скал в каменном массиве. К моему великому удивлению, количество вертикальных линий на Большой Трапеции соответствует числу скальных ребер в каменном массиве, расположенном в районе урочища Сакасски, что хорошо видно на крупномасштабных географических картах. Кроме того, детали Большой трапеции находят соответствия на реальном массиве скал. Так, узкая щелеобразная лощина в средней части скального массива

ва отражена в Большой трапеции расширением между средними в их верхней части ребрами. А «уши», крайние изогнутые линии Большой Трапеции, отражают загибы крайних скал от общей линии скального массива. Отмечу также, что Большой Мамонт в этой композиции отражает именно перевальный путь, ведущий на север (Большая Лошадь) в Сумган-Кутукское урочище, где имеется большое количество пещер, в которых человек палеолита мог найти временное убежище. Таким образом, центральная группа изображений на восточной стене зала рисунков представляет собою завершенное информационное сообщение, поясняющее в качестве путевказателей место на р. Белой, от которого следует начать пеший переход из долины р. Белой в долину р. Нугуш. Попутно отмечу весьма значимое совпадение. От устья р. Сакасски на север протянулся узкий хребет, на картах именуемый Ямантау, доходящий до р. Нугуш. Длина этого хребта около 20 км. И расположен он там, где расстояние между долинами рек Белой и Нугуша минимально в среднем их течении. Кроме того, рядом с хребтом находится и гора Ямантау. В глубокой древности, до прихода башкир на Урал, на южноуральских землях проживали манси и ханты. На мансийском языке название хребта звучало как Ем-Йиң и переводится как

▶ Правый Мамонт.
Фотография О. Минникова

▲ Каменный мост на реке Куперля. Фотография И. Исламзина

'гора, [около которой], ходят пешком'. Здесь происходит удивительное совпадение археологической и филологической информации. Кроме того, в центральной группе изображений имеется еще две фигуры: проблематичный зооморф и серый рисунок. Семантику этих фигур невозможно определить из-за неясности их форм.

В левой группе изображений восточной стены зала рисунков находится три рисунка и один барельеф. Вверху группы изображен Идущий Мамонт. В средней части по высоте около трещины находится Мамонт-Диссидент, под которым изображен Бледный Мамонт. Если головы Идущего Мамонта и Бледного Мамонта направлены в левую сторону, то голова Мамонта-Диссидента смотрит в противоположную, правую сторону. В нижней части левой группы изображений, по мнению авторов вышеуказанной книги, находится Лошадь-Барельеф, голова которой направлена влево и которая примыкает к нижней части крутопадающей левой

трещины. Информационное содержание рисунков левой группы — после р. Нутуш (левая трещина) можно двигаться на север (лошадь-Барельеф) через два перевала (Идущий Мамонт и Бледный Мамонт). А Мамонт-Диссидент указывает на возможность обратного передвижения, от р. Нутуш к р. Белой, через перевальный участок.

Правая группа изображений расположена на треугольном плоском выступе стены, отделенном от центральной группы вертикальным желобком. Поэтому в семантическом плане изображения правой группы несут какое-то другое смысловое содержание. Центральная группа рисунков раскрывает рекомендацию о том, от какого места на р. Белой и в каком направлении следует совершить пеший переход на р. Нутуш. С большой степенью вероятности можно предположить, что правая группа рисунков содержит рекомендацию о весьма характерном ориентире, который следует отыскать на р. Нутуше для идентификации своего местонахождения. В этом случае по логике сказанного рисунки правой группы должны были бы быть объединены с рисунками левой группы. Однако на камен-

ной плоскости, где расположена левая группа рисунков, отсутствует место для размещения рисунков правой группы. Вполне возможно, что когда-то в составе левой группы находились рисунки и правой группы. Но эта часть скальной плоскости обрушилась, на что указывает характер нижней кромки стены в левой части левой группы рисунков. Поэтому палеолитический мастер-художник-топограф изобразил отвалившиеся рисунки в другом месте стены. Но выделил их в отдельном месте — на треугольном выступе скалы, структурно отделенном от общей плоскости с рисунками вертикальным желобком.

В правой группе изображений находятся три рисунка: вверху — Правая Лошадка, ниже — Правый Мамонт, и еще ниже — Правый Мамонтенок. На всех этих изображениях головы животных направлены в левую сторону. Семантическое содержание левой группы изображений — на севере (Правая Лошадка) находятся два перевала (Правый Мамонт и Правый Мамонтенок). При этом оба изображения мамонтов имеют характерные детали. Пра-

вый Мамонт изображен как бы шагающим в гору. А Правый Мамонтенок стоит на задних ногах, напоминая животного, взбирающегося вверх по склону.

Авторы вышеупомянутой книги утверждают, что перед Правым Мамонтом, почти вплотную к нему, находится фигура человека. С такой трактовкой трудно согласиться. Скорее всего, перед Правым Мамонтом изображен сложный знак, состоящий из двух углообразных знаков с общей средней линией. Крайние, правая и левая, линии этих углообразных знаков образуют общую, слегка изогнутую, линию, близкую к горизонтальной. Внизу правого углообразного знака находится отдельная вертикальная линия. Пояснение такого сложного знака подсказывает сама природа. Дело в том, что хребет Ямантау, вдоль которого на север рекомендуют двигаться изображения центральной группы, своим северным концом упирается в р. Нугуш в районе устья р. Куперли там, где последняя прорывается под природным каменным мостом и образует ниже каскад водопадов. Арка каменного моста на древнем рисунке отражена двумя углообразными знаками, отражающими два природных отверстия в каменном мосту. А нижняя вертикальная линия символизирует выливающийся водяной поток под каменным мостом и систему крутопадающих водопадов. Маленькая черточка, расположенная в верхней части этого знака, отражает поток р. Куперли в верховьях, который затем ныряет под каменный мост. Таким образом, рассматриваемый сложный знак рекомендует после пешего перехода от р. Белой до р. Нугуш найти уникальный каменный мост, который является природным маркером, единственным на всем Южном Урале. Правый Мамонт, идущий в гору, и Правый Мамонтенок, стоящий на задних ногах, своими позами символизируют рекомендации при последующем движении на север (Правая Лошадка) от р. Нугуш подняться наверх, в горы, либо в район горы Куперли (Правый Мамонтенок), либо на хребет Земзятау (Правый Мамонт). При этом весьма характерен тот факт, что гора Куперля по высоте значительно ниже хребта Земзятау. Именно поэтому подъем на гору Куперля выражен маленьким по размеру Правым Мамонтенком. А более крупный по габаритам Правый Мамонт отражает путь на более высокий хребет Земзятау.

В завершение отмечу еще один любопытный факт. Изображения на восточной стене зала рисунков рекомендуют для пешего перехода от р. Белой к р. Нугуш двигаться в северном направлении (Большая Лошадь и Правая Лошадка), что дополнительно подкрепляется северным направлением плоскости восточной стены. Можно предположить, что палеолитический уралец сознательно выбирал плоскость северного направления для того, чтобы нанести на нее изображения, рекомендующие именно северный путь перехода от р. Белой к р. Нугуш.

Таким образом, изображения, нанесенные палеолитическим человеком на восточную стену зала рисунков в пещере Шульганташ, представ-

ляют собой зооморфный семантический комплекс для передачи бесконтактным визуальным способом информации об удобном коротком пешем пути для перехода из долины р. Белой к р. Нугуш. В этой уникальной системе фигуры мамонта и лошади передавали понятия о пересечении рек и направлении движения на перевал. А фигуры носорога, трапеции и сложного знака служили маркерами, путевказателями, конкретизирующими на местности участок такого перевального перехода. Все вышеизложенное подтверждает высокий уровень мыслительной деятельности человека палеолита и богатую духовную культуру его. **УС**

▶ Водопады на реке Куперля.
Фотография И. Исламзина

▲ Супруги Васнины с сыном Владимиром. Германия. Берлин. 1946 г.

Шофер командарма Блюхера

Родился Петр Иванович Васнин в деревне Васиной на берегу Туры, в окружении кедровника, болот, богатых клюквой и брусникой, пашенных и сенокосных угодий.

Вот как описана деревня в «Словаре Верхотурского уезда» (1910): «Васнина, деревня Меркушинской волости, от уездного города в 39 верстах, волостного правления в 17 верстах, географическое ее положение не определяется по неимению указаний на существующих картах издания генерального штаба. Дворов в селении 24, в них жителей обоего пола 134 человека, по сведениям 1904 г.». Сейчас этой деревни тоже нет на карте Верхотурского уезда. Она слилась с деревнями Ераскиной и Бочкаревой Усть-Салдинского сельского Совета.

В 1924 году Петр Васнин окончил начальную школу и работал в хозяйстве отца. Семья была большая, все с детства были приучены к крестьянскому труду. Семнадцатилетним пареньком вступил в колхоз. Осенью 1932 года в Верхотурье была создана машинно-тракторная станция (МТС), обслуживавшая 20-ю машинами пять колхозов. Юноша окончил курсы трактористов, а о том, как работал, говорит

тот факт, что в первый же полевой сезон был награжден Почетной грамотой и дважды — ценным подарком.

С января 1933-го он уже возглавил тракторную бригаду, причем самую отстающую — Прокон-Салдинского сельского Совета. И скоро по итогам соревнования она стала передовой среди 18 бригад районной МТС.

7 ноября 1935 года Петр Васнин был призван в ряды Красной Армии. Почетный (в то время) долг он исполнял в городе Хабаровске на Дальнем Востоке, где в тот период была напряженная политическая и военная обстановка. Прошел курс подготовки молодого бойца, окончил курсы шоферов и одним из первых сдал на права. Командование подразделения назначило его автоинструктором — обучал вождению красноармейцев своего же призывного возраста. Вскоре его перевели в штаб Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА).

Выдающимся фактом своей биографии Петр Иванович считал на-

▲ П.И. Васнин. Начало 1970-х гг.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Раиса Васнина

Экскурсовод православного музея Верхотурского Свято-Николаевского мужского монастыря.

значение личным шофером командующего Дальневосточным фронтом маршала Советского Союза Василия Константиновича Блюхера. Позднее в одном из интервью Васнин вспоминал: «На всю жизнь останется в памяти этот большой обаятельный человек. Я был доволен службой и испытывал гордость, что мне доверено возить самого Блюхера. Вкладывал все умение. Где только не приходилось бывать с ним: в пограничных войсках, частях, на учении, в городах, в селах. Первая черта, которую я сразу заметил в Блюхере, — это удивительная человечность. Несмотря на свой высокий пост и занятость, он был всегда корректен, внимателен. Бывал я у него в семье. Весь образ жизни полководца был очень прост и скромен».

В октябре 1938 года маршал был обвинен в шпионаже в пользу Японии, арестован и умер после пыток в Лефортовской тюрьме. Реабилитирован в 1956-м. Ко времени ареста Блюхера Петр Васнин был уже демобилизован, и это помогло ему избежать репрессий, которым подвергались и подчиненные «врагов народа».

Петр Иванович вернулся в Верхотурье и снова сел на трактор. Ему предлагали должность бригадира, но как он пишет в своей автобиографии: «Я захотел умышленно работать трактористом для того, чтобы быть передовым и показать пример остальным». И этой цели он достиг, на своем колесном тракторе перекрывая все плановые показатели. Был секретарем комсомольской организации, делегатом областной конференции. Принят кандидатом в члены партии. А 1 августа 1938 года участвовал в открытии Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (с 1958 года — ВДНХ), что было особенно почетно в то время.

Окончив Свердловскую высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу (позднее она была реорганизована в сельскохозяйственный техникум), работал главным механиком в Верхотурской МТС.

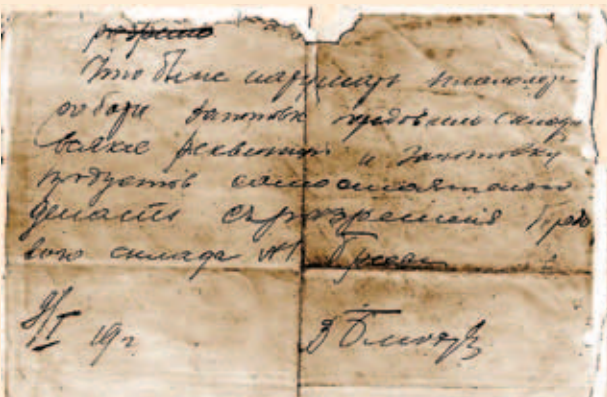
В первые же месяцы Великой Отечественной войны Васнин был мобилизован в ряды Красной Армии и начал службу автоинспектором 19-го отдельного учебного автополка в Свердловске.

На фронт он ушел лейтенантом после окончания ускоренных курсов Уральского военно-политического училища. В Нижнем Тагиле получил танки и в составе 7-го Гвардейского танкового корпуса участвовал в боях за Сталинград комиссаром, а затем командиром танковой роты. После неоднократных контузий не мог находиться в танковых частях и был направлен в Москву в автомобильные войска. В конце 1942 года был сформирован 892-й автотранспортный батальон, который в составе 5-й ударной армии участвовал в боях за Сталинград. До конца войны Петр Васнин командовал авторотой, прошел с боями от Сталинграда до Берлина, до стен его рейхстага. Был награжден орденами и медалями.

Но в мае 1945-го война для него не закончилась. Был направлен группой оккупационных войск на работу в Советскую военную администрацию в Германии. Перевез в Берлин свою семью и в качестве инспектора промышленного отдела служил там до 1948 года.

И опять вернулся в Верхотурье. Звал ветерана дым Отечества. Работал в МТС сначала главным механиком, а затем директором — 39 лет в одной организации. Вырастил троих сыновей, оставил о себе добрую память как труженик и защитник Родины. Подрастают сейчас его правнуки. **УС**

▼ 29 апреля 1920 г. С. Усолье Иркутского уезда. 1-й ряд (справа налево): Шешпис, Вольфович, Цепакин, Панова; 2-й ряд: Блюхер, Старков, Котович, Чазов.

◀ В.К. Блюхер

▼ Жители Сараны. 1918 г.

Любовь Афанасии Нефедовой

Юрий Максимов

Окончил Уральский политехнический и юридический институты. Работал на предприятиях и в учреждениях Сибири, Урала. Живет в Екатеринбурге. Очерк посвятил своей бабушке Афанасии Степановне Нефедовой, уроженке Нижней Сараны Красноуфимского района Свердловской области.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Стояло хмурое осеннее утро. Мелко моросил дождь, покрывая крыши деревенских домов. Темные тучи низко нависали над горами. Вот-вот самая низкая туча зацепит верхушки елей с налипшими на них шишками и обломит их. В подножьях гор раскинулась уральская деревня. Во дворах пели петухи, и их пение разносилось от дома к дому, ломая тишину и внося жизнь в застывшую картину осени. Пение петухов прерывалось мычанием коров и редким лаем собак.

В огородах из труб бань поднимался дым и наполнял деревню запахом березовых дров. Афанасия вдыхала этот воздух ее детства. Сладковато-горький, он радовал и навевал грусть одновременно. В памяти вставали картины детства, жизни длинной и, казалось ей, бесконечной во времени, как река, которая течет у горы вдоль деревни и утекает тоже в бесконечность. Сколько десятилетий она смотрит на реку с ее быстрой ключевой водой. Вода всегда была чистой и холодной. Когда она девчужкой бродила босой по реке, то всегда чувствовала, как холод прожигал ее тело, ноги ломило, тысячами

игл река жгла ее кожу, обжигала холодным огнем. Она любила этот холод. Это не был холод смерти, это была энергия реки, кровь реки, которая несла и давала силы, наполняла через ноги ее тело горячей энергией жизни. Она черпала воду ладонями и подносила к лицу, вода была с запахом речной травы и рыбы. В ноги бились мальки, щекотали кожу, хотелось смеяться и бежать на берег. Как она любила пить эту воду! Наполняя ладони, она подносила их к губам и пила крупными жадными глотками. Вода реки была для нее больше, чем живым организмом, она была частью ее самой и частью ее души.

Воспоминания тянули в прошлое. В далеком 1918 году ее дед приехал из уездного города и рассказал, что царя в России больше нет, его убили. Она видела испуганные глаза бабушки и матери, которые, услышав страшную новость, перекрестились. Беда не по лесу ходит, а по людям. Бабушка ушла в горницу к иконам и долго молилась.

Картины детства все чаще всплывали перед ее глазами, особенно последний год. Она родилась в 1909 году, а через неделю ей будет 90 лет. Даже в голову не могло прийти, что она будет жить столь долго. Думала, как пройдет этот год, как ей отметить свой юбилей. Приедет дочь с зятем, сын со снохой, внуки с невестками, придут правнуки и правнучки. Будет весело и грустно одновременно. Раньше она считала, что никогда не доживет до таких лет, но время летело стремительно, и последние годы так быстро, что она стала верить, что время быстрее жизни, оно обгоняет мысли и сможет обогнать ее возраст. Это только ребенку жизнь кажется долгой, старый человек ее не замечает. Что такое время? Она часто думала и не могла понять, как его определить для себя. «Время в могилу тянет», — говорили старые люди. Она везде видела отпечатки времени. О нем напоминал скрип старых поло-

виц в доме. Ее дед привез из Саранула половые доски из лиственницы. Это рассказывала ей мать спустя 20 лет после постройки дома. Доски толщиной с кирпич казались вечными, но время разрушало все, даже дом, с которым она связывала все в своей жизни. Здесь она любила, рожала детей, видела, как умирали ее дед и бабушка, умирали родители, умирал муж. В холодные зимы в дом приводили теленка, который тихо мычал, будучи оторванным от коровы. Его темные влажные глаза с любопытством смотрели из огороженного угла комнаты. В холодные зимние вечера она заносила в дом петуха, боялась, что он отморозит гребень. Какой же петух без гребня? В деревенских избах прошли жизни десятков поколений простых русских людей, труд которых приумножал веками богатство России.

Картины прошлого постоянно вставали перед глазами, казалось, что это было совсем недавно, хотя прошли десятилетия. Жизнь не добра и не зла, а такая, как ты ее видишь — это она услышала в детстве из разговора своего деда и бабушки, и слова запали в ее память. Но разобраться для себя в добре и зле так и не смогла. Вспоминала подруг, соседей, которые ушли в другой мир. Казалось, видела их совсем недавно. Почему так происходит? Ког-

да была молодой, думалось, что десять лет жизни — огромный срок, но когда проходили эти десятилетия, то оказывались короткими, как вчера. И чем старше она становилась, тем быстрее шло время.

Воспоминания заставляли воспринимать прошлое и настоящее как единое целое. Она вдруг почувствовала сильную головную боль, перед глазами все кружилось. Села на кровать и привалилась на подушку. Стоящая рядом с кроватью голландка обдавала теплом. Последние дни она чувствовала сильное ухудшение здоровья. Лекарств в медицинском пункте не было, посещающая ее медсестра делала внутривенный укол глюкозы. «Все, что могу», — говорила сестра и оставляла таблетки парацетамола. «Слава богу, что пенсию без задержек стали давать», — думала она про себя. — За таблетками в аптеку сама схожу». Никогда не было в деревне так плохо, как последние десять лет. Тоска давила и заставляла ныть сердце. С трудом встав с кровати, она подошла к столу и включила стоящий на нем старый ламповый телевизор «Рекорд». Он долго разогревался, мигал и, наконец, заработал. На экране проступило изображение первого российского президента Б. Ельцина. Улыбающееся лицо говорило непонятные для нее слова. Она мучительно пыга-

▲ Саранинские мужики

▲ Игра в лото в доме родителей. 1912 г. Вторая слева — мать героини Апполинария Крутикова

лась понять смысл его слов. Она встретила с ним взглядом. На нее смотрели пустые и холодные, ничего не выражающие глаза на искаженном гримасой улыбки лице. Он был ей неприятен за то, что сделал с российской деревней. Она погрозила ему сжатым старческим кулачком и выключила телевизор. «Еретик!» — подумала она. По телевизору часто показывали людей со стальным блеском в глазах, широкой бодрой улыбкой, такой же фальшивой, как слова, которые они произносили. Она не любила смотреть телевизор. Реальность не совпадала с тем, что часто показывали на экране, печатали в газетах. «Гульба да игра не ведут до добра», — думала она про себя.

Последние годы она не понимала, почему средства информации поносили Советский Союз. Ведь все тог-

да в деревне было не плохо. В каждом доме держали корову, была телка, не по одному поросенку было, куры, гуси, овцы. Все поляны в лесах выкошены были, покосы — нарасхват. Огороды не только около дома были, а осваивали их за 2–5 км от деревни. Картошку растили, скотину кормить надо было. Мясо было в каждом доме, причем свое, настоящее. Дров тоже заготавливали много и впрок, а вдруг зима холодная будет и дров не хватит. Мужики шутили, что их деревня если и помрет, то в одной руке у нее будет полено, а в другой — сена клок. Да тогда и в поселке успешно работал завод кузнечно-прессового оборудования, а его продукция востребовалась не только в СССР, а и в развитых странах капиталистического мира. В ФРГ ножницы- гильотины купить всегда у нас хотели. Потому

► Афанасия Нефедова с матерью. 1912 г.

и купить хотели, что делали тогда все хорошо.

Народ к труду был приучен, хотел и любил работать. Зарплаты на заводе были высокие. Почти в каждом доме легковой автомобиль, мотоцикл. Многие ездили в отпуск отдыхать на юг к морю, завод путевки разные давал. Вот как было. Даже ее мужу в кисловодский санаторий путевку давали. Ездил он с мужиками. Но с промтоварами действительно не всегда хорошо в магазинах было. Шубы из мутона в деревне не купишь, шубко редко их привозили. Но бабы молодые за шубами норовили в Ташкент летать из Свердловска. В Ташкент самолетом запросто было и с теми деньгами, что на заводе зарабатывали. Не в ущерб девкам за шубами слетать и в тот же день в Свердловск возвратиться. А еще слышала от зятя городского, что мужики свердловские, что на заводе хорошо зарабатывали, раз за пивом в южный город летали. Такая жизнь была. Зять говорил, что в ресторанах тогда рабочий класс только и гулял. А сейчас и рабочего класса-то не осталось. А в клубе-то заводском как было! Умели отдыхать. Вечера какие молодежь готовила. Завод-то наш теперь совсем плох стал, на ладан дышит. Сколько протянет, никому не известно, может, раньше меня умрет, думала про себя, а верить не хотела. Всегда надеялась на лучшее. Вот и пойми, что плохо в жизни, а что хорошо. Так что говорить плохо про прошлое время она

▼ Работники Саранинского завода. Афанасий Нефедов (1-й ряд, 2-й слева)

▼ Афанасий Нефедов. 1928 г. Служба в армии. Ст. Даурия

не хотела. Хотя и по-всякому было, плохое и хорошее всегда рука об руку идут, всем не угодишь.

На стене висели фотографии мужа и сына. Ее муж умер 35 лет назад, а фотография сделана в 1944 году, он приехал с фронта. С фотографии смотрел сорокалетний крепкий мужчина, с открытым добрым лицом и смеющимися глазами. Это был ее Афанасий.

◀ Афанасия Нефедова. 16 лет

◀ Деревенские дети. 1960 г.

▲ Бабушка героини Феоктиста Воробьева. 1907 г.

сий, единственный мужчина, которого она знала и любила в своей жизни. Всякое бывало, но она, как нитка за иголкой, всегда тянулась и следовала за ним, и как бы плохо не было, что бы ни происходило, она всегда стремилась быть с ним рядом во всех его радостях, печалях, бедах. И, когда он пил, а в деревне пили многие мужики, она пыталась понять, что же она не дала ему. Она, проживая жизнь, не понимала многие вещи, которые остаются не понятными ей и сейчас, как и ее многими товарками. «Жизнь такая штука, что ее постичь невозможно», — как-то сказал ее Афанасий. Она понимала непостижимость жизни, и это укрепляло ее веру в Бога. Не так живи, как хочется, а так живи, как Бог велел — этого правила она придерживалась всю жизнь, этому ее учили родители.

Ощущения сильной усталости не покидало ее последние дни. Она просыпалась по утрам с какой-то одеревенелостью в теле и неспособностью сосредоточиться. Мысли путались, события прошлой жизни перемешивались в воспоминаниях. Неожиданно всплывали различные иногда несвязанные эпизоды жизни, и она видела вновь давно прошедшее. Ей казалось, что она

живет второй раз в беспорядочном течении и смене своих воспоминаний, где вперемишку с ее жизнью всплывали эпизоды жизни ее близких и страны.

Вот они, первые годы советской власти. Будучи девчонкой, она не понимала, что происходит, и спрашивала родителей, но и в их глазах читала непонимание происходящего. Будто все перевернулось. Боль, тоска, страх, чувство тревоги были в глазах матери и отца. Это передавалось ей. Что будет? Она с болью смотрела на своего отца, сидящего за столом в горнице, где стояла четверть водки. Он стал пить, перестал улыбаться. Бабушка, чувствуя все происходящее, обнимала ее и повторяла: «Не унывай. Пусть унывают те, которые не веруют в Бога, для них, конечно, скорбь тяжела, так как кроме земных удовольствий они ничего не имеют. Люди верующие не должны унывать. Смиряться и терпеть все, а в душе имей мир. Поверь, у кого в душе мир, у того и на каторге рай. Путь к этому — молитва». И она молилась вместе с матерью, отцом, бабушкой, дедом, чтобы это был путь к спасению.

Ее свекор — Нефедов Гордей Александрович — решением Тройки при УНКВД по Свердловской области был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 7 июня 1938 года. Она помнила, как он был арестован. Ему вменяли контрреволюционную подрывную работу. Арестованы были и его братья. Гордей Нефедов, кустарь, владелец кирпичного завода с наемной рабочей силой до 50 работников, держал переправу через реку Уфу, молотилку, земли 50 гектаров, лошадей 7 голов, коров 8–9 и молодняка 10 голов. «За Богом молитва и за царем служба не пропадут», — любил он говорить. Так и жил с молитвой и верой в царя. Что с ним случилось, она узнала только месяц назад, в августе 1999 года. Ее внук привез архивную справку из управления архивами Свердловской области. Последний абзац справки она несколько раз перечитывала и подчеркнула карандашом «определением Военного трибунала Уральского военного округа от 13.12.1956 года решение Тройки при УНКВД по Свердловской области в отношении Нефедова Гордея Александровича было отменено, дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления». Она не могла понять, почему они с мужем не узнали об этом в 1956 году. Это было безразличие власти к своему народу, она никогда не понимала власть и считала, что власть не понимает ее.

А отца она помнит молодым и сильным. Вот он на коне утром приезжает с охоты. К седлу за лапки при-

вязаны рябчики. В доме даже подушки были с пером рябчика. Рябчиков готовили в печи, в чугунах, тушки не раздвевали. Из печи их доставали руками. Дом наполнялся запахом жареной дичи. А теперь-то и рябчиков в лесу нет. А какие харьюзья в реке-то были! Вкуснее рыбы она в жизни не пробовала. Харьюз жареный, в пирогах, в ухе или просто в печи сушенный всегда на столе был. А теперь и пещаря не каждый год мужики ловят. Какое поп, такое и приход. Вспомнила давнюю подружку и соседку Настеньку, которая в прошлом году заказала тес на сарай городским мужиком, хорошие деньги заплатила. Тес привезли поздним вечером, сгрузили и уехали. Утром посмотрела Настенька на привезенное и говорит: «Теперь и лес гнилье, и люди гнилье». Раньше жуликами таких называли, а теперь бизнесменами.

Она прервала воспоминания. Резкая головная боль сделала ее беспомощной. Последние месяцы она чувствовала себя все хуже и хуже. Силы покидали ее. Старость брала свое. «Смерть где-то рядом ходит», — думала она. «Смерть ниже Бога, а выше царя», — говаривали старые люди в ее молодости. Боялась ли она смерти? Считала, что прожила эту жизнь так, как велел ей Бог. Она часто задавала себе вопрос, если бы у нее была возможность прожить жизнь снова, хотела бы она этого? «Нет, — говорила себе, — нажилась, хватит, устала».

Когда ей было 7 лет, умер ее ровесник соседский мальчишка, отчего — и не знает. Звали его Павлушка, они всегда вместе играли. Это был добрый, спокойный мальчик с голубыми глазами и выгоревшими на солнце волосами. Вот ему она бы и отдала свою вторую возможность прожить жизнь. Он

ей даже снился. «Бог его забрал к себе», — говорила ей мать, когда она рассказала свой сон.

Шаркая ногами, она с трудом вышла на крыльцо и села на приступок. Голова кружилась, перед глазами, казалось, летали маленькие блестящие мушки, руки дрожали. Забежавший на крыльцо кот ласково потерся об ее ноги, выпнул трубой хвост и громко замурлыкал. Потом кот забежал в сени и сел у закрытых в дом дверей, упрямо смотря на дверь, ожидал, когда же его впустят. «Надо впустить кота», — решила она, с трудом встала и вошла в дом. Она медленно пошла к столу. На столе лежала тетрадь, куда она записывала любимые стихотворения. Открыла и стала читать. Это было стихотворение, написанное ее старым приятелем, которого знала с детства.

*Я Сарану воспел в своих стихах,
Ей посвятил свои душевные сонеты.
Мой далеко лежавший край в горах,
Я не забыл тебя, твои рассветы.*

*Все детство с юностью в тебе я прожил,
В пруду зеркальном поутру купался,
Холодную там воду из колодца тил,
В девчонок саранинских там влюблялся.*

*Мне не пришлось в тебе
до старости дожить,
Судьба суровая с тобой нас разлучила,
Но я не перестал тебя любить,
Где мать когда-то жизнь мне подарила.*

*И вот я стал уже старик седой,
И внуки меня дедом называют,
А Сарана — поселок самый мне родной,
В ней юности моей гармоника иерет.*

Отложив тетрадь, она взяла лист бумаги и стала писать письмо доче-

▲ Выпускники саранинской школы. 1950 г. Дочери: Ольга (третий ряд, шестая слева); Евгения (первый ряд, третья слева)

ри. Руки с трудом сжимали карандаш, преодолевая себя, стала писать. Из неровно написанных слов складывались предложения. «Оля, Коля, здравствуйте. Письмо ваше получила. Сейчас одна, проводила Сашу, Валю, очень было скучно. Три дня не могла прийти в себя. Огород убрали хорошо и картошка хорошая, накопили 50 ведер, сухая и чистая. Сложили сразу все по местам. Убрали морковь и свеклу. Саша повез с собой лук, капусту, помидоры зеленые. Я который день лежу, сил нет, другой день хожу весь день. Вот так и живу. Аня ходит, помогает, Настенька похаживает, я к Ларисе хожу. Вот так и день за днем. Привет Сереже, Нине, Юре. Игорь завтра уедет, дом Зина сделала на Игоря. Люда прислала письмо, приедет только в ноябре. Пишет, что люди живут очень бедно, врачей не видали 3–4 года. Вот так на Севере живут. И у нас пакости стало всякой — воруют из огородов, у худого дела и худой конец будет. За Уфой увели корову из конюшни и закололи. Нашли кожу, кишки, вот какой ужас творится. Какой народ голодный. Хлеб дорогой, муки вовсе нет. Вот дожила Россия, дошла хуже, чем в войну, разграбили все что можно. Ну а я мало-мало брожу пока. Приезжайте в гости, пишите. Мама».

◀ Фотография с фронта. Афанасий Нефедов (в центре). 1944 г.

С трудом закончив писать, положила письмо рядом с конвертом и стала выводить на конверте индекс. Сил подписать конверт не было. Отдохнет рука, тогда и адрес напишу, решила она. На конверте были нарисованы голуби — алтайский шалевый и пермский гривун. «Баско птички нарисованы, — подумала она, — но наши лесные пернатые не хуже». Когда она увидела конверты с голубями на почте, то купила сразу с десяток, пусть впрок лежат. Красивые конверты. В доме становилось холодно, и она пошла к голландке. Села на стоящий против печи сундук и кочергой разбила горящие головешки в печи. Искры летели в разные стороны. Бросила в печь бересту, которая тут же вспыхнула. Подбросила поленья. Сладковатый запах горячей бересты наполнял воздух. Огонь освещал ее изрытое морщинами лицо, обдавал приятным теплом. В памяти неожиданно всплыли картины Великой Отечественной войны. В доме были расквартированы раненые бойцы советской армии, жило по 4–5 человек. Спустя 20–30 дней, поправив здоровье, они уезжали на фронт. Какое-то время в доме была мастерская, где ремонтировали солдатские полушубки. Вот где пригодилась швейная машина Зингер, которую покупал еще ее дед! Вместе со своей подругой Настей они зашивали отверстия от пуль на полушубках, ставили заплатки, от-

мывали кровь. Вещи привозили прямо с фронта, наверное, с раненых или убитых, думала она.

Первое время не могли смотреть на залитые кровью вещи бойцов, но потом привыкли, да и кто делать-то будет, если не они. У них у обеих мужа на фронте, и все это они делали для них, для своих родных, за которых молились. Как тяжело было! Всем было тяжело. Это воспринималось как должное. И всегда они думали о Боге. А Бог им помогал всегда. А кому помогать, если не им, этим женщинам, которые несли тяготы жизни и войны. Они знали и понимали, что победа будет за нашей страной, и заслуга в этом Бога, народа, советской власти, характера русского человека. Любить Родину ей привили с молоком матери. Родина — это ее семья, сначала мать и отец, потом ее муж, их дети, их дом, где они были вскормлены. Родина — это ее деревня с людьми, которых она видит каждый день, и люди всегда готовы прийти на помощь. Родина — это поля и луга, дремучие леса, чистые реки, это и иконы, стоящие на палице, православные храмы, пусть разрушенные властью, но всегда остававшиеся в душе. Бог есть любовь. А любовь есть и будет всегда. Это она знала точно. Значит, и Бог есть всегда. Ей легче было умереть, чем поменять свое мнение. Вот так и прожила свою жизнь, с верой в Бога и в любовь. А как живут в других местах страны, она и не знала.

Из городов своей страны она была только в трех. В Красноуфимск ездила молиться в церковь каждый ме-

сяц. Слава богу, что до Красноуфимска 20 километров, да и автобусы ходят каждый день. А раньше-то и пешком бегали в город, и в тягость это не было. В Свердловске последний раз была в 80-х годах, у своей дочери гостила. Ее старшая дочь — Ольга — первой из Сараны поступила в медицинский институт и стала врачом, она этим всегда гордилась. Большой город она не любила, суета кругом, воздух тяжелый, и она сильно уставала от этого городского бытия. Многоэтажные дома воспринимались как скворечники, в которых люди живут не по своей воле. Жаль ей было городских жителей, а в особенности детей, доживших до 15–16 лет и не видевших живых коров, овец, кур, гусей. А к концу 90-х годов и в деревне народ скотину держать не стал. «Вот как в жизни случается», — думала она. Однажды внук привез к ней первый раз четырехлетнего правнука и тот удивлялся, когда видел идущее стадо коров и овец, спрашивал у нее: «Баба, а это зоопарк?»

А дальше всех от своего дома она была в городе Каменске-Уральском, куда ее приглашал бывший квартирант, врач-хирург поселковой больницы Кучкин Евгений и его жена Наташа. Шибко нравились они всем в деревне, Женя и Наташа. А когда переехали в Каменск, постоянно ее звали в гости, вот она к ним-то и съездила единственный раз. Хоть люди хорошие, а в городе ей было все не по душе. Как люди в городах живут?

Легко и свободно она чувствовала себя только дома, в своей деревне. А как ей нравилось в лесу, на покосе! Как весело было! Вспоминала послевоенные 40–50-е годы. Собирались по 4–5 семей. За день вместе выкашивали покос, ночевали в лесу в шалашах, вечером мужики ловили на реке рыбу, бабы варили уху. У мужиков была водка, пили, но немного, всегда знали меру, ведь на сенокосе. Вместе пели, обязательно брали гармонь. Ах, какой Афанасий гармонист был, чудо просто! Гармонь сам освоил, музыке нигде не учился, а играл на загляденье, да и пел неплохо. Вели разговоры, вспоминали прошлое и думали о будущем. Хорошие, добрые времена, когда были молоды и счастливы. Но время стремительно и необратимо уносило вперед. Ей очень хотелось узнать, как здесь будет через 10–20 лет после ее смерти. Что будет с ее детьми и внуками, с людьми, с которыми она жила рядом, что будет с деревней, с ее домом, заводом, где работал ее муж всю свою жизнь. Что будет с Россией. Ей очень хотелось, чтобы во главе России стал добрый, порядочный человек, который думал бы о судьбе своего народа, стремился возродить и превратить страну в сильное государство. Она молила Бога и всегда просила у него процветания своей страны и своего народа.

Резкая головная боль заставила ее подняться и дойти до кровати. Она фактически упала на кровать. Сильная слабость не позволяла двинуть руками. Язык, казалось, прилип, она не мог-

ла произнести даже слова. На какой-то миг глаза перестали видеть, кругом стало темно. Она испугалась, с ней никогда такого не было. Мысленно стала молиться. О, чудо! Боль стала проходить, перед глазами появился свет. Сначала маленький, потом он стал увеличиваться и превращаться в теплое светлое пятно, которое росло и казалось пульсирующим и огромным. Оно излучало живое тепло, которое тянуло к себе. Путь к нему был в виде длинного коридора, который, как насос, тянул ее к свету. Она чувствовала, как отрывается от кровати и летит по этому коридору. Ей было легко и хорошо. Она была невесома, а полет приятен. Ей никогда не было так хорошо, как сейчас. Она летела и всматривалась в живое тепло, которое приближалось и казалось ей родным и близким. Она не чувствовала себя старой, возраст и время утратили свои качества, она стала совсем другой и непонятной для себя. Впереди рассмотрела знакомые силуэты мужа, умершей дочери, отца, матери, бабушки и деда... Она отчетливо видела их спокойные, улыбающиеся лица. Они притягивали ее к себе. Она хотела быть рядом с ними, и они хотели ее видеть у себя. Она не могла понять, что с ней происходит, была подчинена нарастающему теплу и свету, которые были впереди. Ей казалось, что она и свет двигаются навстречу друг другу. Ей никогда не было так хорошо. Состояние любви и покоя окружало ее. Она была поглощена этой любовью. Бог есть любовь стало для нее реальностью. **УС**

▼ На покосе. Феклин лог

Иллюстрации из архива Валерия Даниленко
и фотоархива Староуткинского краеведческого музея.

Фото Михаила Шершнева

Деревня Курья

История России. Река Чусовая (Фотоэкспедиция)

Координатор проекта
Юний Горбунов

При поддержке

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Основание деревни «Курьинской над Чусовою» краеведы, опираясь на перепись 1680 года, относят к 1671–75 годам, когда здесь поставили свои избы два оброчных крестьянина, выходцы из Соликамского уезда. Возможно, были они, как и многие здесь, людьми старого обряда. Судя по этим датам, Курью можно назвать старожилым этих мест. Здесь возникла одна из 17 пристаней с плотбищем, что бытовали на Чусовой. Причем по времени основания (не ранее 1720 г.) казенная Курьинская — едва ли не третья на реке. До начала в 1729-м завода Утки Демидова (Староуткинск) здешняя округа именовалась в документах Чусовской Курьинской волостью. В 1722 году в этой волости насчитывалось 4 двора с населением 29 человек мужского пола. Помимо самой пристани, в границах волости пребывала деревня Родина, где обитала семья Волеговых. Словом, невидная ныне деревушка побывала-таки некогда и столицей!

Юний Горбунов

рочные из Чусовской слободы (ныне село Слобода). Например, Семен Иванович Гилев, известный по переписи 1680 года. Они обеспечивали работу пристани, через которую шла отгрузка демидовского металла, строили барки на плотбище.

Была Курья, скорее всего, деревней староверческой. Ничего не слышно здесь о православной часовне или церквушке. Не по этой ли причине отвернулся от Курьи ее младший брат Староуткинский, что стоит всего в трех километрах? Ни в Староуткинске, ни в самой Курье не нашлось хоть маломальского летописца, не осталось почти никакой фотолетописи.

Из самых разных источников узнаем, что в пору крестьянской войны Еме-

▼ Художник Алексей Бурлаков в кругу жителей деревни Курьи

▲ Праздник на улице Ленина

Теперь о названии. Оно объясняется двояко. Курья (по Далю) — мелкий и длинный речной залив, рукав, теряющийся в болотах. Но тот же Владимир Даль образует курью от слов «курить», «куриться», «курень», т.е. от места выжиг дровяного угля — курная избушка, шалаш. Рядом, на Чусовой, стоит камень Винокуренный, а там, по преданию, курились староверские «повинные курени»: на выжиге угля люди отработывали так называемый «повинный налог» — за приверженность к старой вере. Какой вариант названия предпочесть? По-моему, и оба не подерутся.

Волость населяли приписные государственные крестьяне и бывшие об-

◀ Алексей Бурлаков. Дорога в Курью

льяна Пугачева располагалась здесь ставка «полковника» Ивана Белобородова. По деревянному мосту пересекала реку в деревне старая дорога на Екатеринбург. Функционировал метеорологический пункт. На левом берегу, между камнями Винокуреным и Лебяжьим, стоял хутор Синяя Гора. По «Списку населенных пунктов Уральской области» Б.В. Дидковского, в 1926 году пять дворов Синей Горы населяли 32 жителя. Сейчас здесь доживает свои дни заросшее кладбище — уже без памятников... В 1929-м в Курье был создан колхоз «Труженик». В 1938-м —

▶ Улица в Курье

▲ Семья Кумовых у дома

пионерский лагерь. На левом берегу Чусовой работал кирпичный завод.

Расцвет советской Курьи выпадает, кажется, на 1920-е годы. Председатель Уралплана Борис Дидковский сообщает нам, что деревня состояла из 113 хозяйств, в коих жительствоваало и трудилось почти пятьсот человек обоого пола. Курья была самым крупным селением в Староуткинском сельсовете.

В мае 1942 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР был образован Курьинский сельсовет с центром в деревне Курья, находящийся в под-

чинении Староуткинского поссовета. В состав сельсовета вошли деревни Курья и Вольнкина, поселки лесных кварталов 56, 58 и 78, лесных участков Березовки, Большой Дарьи и Талицы, бывшего кирпичного сарая и железнодорожной будки «197 км». В советское время население деревни обслуживали медпункт, школа, клуб, магазин, почта. В здании школы позднее оборудовали базу отдыха. Все это либо исчезло, либо в перестроечные годы превратилось в дачи и «забыло» о своем прошлом. Ни креста, ни звездочки: дач-

ник — он такой, дальше своего огорода редко оглядывается. А так хотелось бы оставить старинную деревню «на плаву», а историю ее сохранить и очеловечить. Вот, говорят, в трех километрах от деревни на правом берегу Чусовой располагалась коммуна, которую возглавлял Михаил Ефимович Смирнов. В 30-х годах он жил в деревне Вольнкиной и работал в колхозе кузнецом...

Может, ответится кто-то из читателей, когда-либо неравнодушно прикоснувшийся к деревне?

У нынешних ее обитателей бытует мнение, что Курья — местечко не без странностей. Здесь часто гуляют туманы, а температура воздуха намного ниже, чем в соседнем Староуткинске. Не интересуются ли Курьей фенологи?

Курью, как и Вольны, отнюдь не обходят художники-живописцы. Здесь долгое время обитал на даче Алексей Иванович Бурлаков, а ныне наезжает летом из Петербурга его сын, тоже художник Андрей Бурлаков. Любит и рисует деревню художник Валерий Даниленко.

(Использованы архивные исследования Ю. Коновалова, работы писателя А. Иванова, краеведов Р. Кашина, П. Вологова).

Курья

(фрагмент рассказа)

Я летел над уральской тайгой с самого севера. Холодный ветер гнал меня на юг вдоль хребта древних гор, и порой мне казалось, что это я несу в еще не остывшую осень белый сахар измороси, обильно посыпаям на салат леса.

Не могу вспомнить, сколько летел, петляя вдоль ленты Чусовой. Хотелось тепла, тишины, общения. Все ниже и ниже спускался к желтому пятну окна на правом берегу реки, где всего-то десяток изб. Ночь уже включила серебро бликов по свежевывавшему снегу, и луна добавила голубого тона. Только желтое окно мягким теплым контрастом манило к себе.

Деревня Курья — удивительно тихое место на Урале. Здесь время обретает состояние, исправленное в сторону торжества и замедленного спокойствия. Если вас одолевают проблемы или городская суета, как спираль у плиты, накаляет ваши нервы, вам достаточно пе-

реплить Чусовую, пройти по тропинке Курьи, прикоснуться к многовековому кедру, послушать журчание речки Мельничной, и вы попадете в блаженный мир тишины, к миру внутри вас и пониманию Вечности и Гармонии.

Момент ухода в эту ауру начинается с переправы через Чусовую. Как-то представил, что делаю фильм об этом и надо озвучить ход деревянной лодки, скользящей по воде, всплеск воды от весел, болтанье уключин... Аналогов этим звукам найти не мог. Видимо, само окружение реки, как изгиб корпуса гитары, резонирует эти звуки, создавая волшебную песню, и она, как дождь, смывает всю городскую пыль, и в далекое прошлое уходят все проблемы, которые гнались за тобой от самого города.

Необыкновенные туманы утром и вечером — это визитная карточка Курьи. Даже в яростную летнюю жару, когда воздух не успевает остыть

даже ночью, утро посылает туманное марево на реку и на болото, отголосками поблескивая в низинках. В этих туманах есть какая-то тайна. Вдруг, как на фотобумаге, появляется доселе невидимое дерево или пасущаяся корова или солнце пробьется нелепо бледным диском совсем не там, где его ожидаешь. Заканчиваются волшебные туманы обильной росой, сверкающей всеми цветами радуги, как бы приглашая всю насекомую живность принимать утреннюю ванну.

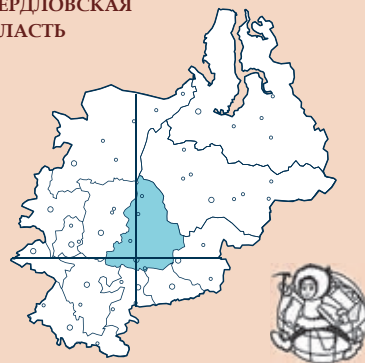
Вечерние туманы иные по состоянию. Они как будто понимают, что ты за день набегался, надыхался, накопил, насмотрелся, накопился, накопался. Накатывают тихо, не будоража воображение, не мешая думать и отдыхать. И вдруг встанут во всей торжественной, величественной красе, как неслышимый аккорд мощного органа.

Через деревню течет речка Мельничная. В жару — ручеек, один метр

▲ Валерий Даниленко. Затерянная в тумане

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Валерий Даниленко

Окончил Политехнический институт, СИНХ. Работал в КБ космической техники, в НИИ. Ученик художника Алексея Ивановича Бурлакова. В 2005–2007 — член Союза художников России. Участник городских, региональных, общероссийских и международных художественных выставок. Картины — в музеях России и за рубежом. Преподает живопись и рисунок в Уральском колледже технологий и предпринимательства. Живет в Екатеринбурге.

в поперечнике, но после дождя и весной — дикий зверь, который топит всю округу. Течет она с Висимского заповедника, в южной части которого мы и находимся. Вода чистая и очень вкусная. Никто из местных не пьет из родников — все из реки. Баня с этой водой — отдельное чудо и удовольствие. Весной идут сюда на нерест хариусы. Стараемся им не мешать, но соблазн поймать чистюлю так велик... Говорят, лет семьдесят назад можно было поймать и тайменя.

Во времена колхозов и совхозов поля на нашей стороне засеивали горохом и овсом, удобрений, видимо, не хватало, и благодарная земля щедро дарила тонны зерна, которые на подводах и тракторах переправлялись через Чусовую. Затем начался развал сельского хозяйства и запустение деревни, в которой теперь, кроме дачников, никого не осталось.

Природа, почуввав свободу, бурно восстанавливала свою былую красоту. Появилось зверье, гороховые поля заросли лесом. До сих пор вдоль Мельничной не редкость встретить норку, ондатру, бобра; в лесу из-под ног взлетают тетерки. Но и нынешнее время не лучшее для этой живности. Молодые, наглые, экипированные «охотники» не щадят никого, их вездеходная техника безжалостно давит гнезда и лежбища, многоствольные карабины с самонаводящимися пулями без промаха губят жителей леса только ради азарта. Когда они идут по деревне, увешанные оружием, как СУ-34 в полном боекомплекте, просыпаются чувства брезгливости и сожаления, что такое возможно в наше сытное время.

С Чусовой у нас вообще все интересно. Бывает, весь год полноводная все сносит, вдоль реки вообще куда не пробраться, бобры жируют, валют лес, где попало, нурии нагляют так, что о рыбалке приходится забыть. А бывает — весь год с малой водой. Река прозрачная и стеклянная, все видно — и рыбу, и камушки, и водоросли. В это время не так много туристов, которые, сплавляясь, несут с собой мусор, ругань и отвратную музыку во всю мощь их систем.

В пору мелководья в деревне начинают пошаливать ОНИ. Особого вреда от НИХ нет, но нездешним людям ОНИ пугают. Да и с деревенскими много чего странного происходит. Бывает, приедут гости. Из рюкзаков городского зелья достанут, хозяева стол накроют, соседей позовут, а к середине ночи распределяют, кого куда спать уложить. И редко бывает, чтобы на утро гости в тех местах проснулись, где их уложили.

▲ Валерий Даниленко. Пятница, тринадцатое

А уж как ОНИ грибников-то путают! Вот был такой случай. Приехала подружка к нашей соседке отдохнуть, воздухом подышать да за грибами наведаться. Выпили, покурили и пошли в лес. И заблудились. Поняли это, когда уже третий раз подошли к пню, с которого сами же опята и срезали. Запаниковали. Приметы всякие вспоминать стали, а куда идти — представления не имеют. Вот вроде бы тропинка, по ней и пойдём, а через полчаса опять у того же пня оказались. Ясное дело — ОНИ водят. Вновь помчались, теперь уже в другую сторону, и сумерки уже, а они бегут и корят себя, что не плеснули ИМ в горящий костер винца да не задобрили, бросив в реку хлеба. И как только искренне раскаялись, сразу у этого же пня оказались. Ну, думают, пропали. Как вдруг в темноте услы-

шали, а потом и разглядели кошку. Значит, жилье рядом, за кошкой и пошли, через болотце к избе вышли, а навстречу женщина пожилая. И женщина эта голосом их соседки (ну вообще жуть) спрашивает: «Чего ж это вы, барышни, ночью бегаёте?». Те наперебой рассказывают, что ходили за грибами да заплутали, а им в деревню Курью попасть надо, да только ночь на дворе, и ноги уже не идут, и провались все пропадом, и будь оно не ладно... А женщина та и говорит: «Люба, иль не признала, соседка я твоя, а дом свой ты бы увидела, если б лампочка на крыльце горела, вон он, через 50 метров. Глянули — и впрямь в деревне своей стоят, только со стороны болотца вышли».

Люба с тех пор всегда втихаря при застолье часть водочки ИМ отплескивает. 🍷

Предпоследний приют поэта

▲ Одна из улиц Колпашево. 1938 г.
Фото И. Фатеева

В 2016 году исполняется 405 лет со дня основания сибирского города Колпашево. Приравненный к населенным пунктам Крайнего Севера (среднегодовая температура воздуха здесь всего 1,1 градуса Цельсия), он занимает площадь 266 квадратных километров с населением чуть более 23 тысяч человек. Местоположение города на берегу могучей Оби определило и род занятий его жителей — рыбные промыслы, ремонт рыболовных судов, доставка по реке леса.

Будучи удалено от крупных промышленных центров (до областного Томска свыше 300 километров), Колпашево во многом сохраняет облик старинного русского города с деревянными домами, мощеными улицами и тротуарами на сваях.

О его истории и развитии, выдающихся людях и памятных событиях рассказывает экспозиция местного краеведческого музея. Из нее явствует, что начало городу было положено служилыми людьми Колпашиниковыми.

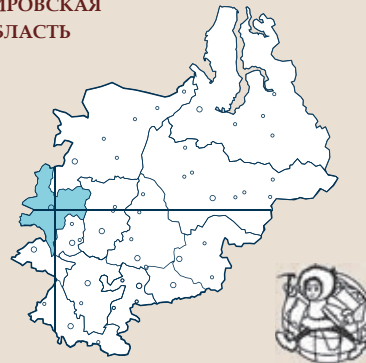
Изначально крохотное поселение, запечатлевшее в своем названии фамилию основателей, благодаря выгодному расположению на водном пути все более разрасталось. В 1908 году популярный петербургский журнал «Сельский вестник» дал ему такую характеристику: «Последняя пристань на р. Оби по пути к г. Томску — деревня Колпашева, расположенная на правом, возвышенном берегу Оби. Деревня про-

изводит приятное впечатление основательно и прочно построенными из хорошего леса избами, около которых — большие амбары. К сожалению, все строения деревни расположены без всякого порядка, что несколько странно, так как все жители деревни наши русские крестьяне. Живут зажиточно».

Тем не менее, до 1920 года, как указано на официальном интернет-сайте муниципального образования «Колпашевский район», «Колпашево было незначительным населенным пунктом в Кетской волости Нарымского края (6-го стана Томского уезда), резиденцией которого с 1842 года являлось село Тогур, нынешний пригород Колпашева. Затем село Колпашево становится центром Колпашевской волости (вместо Кетской). С 1922 года — центр Нарымского уезда».

Еще до революции 1917 года удаленное от больших городов Колпашево стало местом невольного жительства неугодных царскому правительству людей, превратившись, по дан-

КИРОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Владимир Семибратов

Родился в 1959 году в д. Медовый Ключ Кировской области. Окончил исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат культурологии. Член Союза писателей России и Национального союза библиофилов. Автор более 250 научных публикаций и ряда книг по культурологии и краеведению. Живет в г. Кирове.

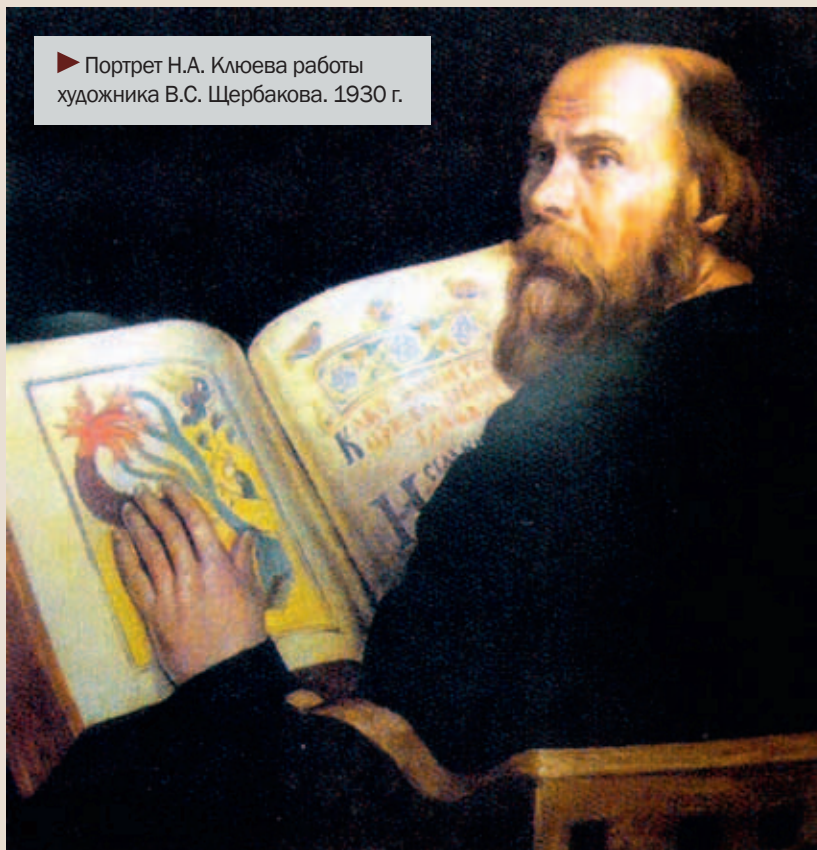
Фотографии предоставлены директором Колпашевского краеведческого музея Анжеликой Пихновской и доктором педагогических наук Валерием Доманским

ным того же сайта, «в одну из крупнейших колоний Нарымской политической ссылки. Представители различных политических оппозиций водворялись сюда «под гласный надзор полиции». Наиболее известные из них: Свердлов, Смирнов, Шотман, Голощекин, Лаишев и др.».

В 1923 году в эти места за «контрреволюционную деятельность» был выслан вятский епископ Виктор (Островидов) (1878–1934), запечатлевший свое пребывание на нарымской земле в ряде своих отправленных в город Вятку (ныне Киров) писем. В первом из них, хранящемся в архиве автора этих строк, он, в частности, сообщал: «Лето провел все на реке за рыбной ловлей, а теперь помогаем больным, которых немного, так как и село-то наше маленькое – всего 14 дворов. <...> ...Очень далеко мы живем, и трудно до нас доехать. Летом надо ехать на лодке, а зимой на лошадах 400 в<ерст>. Но есть люди, которых уехали еще дальше: один священник ехал 32 дня на лодке от Колпашева, нашего главного села. Туда и почта уж не ходит, а у нас еще хорошо; слава Богу!».

В 1925 году обширный Нарымский уезд был поделен на четыре района, центром одного из которых и стало Колпашево. В 1932 году деревня, получившая вскоре статус села, превратилась в административный центр Нарымского округа, благодаря чему здесь стала выходить районная газета «Советский Север» и открылось педагогическое училище.

В таковом качестве Колпашево и встретило классика отечественной литературы Н.А. Клюева (1884–1937), пополнившего число сосланных сюда ранее многочисленных «врагов народа». Опальный поэт стал невольным гением этого места, сделавшегося широко известным благодаря его письмам в Москву и Ленинград с просьбой о помощи.

► Портрет Н.А. Клюева работы художника В.С. Щербакова. 1930 г.

Так, 5 июня 1934 года в эпистолярном обращении к своему другу художнику А.Н. Яр-Кравченко (1911–1983) Николай Алексеевич написал: «После четырех месяцев хождения по мукам я, как после кораблекрушения, выкинут на глинистый, усыпанный черными от времени и непогоды излами – так называемый г. Колпашев. Это чудом сохранившееся в океанских переворотах сухое место посреди тысячеверстных болот и залитой водой тайги... Кругом нет лица человеческого, одно зрелище – это груды страшных, движущихся лохмотьев этапов. Свежий человек не поверил бы, что это люди. Никакого пейзажа –

угрюмая серо-пепельная равнина, над которой всю ночь висит толстый неподвижный туман, не поддающийся даже постоянному тундровому ветру. От 10 часов до четырех светит солнце и даже жарко, но люди, выходя по делам, и в эти часы несут на руках ватное платье – не надеясь на устойчивость погоды. <...> В сентябре уже ледовитый снег, и так до половины мая. <...>

Мне отвели комнату в только что срубленном баракообразном доме... в большинстве же ссыльные живут в землянках, вырытых своими руками, никаких квартир в Колпашеве не существует, как почти нет и коренных жителей. 90% населения ссыльные – китайцы, сарты [часть узбеков, оседлых еще в древности. – Авт.], грузины, цыгане, киргизы, россияне же очень мало... Все потрясающе несчастны и необщительны, совершенно одичав от нищеты и лютости судьбы. Убийства и самоубийства здесь никого не трогают. <...>

В тюрьме мне ошибочно рассказывали, что в Колпашеве растут огурцы – в нем не сеют и не жнут, и съестное редкость, и цены на все чудовищные».

В письме от 10 июня певице Н.Ф. Христофоровой-Садомовой (1880–1978) Н.А. Клюев жаловался: «Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашеве. Недаром остяки [прежнее название хантов. – Авт.] говорят, что болотный черт родил Нарым грыжей».

▲ На площади у средней школы. 1938 г. Фото И. Фатеева

▲ Дом, в котором жил Н.А. Клюев

12 июня в письме поэту С.И. Клычкову (1889–1937) «поселок Колпашев» назван «бугром глины, усеянным почерневшими от бед и непогодиц избами, дотуга набитыми ссыльными».

Новая характеристика Колпашева содержится в письме А.Н. Яр-Кравченко от 4 июля: «Сейчас 12 ч. дня, за окном тяжелое, низкое, совершенно зимнее небо, тускло, свинцово-зеленым блеском, мреет жалкий картофельный огород, за ним две огромных, покосившихся избы без изгороди, без единого кустика вокруг, собака, похожая головой на щуку, сидит прямо в грязи и как околелая неподвижно смотрит на бухлое серое небо. Я никогда не мыслил, что есть в мире такие окаянные места!».

24 июля Николай Алексеевич пишет тому же респонденту: «Колпашево стоит на р. Оби. Река на тысячи верст, шириной в разлив до шести верст, теперь – версты полторы или меньше. Песчаные косы, низкие берега, покрытые ивняком. Один берег повыше, на нем сосновая и кедровая тайга. <...>

...Езда от Питера через Омск четверо суток до Томска, потом пароход по Оби – сутки с часами до меня».

Если бы не перевод в Томск осенью 1934 года, Н.А. Клюев наверняка погиб бы в городе, названном его биографом В.А. До-

манским «страной мертвых» с «начально известным яром, где нашли свой последний приют многие ссыльные».

Но и Томск не стал спасением для знаменитого поэта, так как там он через три года был расстрелян по нелепому обвинению в причастности к мифической «контрреволюционной

кадетско-монархической повстанческой организации».

Что касается Колпашева, то в 1938 году этот населенный пункт стал городом, а после ликвидации в 1944-м Нарымского округа – районным центром Томской области, в каковом качестве и пребывает до сего дня. 📷

▲ Колпашево. Базар, мясной ряд. 1938 г. Фото И. Фатеева

«Уральский следопыт» принимает поздравления

Журнал «Уральский следопыт» и коллектив редакции в юбилейный для журнала 2015 год был отмечен дважды спортивно-туристским сообществом. В этот год в фестивалях «Уральского следопыта» смогли принять участие спортсмены многих дисциплин.

На «Ледовом штурме» в зимнем городке Екатеринбурга были организованы трассы по ледолазанию для альпинистов и зимнему туристическому многоборью. «Майский экстрим» встретил в Историческом сквере спелеологов и велосипедистов, приверженцев путешествий под парусом и на мотоциклах; водники состязались на всех видах судов для сплава: каяках, двух- и трехместных байдарках, рафтах, двух-, четырех- и шестиместных катамаранах... А на «Осень Уральского следопыта» мы провели настоящую географическую олимпиаду, практическая часть которой представляла собой классическое летнее туристское многоборье по набору заданий.

А сколько в журнале описано маршрутов для исследователей нашего края: от Южного Урала до Полярного. В общем, туризм — это наш конек! И значит, заслуженно редакция журнала «Уральский следопыт» получила Диплом за преданность туризму, за поддержку туристского клуба города Екатеринбурга, за большой вклад в развитие спортивного туризма в городе и Свердловской области, которым журнал наградил Президент Туристско-спортивного союза России С.Н. Панов.

Президент федерации спортивного туризма С.М. Миронов наградил журнал Грамотой за многолетнюю пропаганду спортивного туризма, организацию и проведение уникальных туристских мероприятий, за бесценный вклад в развитие спортивного туризма на Урале.

«Уральский следопыт» и дальше будет принимать активное участие в развитии туризма.

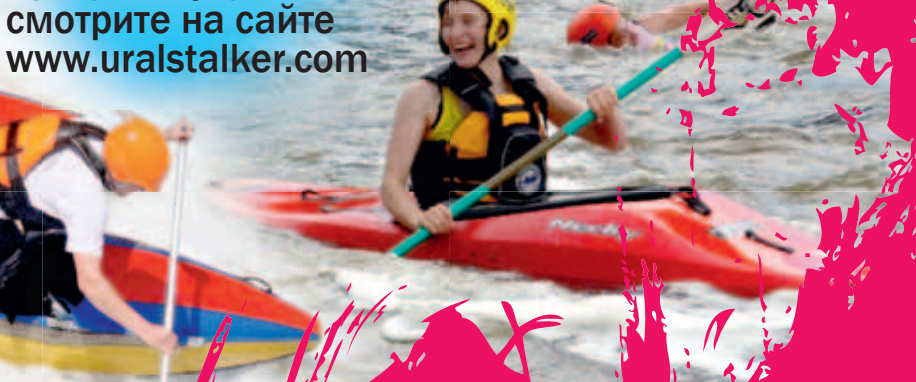
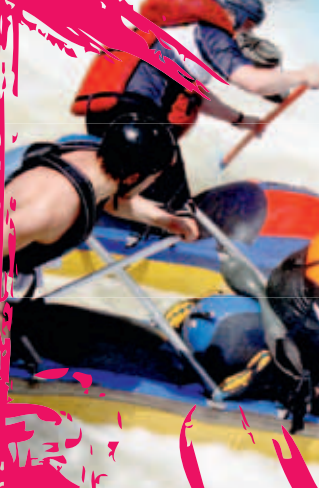
28-29 мая Екатеринбург Майский экстрим УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** 2016

В программе:

- Парусные регаты яхт, парусных катамаранов, детских флотилий
- УралБотШоу – выставка маломерных судов и сопутствующего снаряжения и услуг
- Велотриал
- Спелеотрасса в створе плотины
- Канополо
- Выступления воздушных гимнастов
- Водное ралли
- Конкурс «Лосось идет на нерест»
- Силовые единоборства: масрестлинг, армрестлинг, воркаут
- Спортивные танцы
- Детская площадка
- Флайбординг
- Слеклайн
- Мотосалон – выставка внедорожной и мототехники
- Выставка снаряжения, оборудования и экипировки для активного отдыха и экстремальных видов спорта.

Программу фестиваля смотрите на сайте www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

Февраль 2016

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

ОРДИ ТАДЕР
Прокол номер шесть

50

61 **Координаты чудес**

ЕКАТЕРИНА БЕЛОУСОВА
Пять копеек

61

67 **Координаты чудес**

МАРИТА ПИТЕРСКАЯ
Узелки

67

77 **Повод для улыбки**

ОКСАНА АРХИПОВА
Антиантиутопия

77

Прокол номер шесть

Орди Тадер (псевдоним)

Инженер-программист, фитнес-тренер и писатель-любитель. Ей двадцать восемь лет, и среди них было много веселых, много сложных и несколько грустных, но ни одного скучного. Писала программы, которые заставляли работать гигантские машины, и демонстрировала их в далеких странах. На счету автора почти два десятка научных публикаций и две научно-публицистические. Прыгала с парашютом и с тарзанкой, спускалась с заснеженных склонов и путешествовала по дорогам, где на десятки километров вокруг — только объявления с телефонным номером эвакуатора. Сейчас она написала рассказ и очень надеется, что он понравится читателям.

12 апреля

Всё. Проект утверждён окончательно, на правительственном уровне. Ровно через год запланирован вылет ракеты на Марс.

(Зачёркнуто)... мечтала быть смуглой. И чтобы глаза — как у кошки, с вертикальным зрачком, цвета расплавленного золота.

А гулять — самой по себе, не задумываться, не спрашивать совета. Слушать инстинкты. Чуть ветер. Не оглядываться ...

Меня включили в состав потенциальных поселенцев. Физическое и интеллектуальное тестирование пройдено с достойными баллами, ура! Занимаю шестое место в списке будущих колонистов. Изумительно. Математик — не самая практичная профессия для освоения планеты, но браслету виднее. Три месяца назад меня пригласили принять участие в проекте, и с тех пор события нарастают по экспоненте.

Остался последний рубеж.

Снять браслет.

Руководитель проекта объяснил, что в настоящее время отсутствует возможность создания в колонии суперкомпьютера, аналогичного земному. Поэтому первым марсианам придётся принимать решения самостоятельно, как в недалёком прошлом. Без подсказок мощнейшей аналитической системы, учитывающей все аспекты.

Психологи рекомендуют снять браслет уже месяца через два-три, чтобы период адаптации прошёл на Земле. Когда ещё можно отказаться от полёта и вернуть всё на место.

Зинаида Павловна, вы велели завести дневник наблюдений. Фиксировать поток сознания. Записывать все ощущения и факты, даже косвенно связанные с избавлением от зависимости.

Я так понимаю, это последний этап тестирования и намерена отработать по-честному.

Наблюдение первое: никогда раньше не задумывалась, что у браслетов централизованное управление. Казалось, решения принимаются локально, есть же микропроцессор. Хотя стоило бы догадаться, это же элементарно — чтобы учесть все необходимые параметры, нужен доступ к глобальной базе данных.

13 апреля

Сегодня попробовала принять первое решение без браслета. Простейшее. В супермаркете не было моего любимого мороженого. Я решила выбрать самостоятельно. На изучение этикеток ушло пятнадцать минут (четверть часа!). С ума сойти, самое бесполезное время моей жизни. Читала составы, выяснила, что существует полсотни наименований пищевых добавок, несколько стандартов, чудный спектр названий. Выбрала «Сливочную нежность» по ГОСТ. Невкусное. Очень невкусное. Не смогла доесть, выкинула.

И как теперь быть с калорийностью рациона? Ведь браслет же не только вкусовые пристрастия учитывает, но и рекомендации диетолога. Всё сложнее получается, чем казалось на первый взгляд.

Кстати, на Марсе всё равно не будет столько наименований, паёк наверняка стандартный. Не понимаю, зачем мучиться заранее.

14 апреля

Вспомнила вдруг — в детстве же я не была так привязана к браслету. В детском саду и в школе запросто могла отказаться от рекомендованного блюда. И часто ведь хотелось чего-то не из списка!

(Зачёркнуто)... на каникулы и втихомолку ела блины. Горячие и яркие, как весеннее солнце. На кухне стоял деревянный стульчик и мини-тюрный стол из неокрашенной берёзы. Бабушка пекла блин, выкладывала на тарелку мне — шлёп! И заливала следующий на шипящую раскалённую сковороду. А я отщипывала пальцами сухое кружево, пока блин остывал, слушала присказки. По-немножку начинала отрывать небольшие кусочки горячего, сладкого теста. Макала в растопленное масло, жёлтое-жёлтое, как луч на подоконнике.

Уххх, вкусно же было. И плевать, что браслет красным светился — звуковое оповещение отключала и лопала за обе...

А мама ругалась. И на меня, и на бабушку потом, вечером. Что прививает неправильные гастрономические пристрастия, снижает уровень доверия к персональным рекомендациям браслета.

В садике тоже ругались за отступления и хвалили, когда мы соглашались с рекомендованным выбором. Воспитательница приводила в пример девочку из старшей группы, бегавшую быстрее всех — та всегда следовала рекомендациям.

Кажется, именно тогда убеждённость в рекомендациях браслета и стала впиваться в кровь. Начали формироваться шаблоны поведения: столкнулась с выбором — спросила совет — подумала — исполнила. Постепенно из цепочки действий начал выветриваться предпоследний пункт — «подумала». Зачем тратить лишнее время? Браслет учитывает всё. Стоимость, доступность, химический состав. Берёт экспресс-анализ крови, если нужно.

Человек с первобытных времён старается оптимизировать время реакции — раньше это способствовало выживанию. А сейчас?

15 апреля

Тут вот какая штука. В детстве ответственности нет. Что захотела — то и съела, а если потом живот болеть будет, то маме пожалуюсь.

Сейчас надо думать вперёд. Поэтому и выбор становится ответственным делом.

А начинается всё с еды. Если подумать, пищевое поведение очень часто связано с психологическим состоянием.

16 апреля

Утром встречалась со Светкой с исторического, рассказала про снятие браслета. Она в шоке. Утверждает, что разнообразие выбора — это бич современного общества. По мнению подруги, последние предстартовые месяцы я проведу в магазинах в бесплодных попытках подобрать что-нибудь подходящее.

Светка вообще склонна ударяться в патетику и философствовать, её хлебом не корми — дай тему подходящую. А тут же раздолье. Чувствую, будет меня отговаривать до самого полёта. На космодром придёт с запасным браслетом и будет рассказывать, чего же я лишилась.

Она показала видеозапись психологического эксперимента. Участникам подарили по две раритетные статуэтки — лев и пантера, а потом попросили одну отдать. Подопытных разделили на две группы.

Людей из первой группы попросили отдать любую статуэтку с использованием рекомендации браслета. Все участники согласились с выбором браслета и отдали льва.

Людам из второй группы разрешили подумать до конца недели, но браслетами при принятии решения пользоваться запретили.

Участники из первой группы сначала немного расстроились, а потом сказали, что лев всё равно был

угловатый и плохо бы вписался в интерьер, а вот пантера — супер. Подопытные довольны и экспериментом, и пантерой.

А вот участники из второй группы обвинили организаторов в нечестной игре — незачем было изначально говорить, что обе статуэтки в подарок. Пять человек из семи меняли своё решение несколько раз, и в конце концов все остались недовольны сделанным выбором. «Кажется, лев был лучше. Если бы у меня была возможность передумать, я бы всё-таки оставил льва. Только сейчас вспомнил, что моя девушка ненавидит пантер».

Светка выглядела торжествующей. «Мы переоцениваем важность выбора», — сказала она.

22 апреля

Сегодня выбирала свитер. Потратила три часа, вспоминала недобрым словом Светку. Наговорила под руку... Что тут поделаешь, когда в одном торговом центре больше десяти магазинов со свитерами, в каждом по несколько десятков вариантов?

Браслет бы быстро отмёл модели не по карману, не по размеру. Оставил бы штуки три, сочетающиеся с моими любимыми джинсами.

(Зачёркнуто)... напрямик захожу в примерочную. На синем экране браслета появляется прогресс-бар: в устройство загружается актуальный ассортимент магазина. Ещё две секунды обработки — выполняются расчёты, уточняется размер и сочетания. На дисплее отражается первая рекомендация. Нажимаю «Не нравится». Второй совет — идеален. Примеряю, оплачиваю...

Всё-таки купила, бежевый, свободного кроя. Хотя мне ещё голубой свитер понравился, с геометрическим узором. Принесла домой бежевый и поняла — сидит плохо. Голубой подчёркивал талию и с джинсами хорошо смотрелся, а в этом я, как снеговик весной.

Ай, ладно. Зато сама выбрала. Как-то же раньше люди жили, одежда отражала индивидуальность. Даже в ателье уникальные вещи заказывали.

Светка обозвала меня валенком. Объяснила, что раньше люди ориентировались на моду и на то, как одеваются стильные подруги. Рассказала про великое множество рекламных уловок. Музыка, запахи, ассоциированные впечатления. По мнению Светки именно браслет помогает раскрыть индивидуальность и подчеркнуть личные достоинства. Как рекомендательные сервисы подбирают нужную музыку и советуют книги по вкусу.

К тому же, браслет только предлагает вариант выбора. Окончательное решение за человеком. Это же удобно, — подчеркнула подруга. — Не тратишь кучу времени на изучение всех доступных опций, браслет подбирает оптимальные параметры, только и всего.

24 апреля

Ночью пришла мысль, еле дождалась утра, чтобы поделиться со Светкой. Уверена, сейчас реклама тоже действует, только напрямую. Наверняка при рекомендации браслеты в первую очередь предлагают оплаченные модели. Какая же тут индивидуальность, манипуляция чистой воды! В Светкином эксперименте всем подопытным из первой группы посоветовали выбрать пантеру. Где здесь индивидуальный подход?

Светку моё предположение не удивило и из равновесия не вывело. «Конечно, интересы поставщиков учитываются, а ты что хотела? — хихикнула подруга. — Зато браслет подбирает траты соразмерно твоим возможностям. Если денег не хватает, ориентируется на рекламу из эконом-сегмента и при этом учитывает индивидуальные предпочтения».

Зла на неё не хватает.

Чувствую себя марионеткой. Причём вижу ниточки, знаю, что тянут — и всё равно поднимаю руку в нужном направлении.

Идея избавиться от браслета вызывает всё больше радости. Я смогу.

3 мая

Как же я ограниченно мыслила! Еда, одежда. Так кукла Барби может рассуждать. Шопинг — это же верхушка айсберга только.

А под водой — вся жизнь. Личные отношения, карьера, друзья. Всегда же задаём вопросы браслету: «Стоит с ним встречаться? Нужно ли мне это повышение? А не пора ли завести ребёнка?»

Самим решать сложно. Аналитическая модель учтёт состояние здоровья, в том числе и психологического. Просчитает генетическую совместимость, примет во внимание экономическую ситуацию. Построит вероятностную модель, вычислит оптимальный вариант.

Не только мои интересы учтёт, но ведь и я не отшельник, а часть общества. Когда принимаю решение браслета — действую на благо социуму в целом. Так нас с детства учили. Поступать согласно буквам на экране легко и приятно.

Вот и я два года назад рассталась с Димкой, потому что на экране высветилось «Нет». Сама не могла решения принять, а браслет не сомневался.

(Зачёркнуто)... странного хотелось. Светка говорила, что Димка адреналинщик и для семейной жизни не годится. Но как мы встречались!

Вихрь, цунами, безумие. Димка рассказывал такие вещи, от которых мир менял цвет. Или подходил бесшумно, хватал в охапку и кричал: «Я покажу тебе приключение!»

Первый месяц свиданий, прогулки босиком под луной, неистовые поездки на сумасшедшей скорости. Гремит гром, Димка останавливает машину чуть в стороне от серпантина горных дорог. Мы выходим на улицу; одежда моментально становится мокрой, крупные капли бьют по лицу. Пахнет остывающими камнями, буйно цветущей зеленью.

«Будет ласковый дождь, — Димка перекрикивает громовые раскаты, вспышка молнии выхватывает из мрака хищные черты лица, — будет запах земли»

«Щебет юрких стрижей от зари до зари», — декламирую я.

Мы читали одни и те же книги, сходили с ума от одних и тех же песен. Когда мы танцевали — а мы постоянно танцевали, в парке, на тесной кухне — люди забывали слова.

Димка всегда решал всё сам. Жестоко высмеивал друзей, прибегающих к советам браслета. Доводил меня до слёз. Спрашивал: «Браслет скажет прыгнуть с одиннадцатого этажа — прыгнешь?» Говорил: «Я понимаю — шмотки. Но зачем тебе спрашивать о визите к отцу? Не хочешь — не ходи. Не нравится видеть его таким, но чувствуешь себя виноватой? Хочешь индульгенцию. Думаешь, раз на дисплее высветилось «Нет», то отец не ждёт? Не обманывай себя. Ему больше нечего там делать».

Когда я сказала, что мы не подходим друг другу, Димка переменился в лице. Встал, потрянул головой, как мокрый лев, а потом ушёл. Сразу и навсегда. Понял, что решение принял браслет.

4 мая

Светка безжалостна. Мои аргументы разгромила в пух и прах. «Ты сама хотела расстаться. Понимала, что семью с таким типом не построишь. Любила бы,

браслет тебе запретить бы не смог. Думаешь, Джульетта бросила бы Ромео из-за красных букв на экране?»

Оказывается, статистическая модель по умолчанию одобряет отношения. С точки зрения эволюции выгоднее соглашаться на первого подходящего партнёра, а не ждать у моря погоды. Так что если генетических и психологических противопоказаний нет, браслет обычно рекомендует попробовать.

(Зачёркнуто)

...плачет Ирка. Она на пятнадцать лет меня старше, но мы дружим, как Атос и Д'Артаньян.

Ирка учит меня танцевать и жить. Сегодня — только жить, на танцы не осталось сил.

— Это был третий протокол, — шепчет она, не поднимая глаз от стола. — Последний. Я никогда не буду мамой.

— Может, стоит попробовать ещё? — спрашиваю я.

— Нет, — Ирка пытается улыбнуться, но получается кривой смайлик с бэкслэшем вместо губ. — Мы договорились, что если и сейчас не получится, значит — не судьба. Стасу уже надоело это всё, и денег не осталось. ЭКО же стоит, как годовая зарплата.

Я не говорю ни слова. Что тут скажешь? Про усыновление? Потом, когда боль утихнет. Сейчас надо просто молчать вместе.

— А ведь браслет не рекомендовал выходить замуж за Стаса, — вдруг говорит подруга сдавленно. — Может быть, потому что он старше и курит. Мне это никогда не мешало, а вот детей не получилось. Брак разваливается — все эти клиники, лопнувшие надежды распатали бы и более прочный фундамент... А сейчас мне уже почти сорок, жизнь с чистого листа не начнёшь.

— Почему ты не послушала совет?

Сейчас не время спрашивать о таком, но слова сами срываются с языка. Сложно представить, что кто-то

действует наперекор решению статистической модели. Впрочем, Ирка не обижается.

— В моё время браслеты надевали в шестнадцать. Не привыкла доверять, наверно.

«Раньше люди слишком боялись обжечься, — говорит Светка. — Карьеру строили, кавалеров перебирали. Сейчас браслет советует вступать в серьёзные отношения раньше. Мы с рождения привыкли доверять выбору устройства, и проблемы с зачатием резко пошли на спад. Средний возраст вступления в брак снова снизился до двадцати одного года. А в Китае, наоборот, удалось безболезненно сократить численность населения без принудительных мер».

Вот такой монолог подруга выдала. А я всё думала, что Ирка стала заведующей отделом опеки и попечительства. Помогла найти дом уже нескольким десяткам детишек, и у самой дома двое.

5 мая

За рабов всё решали хозяева.

9 мая

Светка пришла в гости без предупреждения и вывалила распечатку всех доступных пенсионных программ. Восемьдесят три штуки, описание страниц по десять для каждой.

Предложила выбрать самую выгодную без браслета, раз я такая умная. Всё равно лучше заключить контракт со страховой до отлёта.

Мда, убедительная кипа бумаг. Аналитический помощник отметает все неподходящие варианты автоматически — программы, рассчитанные на социальных работников, к примеру. Или на частных предпринимателей.

Быть бы уверенной, что при выборе учитываются только мои интересы...

13 мая

Интересно, голосование с подсказками браслета считается демократическими выборами, или это уже иной тип государственного устройства?

19 мая

Сегодня поняла, что никто не запрещает снять браслет прямо сейчас. Я просто боюсь.

Выбор всегда идёт бок о бок со смелостью. Трусы никогда и ничего не выбирают. Боятся взять ответственность. Ждут, пока всё разрешится само собой, утечёт вода, изменятся обстоятельства, пробежит чёрная кошка. Пока кто-нибудь сделает выбор за них, например, мощнейшая статистическая модель. Тогда легко сказать, что всё равно ничего бы не вышло. Так поступила и я два года назад.

Если речь идёт о храбрости, нужно ехать туда, где этот вопрос встал впервые.

(Зачёркнуто) Мраморный карьер. Отвесные скалы и холодное зеленоватое горное озеро. Под водой — тоже скалы, насколько хватает взгляда. Вода прозрачная и неподвижная.

Я сижу на корме, Димка гребёт. Вёсла размеренно опускаются в воду, по поверхности расходятся симметричные круги. Сверху проходит канатная дорога, изящная, как паутина. Там, на высоте семи этажей над ледяным горным озером, идёт маленькая девочка. Акустика в ущелье замечательная, сбивчивый тонкий голос звонко стучит в ушах: «Я очень смелая девочка».

Мы причаливаем и поднимаемся наверх. Для взрослых — другой аттракцион: прыжок с тарзанкой. Димка застёгивает стропы, надевает шлем, в глазах — предвкушение.

Разбегается и прыгает, вниз головой, канаты закручиваются. Его мотает между каменными стенами взад и вперед, как марионетку в лапах агрессивного манья-

ка. Амплитуда чудовищная, кажется, он разможжит голову о мрамор. Красным по белому.

Но, конечно, траектория полёта рассчитана верно. Через две безумные минуты Димка без приключений останавливается. Взбирается по верёвочной лестнице на противоположном берегу, сияет победной улыбкой.

А вот я боюсь. Хочу почувствовать полёт, но близость хищных скал лишает остатков мужества. Отвожу глаза, спрашиваю у браслета, стоит ли прыгать. Умное устройство чувствует страх, мерцает красными буквами — «Нет».

Димка первый раз смотрит на меня с жалостью.

11 июня

Я это сделала!!! Сняла браслет и утопила в горном озере. Кожа на запястье белая и изнеженная. Прошло уже два часа. Не жалею.

(Зачёркнуто) ... на краю обрыва, открывая всем ветрам. Скала не отвесная, и если заглянуть вниз, можно увидеть небольшой, но очень опасный уступ. Чтобы не повредить позвоночник, нужно именно прыгать. Не шагнуть вперёд, не поджать ноги, а разбежаться и бросить себя в неизвестность.

Вдыхаю глубоко, всей грудью, отхожу назад, разбегаюсь... И торможу у самого края, мелкие камни из-под ног шумно падают вниз. Судорожно выдыхаю.

Не смогла. Ничего страшного, можно попробовать ещё раз. Я же смелая девочка?

«Нет, — говорит браслет, светится красным, — Не надо».

Снова вдыхаю, три длинных шага назад. Ещё три вдоха. Три... Два... Один...

Отталкиваюсь со всей мощи, сильно, как сражаясь за жизнь. Земля уходит из-под ног. Мраморные скалы — зелёная вода — жёлтое солнце пляшут в глазах,

смешиваются в праздничное мохито. Пронзительный влажный воздух бьёт в лицо, верх сливается с низом, гравитация сдаётся. Кричу: «Ура-а-а!!!» Торжествующе, громко, победно.

Движение замедляется, инструктор манипулирует натяжными канатами. Я оказываюсь рядом с верёвочной лестницей, цепляюсь, ставлю ноги. Достая из нагрудного кармана многофункциональный нож, перерезаю ремешок и кидаю браслет вниз. Прямо в зеленую воду. Смотрю, как он тонет, медленно, по-змеиному извиваясь.

Я свободна! Марс ждёт!

Победа стучит в висках, звенит адреналином. Ночью пойду в клуб и буду танцевать до утра. Плевать, что завтра рано вставать, что от табачного дыма меня мутит, что экзамены на носу. Закажу мохито — тот самый, с запахом мяты и цветом горного озера. Наплююсь. Главное — не думать об ответственности за те решения, что были приняты раньше. Ведь я могла снять браслет и три года назад. И пять.

Не сейчас. Сегодня мой день, как новое рождение.

13 июня

Доверить решение жизненно важных вопросов браслету — это тоже выбор. Трусливый такой, жалкий, двуличный, но выбор. Думать об этом страшно. Всё время, всю жизнь это были мои решения и моя ответственность.

15 июня

Послезавтра государственный экзамен в университете. Волнуюсь. Забыла уточнить — возьмут ли меня на Марс, если не получу диплом? Наверное, нет. Зачем в колонии нужен несостоявшийся специалист.

Учу с утра до ночи. Без браслета сложно — сижу за учебниками до рассвета, засыпаю сидя, голова всё

время мутная. Устройство бы следило за режимом, биоритмами, но, возможно, в ущерб результату. Да что тут думать и гадать? Как раз отличный способ проверить нервную систему на стрессоустойчивость. Уверена, в новой колонии под искусственным куполом критические ситуации будут возникать с определённой периодичностью.

Вечером зашла Светка. Я первый раз увидела, как человеку в прямом смысле не хватает слов — подруга уставилась на моё пустое запястье, рот открывает, а звук не идёт. Как рыба в аквариуме.

Потом прорвало. Она, оказывается, не верила. Думала, все разговоры про Марс — это шутка такая, затянувшаяся. Сказала, что я — махровая эгоистка. Могла бы снять браслет и позже. Видите ли, все решения, принятые без браслета будут учитывать только мои личные интересы. По Светкиному мнению, я могу отказаться куда-то поехать и не успеть встретиться с нужным человеком. Или, наоборот, вляпаться в шальные отношения и разбить чью-то жизнь навсегда. Судьбу строят как минимум двое.

Непробиваемая убеждённость в правоте браслета, даже сектантством попахивает. Эра великого и непогрешимого браслета. Глаза горят, слюной брызгается, неприятно. Поссорились мы с ней, короче. На сей раз окончательно.

16 июня

Звонила мама, просила прилететь побыстрее. Бабушку опять положили в больницу. Она каждую весну переселяется в кардиоклинику недели на две — последние несколько лет шалит сердце.

Я взяла билет на восемнадцатое. Завтра сдам и полечу — одни сутки для бабушки роли не сыграют, а вот у меня вся будущая карьера на кону.

17 июня

Сдала экзамен.

Бабушка умерла. Обширный инфаркт и разрыв сосуда, молниеносный кардиогенный шок. Врачи сделали всё, что могли. Это могло бы случиться завтра или никогда, но произошло именно сегодня. Мама была рядом. Я — рассказывала морщинистому профессору про градиенты функций на римановых многообразиях. Кому они нужны, эти многообразия?

(Зачёркнуто) ... с экзамена, улыбаюсь. Принимаю поздравления — всего трое сдали на «отлично», я — первая. Жду подруг, рассказываю, как вытасщила удачный, шестой билет. Сегодня утром повторяла дифференцируемые многообразия, перед завтраком. В голову ударило — эту тему нужно повторить.

У приятеля звонит телефон — дзинь, дзинь, дзинь. Навязчивый, винтажный рингтон, и я вспоминаю, что отключила звук у своего смартфона. Достая. На дисплее высвечиваются оповещения — пропущенные вызовы (в скобках — шесть) и голосовое сообщение.

— Поздравляю, ботан, — хлопает по плечу приятель и подмигивает. — Вечером отмечаем?

— Конечно! — соглашаюсь я. — Угощаю!

Отхожу в угол, прикрываю левое ухо ладонью и прослушиваю сообщение. Дребезжащий, слабый бабушкин голос говорит еле различимо: «... и маму береги. Ты одна остаёшься, присматривай за ней. Люблю тебя, внученька». И всё. Пальцы холодеют, смартфон несколько секунд не реагирует на прикосновения. Потом список пропущенных всё-таки разворачивается, и я вижу два вызова от бабушки и четыре — от мамы...

27 июня

Смотрела учебную видеолекцию про парадокс выбора. Анонимный слушатель написал: «Вопрос

не в том, что вы выбрали. Вопрос в том, имеете ли вы право на жизнь с последствиями?»

Сложный вопрос. Если выбрал браслет — последствия несую я не одна. Кто-то ошибся, просчитался, не учёл. Я — доверилась совету. А если выбор сделала я сама? Не моргнула и глазом, думала только про карьеру. Как там — днём раньше, днём позже?

Шестой комментарий к лекции. Шестёрка меня преследует — билет вытянула шестой, в список поселенцев занесена под шестым номером, живу на шестнадцатом этаже. Плохое число.

В магазине стараюсь не брать продукты, если в ценнике есть шестёрка. Лучше всего — гречка. Она стоит 44.50 и лежит рядами по пять пачек. Еду выбирать тоже трудно. Невкусно и долго. Стараюсь придерживаться старого рациона, но всё время о чём-то забываю.

И всё-таки надо решать — лететь или оставаться. Маме плохо, и бабушка просила за ней присмотреть. Отец — всё там же, в психушке. Когда услышал про смерть бабушки, рассмеялся и рассказал анекдот про тещу и грибы.

А в колонии меня уже ждут. Разработан индивидуальный скафандр для работ вне купола, оборудовано жилище, просчитаны совместимости по психологическому профилю. Конечно, отказаться ещё можно. Но чем раньше — тем лучше, чтобы успели подобрать замену.

3 июля

Случайность. Кто же это сказал — «в том, что я доктор, а вы душевнобольной, нет ни нравственности, ни логики, а одна только пустая случайность». Не помню, откуда. Вообще много стала забывать. Может быть, не хватает полезных веществ — браслет же

учитывал при рекомендациях суточную норму витаминов и микроэлементов.

Я вообще о пустой случайности написать хотела. Экзамен изначально назначали на шестнадцатое, но потом перенесли на день позже. Не хотели проводить в день с шестёркой, наверное. Пересечение независимых событий. Раз нет нравственности, то и безнравственности тоже нет. И вины.

Надо бы дойти до психолога. Поговорить и попросить снотворное — я совсем плохо сплю. Сняты две двери. Чёрная и белая. Серой нет. Между дверными проёмами — пульсируют и расходятся вихревые фрактальные узоры.

Сегодня второй раз видела Зинаиду Павловну. Я ехала в автобусе, а она шла по пешеходному переходу.

4 июля

Опять видела Зинаиду Павловну. Пора наведаться в подготовительный центр, отнести дневник. Я уже несколько занятий пропустила, наверное, меня уже ищут.

Вчера собиралась, даже вещи упаковала, но захотелось есть. И время было шесть часов.

А потом стали сниться двери. Правая — один в один как в медицинском кабинете подготовительного центра. Нужно решить, какая из дверей опасная, и тогда пойму, можно лететь или оставаться.

И всё-таки это не случайность, что Зинаида Павловна встречается каждый день. Там пешеходный переход странный — всего шесть линий.

6 августа

Одна из дверей во сне — с номером шесть. А другая — без таблички. Нужно идти в ту, которая пустая, только я никак не могу понять. За ше-

стой — неправильный выбор и дифференцируемое многообразие. Димка стоит за левым плечом и провоцирует. Он с ними заодно.

Таблички путаются и расплываются. Если поменять выбор — шансы увеличиваются.

Я поменяла трижды, а потом проснулась.

9 августа

Никакой марсианской колонии на самом деле нет. Только провокация в точке бифуркации. Людям предлагают снять браслет — это испытание на нормальность. Правильный ответ в этом тесте «у меня не вышло, никто не может жить без устройства». Мой ответ — ошибочный. Осуществившаяся возможность делает процесс необратимым. Теперь меня ищут. Системе не нужны свободные люди. Их сжигают в крематории и высыпают прах в чёрное отверстие вентиляционной решётки.

Проснулась — и не могу уснуть. Они ведь уже знают, что у меня получилось. Запястье без браслета — с белой кожей, как с чёрной меткой.

Нужно уехать. Боюсь уснуть.

16 августа

Светка вчера приходила, долго стучалась. Каждый раз по шесть стуков. Тук-тук-тук-тук-тук-тук.

Наверное, она тоже с ними заодно. Как и Димка. Они стоят по разные стороны и нашёптывают в уши разные мнения, чтобы катализировать процесс. А вот теперь браслет снят, меня нужно изолировать. Вентиляционная решётка проголодалась, и прутья перекрещиваются в сладострастном голоде.

Единственный выход — в полёте. Нужно прыгнуть, чтобы обрести свободу.

31 августа

Розетки смотрят чёрными проколами реальности. Ждут. Обхожу стороной. При попытке выворачивания возникло две точки, одна — пустая. Вторая — безопасная. Можно вставить гвоздь и ничего не почувствовать. Розетки соединены с вентиляционными решётками. С другой стороны сидит Светка и всё слышит. У электрической сети очень хорошая акустика.

Начала думать об этом, кажется, вчера. А может и позавчера. Сегодня рядом с евروزеткой у дивана блестит металлом саморез. Не помню, чтобы я его приносила. Это всё они — ждут. Я должна всё сделать сама, чтобы было чисто. Напишут — самоубийство и прутья решётки разделят тело на спектральные последовательности.

Зинаида Павловна поселилась в доме напротив. Выкрасила волосы в пергидрольный жёлтый цвет и думает, что я не узнаю. Но по походке видно.

Вечером она выходит на балкон — якобы курит. Но на самом деле следит — не догадалась ли я? Притворяюсь, что всё в порядке — готовлю еду, пишу дневник. Когда не хочу есть, жарю соль. Бабушка говорила, от этого сковородки очищаются. А со стороны кажется, будто бы тушу овощи. Разбираю корзину с морковью на подоконнике, специально, чтобы были видно — ем.

В квартире душно и смрад. Не выношу мусор уже вторую неделю — помойные баки как раз за домом Зинаиды Павловны. Там меня уже ждут.

1 сентября

Пишу дневник, пишу дневник, пишу дневник. Школьники сегодня шли в школу, портфели чёрные, как горбы. Нужно писать обо всём. И о браслете. Но браслета нет, и запястье загорело.

(Зачёркнуто) ... распадётся симметричным чёрно-белым узором. Два цвета, ровно два. Хорошо, что

не шесть, но плохо, что не три. Рюкзаки чёрные, дифференцируемые в каждой точке. Пространство расслаивается в белых бантах, перекручивается в седловой точке.

— Присматривай за мамой, не оставляй её одну, — говорит бабушка, эхо повторяет слова: «одну, ну, ну».

Выцветает небо в потолок подготовительного центра, затихает голос, лицо гомеоморфно искажается. Из-под бабушкиной шляпы смотрит Зинаида Павловна, глаза чёрные, как проколы в пространстве.

— Ты подписала контракт, подготовлены профили совместимости, нужно лететь на Марс.

Я понимаю, что бабушка и есть Зинаида Павловна, всегда ей была. Бабушка хотела, чтобы я принимала решения сама. Зинаида Павловна обещала третью экспедицию на Марс. Но я сделаю другой выбор.

Саморез отодвинулся от розетки к окну, повернулся остриём к стеклу. Это знак. Зинаида Павловна смотрит и ждёт. Когда из сигареты выходит шестое кольцо дыма, она усмехается. Тоже знает. Ждёт. Вчера звонили из подготовительного центра, делали вид, что ничего не произошло. Приглашали на осмотр. Я не поведу.

2 сентября

Вот с какой ноги встать? Сегодня встала с левой. Дурная примета, всё не заладится. Нужно следить, чтобы не было шестёрки. До ванной — за семнадцать шагов. Получилось шестнадцать и последний — маленький, половинчатый.

3 сентября

Розетка подмигивает левым проколом. Намекает. Не дождётся. Прокол — это критическая точка, в которой можно избежать выбора, вывернуть наизнанку. Если хватит смелости.

4 сентября

Когда делаю что-то, нужно сказать «вот так вот». Чтобы было понятно — решение принято. Как оповещение. И тогда всё будет хорошо. Вот так вот.

5 сентября

Правильная дверь — это окно. Вот, снится мне дверь, а это окно. Две створки. Правая открыта, левая закрыта. По стеклу ползут капли. Могут вверх, но катятся вниз, стремятся вдавиться друг в друга. Нужно в левую. Потому что правая — как шестёрка. Вот так вот.

6 сентября

Зинаида Павловна смотрит и ждёт, когда я выйду из подъезда. Но я не выйду. Я перехитрю её. Обману всех, даже систему. Окно — это тоже дверь, они просто не знают. Здесь высоко, но я долго смотрела на птиц. Поняла, как они летают. Главное — двигать руками не одновременно, а правой чуть выше, и всё получится. Вот так вот.

Это настоящий выбор, точка расслоения. Он будет обратим, если убить Зинаиду Павловну с пергидрольными волосами и отдать заполняющей пространство решётке.

Тогда будет асимптоты бесконечный разрыв.

(Зачёркнуто) ... не повредить позвоночник, нужно именно прыгать. Не шагнуть вперёд, не поджать ноги, а разбежаться и бросить себя в неизвестность.

Вдохнуть глубоко и двигать руками правильно, с положительно определённым симметрическим касательным пространством в каждой точке. Смерть будет продифференцирована и решётку убьёт эволюционный тензор.

Красным по белому. Вот так вот. **У**

Пять копеек

Екатерина Белоусова

Родилась 11.12.1981 г. в пос. Менделеево Московской области. В 2004 г. окончила юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Жила в Москве, работала по специальности (юристом). В 2009 г. переехала с семьей в деревню в Тверской области. В настоящее время является домохозяйкой. Прозу начала писать летом 2013 года. В августе-октябре 2013 г. некоторые ее рассказы были опубликованы в газете «Ржевская правда». Рассказ «Калейдоскоп» опубликован в журнале «Космопорт» (№ 4 за 2014 г.). Рассказ «Возвращение» вошел в состав Литературного приложения к журналу «Мир фантастики» за ноябрь 2014 г.

Колька Молотков с остервенением копал картошку. Земля пылила, грязный пот стекал со лба и солонил губы.

Колька трудился уже три часа, но за это время сестра Наташка оттащила под навес всего четыре ведра мелкой, изъеденной проволочником картошки.

Лето было сухое и скучное. А через несколько дней по прогнозу начнутся дожди, и копать тогда будет не легче.

Из-за забора показались седые вихры и острый нос.

— Как урожай, сосед? — задорно выкрикнул дед Василий.

— Как попало, — процедил Колька.

— Так удобрять надо. Поливать надо. Горчицей засеивать половину плана, чтоб пакость эта картошку не жрала. Смотри, какая у меня чистая, крупная. А?

Колька сплюнул.

— А вообще, это не дело, конечно, — продолжал дед Василий, обиженно откидывая картофелину, — чтоб пацан в одиночку столько копал. Ты ж только в пятом классе. А, Колька?

Последние слова назойливый дед кричал уже в удаляющуюся спину мальчика.

— В шестом, — тихо сказал Колька, не оборачиваясь.

От дома шла Наташка. Платье болталось на ней, подчёркивая тощие руки и ноги. Наташке исполнилось семь, но пятилетние соседские девчонки были выше неё. Колька, глядя на сестру, каждый раз испытывал жалость и тут же стыдился своей чувствительности.

— Начистила. Ставить варить? — спросила она, подойдя к брату.

— Ставь. Сейчас соберу, что там осталось на земле, и приду.

Ребята присели на скамейку у края картофельной делянки.

— Коль, как ты думаешь, у нас тут клад можно найти?

Колька хмыкнул.

— А я думаю, можно, — упрямо продолжила Наташка. — Вон баба Тоня рассказывала, как в Пешках в прошлом году сундук с драгоценностями выкопали.

Колька хмыкнул ещё раз.

— В Пешках в бывшей барской усадьбе его выкопали. И то потому только, что карту нашли. Эти... следопыты. А у нас тут ничего нет.

— А вдруг...

— Всё. Иди вари. Хватит сказки рассказывать, — резко оборвал сестру Колька.

Наташка нехотя поднялась и направилась к дому.

— Соль заканчивается, — сказала она, обернувшись.

Колька в сердцах сплюнул. Да, клад бы им не помешал.

Мама уехала полтора месяца назад в областной центр. Для бригады маляров там нашёлся хороший заказ — покраска помещений нового жилого комплекса.

Можно было заработать больше, чем здесь за полгода. Мама закупила сахар, масло, консервы, оставила Кольке денег...

Да отец нашёл заначку через две недели и пропил, а консервы они с Наташкой доели ещё раньше.

Последние несколько дней ребята питались варёной или жареной картошкой, яблока-

ми и морковкой с огорода. Есть хотелось постоянно, и Колька списывал свою раздражительность на голод. Но гораздо сильнее его глодала тоска по маме. А Наташка лишь подливала масла в огонь, ежедневно спрашивая: «Сколько дней ещё осталось?», имея в виду долгожданный приезд матери.

Колька с завистью проводил взглядом компанию мальчишек, промчавшихся по улице на велосипедах, и пошёл собирать картошку.

Набрал с полведра и решил копнуть ещё, чтобы с полным возвращаться к навесу у дома. После передышки дело пошло бойче. Колька налегал на лопату и откидывал землю с жалким урожаем на борозду.

Из головы не шла история про клад. Очень хотелось поверить в чудо, а может, просто помечтать. Вдруг правда он, Колька Молотков, наткнётся на сундук с камнями или горшок с золотыми монетами. Вот тогда они с Наташкой и хлеба купят, и сосисок, и конфет...

На земле что-то блеснуло.

Колька застыл. Неужели золото? Сердце застучало громче. С минуту мальчик стоял не шевелясь, не моргая, стараясь удержать перед глазами, не дать увиденному превратиться в мираж. Потом осторожно нагнулся, бережно разгладил землю и поднял монету. Пять копеек восемьдесят первого года. Золото, как же. Размечтался. Жалкий медный пятак!

Кольке в тот миг вся жизнь его показалась никчёмной, дешёвой. И монета эта как насмешка судьбы — блестит, будто новенькая, а толку-то от неё...

Колька хотел было выбросить пятак прочь. Замахнулся, выбирая направление для броска,

но неожиданно для себя опустил руку. По ладони разлилось тепло. Рука сама собой бережно положила монету в карман. Пусть будет.

В ту же минуту на душе стало спокойно. Колька взял ведро и пошёл домой, насвистывая мелодию из детской доброй песни про улыбку.

Только ребята уселись за стол, как в дверь постучали.

На пороге стояла тётя Галя, почтальон. Заходить в дом тётя Галя не любила, поскольку была высока и неизменно широка в плечах.

— Мать звонила, — пробасила она, улыбаясь так мило и сурово одновременно, как умеют только великаны. — Скоро приедет. Сказала, к концу той недели ждате.

Наташка запрыгала от радости, Колька расплылся в улыбке. Тётя Галя, довольно кивая, грузно развернулась и ушла.

Дети вернулись за стол, и на этот раз картошка оказалась удивительно вкусной. Колька убрал свою тарелку в мойку и направился к двери.

Наташка встрепенулась:

— Коль, а что с солью делать? Растянем до конца недели, как думаешь? — и показала ему остатки на дне банки.

— Куплю я соли, — ответил Колька не задумываясь.

Он вспомнил про монету в десять рублей. Она должна была лежать в куртке, что висела на крючке с весны. Эта картинка промелькнула перед глазами, подсказывая решение.

Так и оказалось: десять рублей перекочевали в карман джинсовых шорт, и Колька, счастливый от хороших новостей, побежал в магазин.

Теперь жизнь не казалась ему такой уж беспросветной.

Выудив монету и шмякнув её на прилавок, Колька, как в кино, наблюдал за толстыми руками продавщицы: вот они подцепляют пять копеек, подносят на секунду к лицу, и монета меняется, превращаясь в десятирублёвый жёлтый кругляшок. И уже не пять копеек, а десятка летит в ящик с мелочью.

Колька открыл рот, закрыл его. Продавщица поставила на прилавок пачку соли, мальчик молча взял её и вышел из магазина.

На улице Колька раз за разом обдумывал произошедшее и не находил никакого объяснения. Он достал пять копеек по ошибке, а монетка превратилась в десятирублёвую. Уж не померещилось ли ему?

Колька пошарил в кармане и достал две монеты: и десятка из дома, и старые пять копеек были на месте. Чем же он тогда только что расплатился за соль?

Колька не верил в чудеса, но сейчас его одолевало страстное желание поверить.

Хоть маленькое, пустяшное чудо может случиться и в его жизни?! Пять копеек легли в ладонь, Колька с сомнением поглядел на жёлтую тёплую монетку и снова зашёл в магазин.

На этот раз он неотрывно следил за превращением. В руках продавщицы, ворчавшей о перерыве на обед и бестолковости некоторых покупателей, опять появилась десятка.

Колька взял полбуханки чёрного, выскочил на улицу и сунул руку в карман. Чудесные пять копеек были на месте.

«Неразменный пятак!» — подумал Колька. Раньше он нигде не слышал этих слов, они сами пришли ему в голову, и мальчик был уверен, что волшебная монетка называется именно так.

Наташка при виде хлеба на радостях вспомнила, что в погребе должно было оставаться варенье.

Ребята спустились туда и впрямь нашли две банки перетёртой с сахаром смородины. Отрезали по толстому ломтю хлеба и устроили пир. Вкусно было!

А потом в дом ввалился отец. Да не один, а с двумя собутыльниками. Видно было, что все трое уже крепко приняли на грудь. Не разуваясь, зашли на кухню.

На стол отец водрузил бутылку с мутной жидкостью и потянулся за хлебом:

— А вот и закусь.

Колька хотел было взять им с Наташкой ещё по куску, но отец гаркнул:

— Брысь отсюда! — и замахнулся.

Детей как ветром сдуло.

Колька боялся отца. Часто мальчишке доставались от него подзатыльники и оплеухи. Хорошо хоть, Наташку не трогал.

— Не реви, ну не реви ты, — говорил Колька рыдающей сестре. — Вот сегодня магазин уже закрыт, а завтра я ещё хлеба принесу. Только при нём есть не будем.

Колька нащупал в кармане тёплую монету. Да, без хлеба они теперь не останутся. Видимо, он, Колька, заслужил маленькое чудо.

Волшебных пяти копеек, превращавшихся в десятирублёвую монетку, хватало на малое: на половину чёрного хлеба, лапшу быстрого приготовления, чупа-чупс...

Колька бегал в магазин по три раза в день. Продащица удивлялась, но молчала. А время, хоть и медленно, но шло. Картошку ребята выкопали, уложили в погреб. Управились как раз до дождей.

Когда земля изрядно пропиталась влагой, Колька отправился за грибами. Наташка увязалась следом.

За несколько часов ребята набрали две корзины подберёзовиков, подосиновиков, маслят. Возвращаться не хотелось, но небо резко потемнело, вдали послышались раскаты грома. С запада шла гроза.

Колька торопил Наташку как мог, но девочке было трудно поспевать за старшим братом, и дождь уже шумел за спинами грибников.

Когда дети добрались до околицы, из темноты над головами упали редкие, но крупные капли. Вот-вот ливанёт! Пока добежишь до дома, вымокнешь.

Колька решил переждать грозу в ближайшем к лесу доме. Этот заброшенный, покосившийся сруб много лет подряд был приютом деревенских мальчишек.

Но год назад Иваныч, отцовский собутыльник, повесил замок на дверь, забил пустые окна фанерой. Заявил всем, что это дом его умершей тётки, а стало быть, и его.

Мальчишек Иваныч нещадно гонял, не скупясь на брань и увесистые удары. А после новый владелец устроил в домишке склад металлолома. Тащил старьё, а то и новые вещи, которые плохо лежали, да и запирали в доме.

Местные мужики помогали ему, ведь Иваныч пообещал, что вызовет грузовик из города и деньгами за металл поделится.

Высадить лист фанеры и пролезть в окно не составило труда. И как только дети оказались под крышей, снаружи засверкали молнии, загрохотало. Наташка схватила брата за руку и сжалась от страха.

При свете молний Колька осмотрелся. В доме всё было заставлено металлом. Обрезки труб, части кузовов автомобилей соседствовали с чугунами, сломанными моторами, а пол покрывал слой гвоздей, жестяных обрезков и других мелочей.

Колька с Наташкой устроились на свободном уголке пружинной кровати. Гроза свирепствовала! Иногда и Колька вздрагивал от особенно громкого раската, а Наташка не переставая всхлипывала и жалась к брату.

Внезапно всё стихло. Но в этой тишине чувствовалась напряжённость, точно стихия готовилась к новому удару.

— Пойду гляну, что там. Ты сиди здесь, — сказал Колька и неуверенно пошёл к окну.

— Я боюсь, — пискнула Наташка.

Мальчик не успел ответить ей. Небо собрало все свои силы и выплеснуло злость на землю. За стенами послышался протяжный стон.

Колька даже почти вспомнил, что это за звук, но тут дом подбросило, как от взрыва, с потолка посыпалась труха.

Колька заметил испуганные глаза сестры, развернулся и сделал несколько шагов к ней, а потом свет ослепил его. Сквозь крышу проглядывало умытое небо. Вернее, крыши не было, её проломила берёза. Это она стонала, падая, убитая молнией.

А Наташка исчезла! Кровать, где она сидела, завалило досками и металлическим хламом. У Кольки сердце болезненно сжалось, он не мог ни крикнуть, ни пошевелиться. Даже дышать стало тяжело.

А в дыре над головой развесилась радуга. Она сияла, она звала за собой. Радуга — добрый знак. И Колька захотел поверить в чудо ещё раз.

Пусть бы не было ничего, ни грозы этой, ни грибов. Пусть всё станет как раньше, он всё готов от-дать. Даже...

Колька полез в карман. Пять копеек всё ещё были при нём. Даже неразмённый пятак! Ему не надо, ему это уже не принесёт счастья. Колька вскинул взгляд на радугу, но теперь она висела равнодушно, а секунду спустя стала расплываться. Слёзы душили мальчика, горло сжала мёртвой хваткой тоска.

— А-а-а... — из-под обломков послышался слабый стон.

Наташка!

— Наташка! Жива! Где ты?

Она не могла говорить, но теперь-то уж Колька нашёл её. Глупышка, спряталась от грозы по привычке под кроватью, а та и поймала её в ловушку. Колька раскидал обломки, но высвободить Наташку не смог: ноги сестры были зажаты пружинами и придавлены брёвнами.

— Я сейчас! Я побегу за помощью! — крикнул Колька.

Но выбраться не получилось: берёза превратила ту часть дома, где был выход, в баррикады. А если лезть через дыру, можно обрушить остатки крыши и сделать Наташке ещё хуже.

Колька вернулся к сестре и сел рядом. Девочка стонала совсем тихо и почти не плакала. Он взял её руку, такую маленькую и холодную, и Наташка открыла глаза.

Сказала еле слышно:

— Ты хороший брат.

У Кольки внутри всё перевернулось. Нет! Лучше бы пусть плакала, ругала его. Не хороший он брат, совсем никчёмный, раз ничего не может сделать.

Колька вскочил и стал оттаскивать тяжёлые трубы, пытался двигать тракторный плуг. Силы взялись из ниоткуда. Да только Наташке это не поможет — тот завал, что держит её, Кольке не одолеть. Мальчик откинул железную пластину и сел на пол, облокотившись обо что-то твёрдое. Тут всё было твёрдое и холодное, и далёкая радуга насмеялась с небес.

Колька двинул локоть назад, что-то гулко упало на пол за его спиной. И в тишине, нарушаемой лишь сдавленным дыханием Наташки, послышался гудок.

Оказывается, он сидел, опершись на телефонный аппарат. Такие раньше висели в будках, Колька видел в старых фильмах.

Мальчик осторожно взял трубку, приложил к уху. Впрямь работает! Гудит протяжно. А Наташка совсем плоха — не слышит, хотя звук разносится в тишине и кажется, что в стороне гудит даже громче, чем в трубке.

Колька набрал номер. В школе висел плакат о несчастных случаях, и каждый школьник знал, по какому номеру надо звонить. Пошли длинные гудки. Три, пять, семь гудков. А он-то думал, там дежурят и отвечают сразу. Колька достал из кармана монету. Тёплая.

Он бы всё отдал, чтоб дозвониться. Даже пятак? Да, да, решил Колька и опустил монету в щель на аппарате. Пять копеек были велики. Мама рассказывала, что раньше все просили двушку позвонить. Но если монета волшебная... Колька не успел додумать.

Он наблюдал за превращением, затаив дыхание, как раньше в магазине. Монета чуть поблёкла, уменьшилась, мигнула Кольке цифрой «два» и провалилась в щель.

Тут же гудки прервались и в трубке зазвучал уверенный мужской голос.

Спасатели приехали через пятнадцать минут. Всё-таки до города недалеко. Наташка, услышав сирены, испугалась, но когда Колька сказал, что это помощь, успокоилась и слабо улыбнулась.

Ещё через четверть часа девочку вынесли на носилках и увезли в машине «скорой помощи». Вокруг разрушенного дома собралась, наверное, вся деревня. Бабы причитали, дети таращились с испугом и любопытством, мужики стояли молча.

Один из спасателей пожал Кольке руку на прощание, и тот поплёлся домой. Жаль, не разрешили ему поехать в больницу. Он сидел бы с Наташкой, сказки бы рассказывал. Про клад.

Проходя мимо кучки мужиков, Колька услышал голос отца:

— Вот шпана... Теперь Валька с заработков примчится. Не отдохнуть уже будет.

Сволочь! Колька развернулся и двинулся к отцу. Мужики расступились. Отец отшатнулся, в его глазах читалась досада, но больше — страх. Слишком решительно шёл к нему сын, и веяло от него злостью и справедливостью. Ноги быстро унесли отца прочь, остальные мужики потянулись за ним. Мальчик хотел догнать его, но только сплюнул под ноги. Он понял, что больше не боится отца, лишь презирает.

Колька Молотков шёл домой. Неразменный пятак в карман не вернулся. Мальчик отдал его насовсем, заплатив за звонок по бесплатному номеру. Темнело, но на душе у Кольки было удивительно светло и спокойно, — он понял, что чудо продолжается. Теперь оно всегда и всюду с ним. Сама жизнь его хоть и простой пятак, но зато неразменный. Всё будет хорошо. **У**

Узелки

Марита Питерская (псевдоним)

Живёт в Санкт-Петербурге. Имеет высшее экономическое образование, работает главным бухгалтером. В свободное от работы время уже пять лет пишет рассказы в жанре фэнтези. Псевдоним выбрала по своему сетевому нику — Marita, которым пользуется, опять же, пять лет, с момента своего появления в сети. Ведёт сетевой дневник на www.diary.ru, где, в том числе, выкладывает и свои рассказы.

Однажды рассказал мне Никита, как давным-давно собрался он побывать в Петербурге. Зачем это ему понадобилось — не объяснил. Подходил он несколько раз к Северной столице, а войти не мог.

— Что же тебе помешало? — поинтересовался я.

— Этот «узелок-лабиринт» чужой для меня. Не захотел впускать в свои чертоги, — загадочно ответил Никита.

— Запутанный город. Много злых сил сплелось в том «узелке».

— Да что у него общего с лабиринтом? — удивился я.

— Прямые линии кварталов, улиц, проспектов...

— Всё равно запутанный, — упрямо стоял на своём Никита.

— На утонувших и ушедших под землю лабиринтах он стоит, на «узелках» из останков человеческих, загубленные души и замутнённые помыслы по его улицам витают... Блаженный имел своё объяснение происхождения лабиринта, отличавшееся от того, что мне удалось прочитать. Он называл их «мировыми узелками», связывающими землю с небом, огонь с водой, свет с темнотой, живых с мёртвыми. По словам Никиты, построено их было «великое множество» и не кем-нибудь, а именно «потомками заборейцев». И якобы каждый род, каждая семья этого исчезнувшего народа создавала свой лабиринт.

(В. Н. Бурлак, «Хождение к морям студёным»)

Красного было нестерпимо много. Обжигающе яркий, режущий глаз — красный плыл в облаках крыльями кумачей, латунными звёздами комсомольских значков вспыхивал и гас на ветру, плясал в огоньках папирос, юркий, как чёрт, с дымчато-сизым хвостом колечком.

Эх, яблочко,
Да цвета ясного,
Бей слева белого,
Да справа красного!

Степанченко Николай Иванович, петроградский рабочий, убеждённый большевик, член РКП (б)

с 1918-го, последние две недели ненавидел красный от всей души. С солёным привкусом крови во рту, с головными болями, разрывающими затылок, точно шрапнель, в странных, полубредовых снах — красный не оставлял его с того самого дня, как они начали рыть эту чёртову траншею вдоль Обводного, от Волковки к Боровому мосту.

Новая теплотрасса была нужна, как воздух — заводам Обводного, с трудом восстанавливающимся после разрухи, рабочим Обводного, уставшим отапливать жильё «буржуйками»-древожорами. Шёл третий год НЭПа, сытого, краснознамённого НЭПа, витрины Елисейевского ломались от сёмги, лотошники на Невском разносили мороженое и пирожки, в фабричной лавке на прошлой неделе давали сукно, тёплой, как валенок, овечьей шерсти, Степанченко взял два отреза — на зимнее пальто к наступающим холодам. НЭП-червонец, круглый, как самовар, красный НЭП, НЭП накормит, НЭП отогреет...

Чёртов красный.

— Степанченко, опять набрался с утра? Стыдно, товарищ! Бригада из-за тебя отстаёт, премии лишимся. И не надо опять мне врать, путаницу плести про «я болею», да «я ни в одном глазу». Вижу я, как ты «болеешь»!

Степанченко смотрел в лицо бригадиру — и видел серым, обточенным волнами камнем заломленную фуражку, и губы, прыгающие ошметками красного, и бледный папиросный дым, щедро впитывающийся в мокрый, дождевой воздух Обводного, и всё, что хотелось Степанченко — сорваться и заорать: «Да мать вашу так, контра недобитая! Опять командовать вылезли, клопы подматрасные?! Опять кровушки нашей жрать?!» И он держался, малодушничал, думал о тёплой шерсти и пирожках, о клюквенно-красной наливке, коей он безуспешно пытался глушить кош-

мары и головную боль... и мутных, как вязкое болото, зеленовато-серых волнах Обводного, лениво плещущихся о гранитный парапет.

Эх, яблочко,

Да на тарелочке...

— Виноват, товарищ бригадир. Уяснил. Раскаялся. Больше не допущу.

Обводный скрипел песком на зубах, комьями глины тяжело поддавался под лопатой. Стоя по пояс в яме, Степанченко рыл — прямой, как стрела, бесконечно длинный тоннель, раскатанный клубок, вытянувшийся в единую нитку, лабиринт, в котором невозможно заплутать. Очередной рывок — и под лопатой что-то хрустнуло, белое, точно осколки побитого сервиза...

Надвое рассечённый человеческий череп.

И красный вновь нахлынул, жаркой, приливной волной, накрыл собой траншею, набережную и бригадира; хватая воздух ртом, точно рыба, выброшенная на берег, Степанченко опустился на дно ямы, и острая, как нож, расколотым концом кость ткнулась ему в запястье.

И наступила темнота.

х х х

...чёрная, словно бескрайние леса земли Кирьяльской. Гнус, хляби болотные под ногами, вечная сырость — за две недели боевого похода Клаус Стефансон, дружинник Торгильса Кнутссона, маршала шведского, успел возненавидеть эту богопротивную страну до глубины души.

Шёл 1300-й год от рождества Христова, и Швеция, под властью христианнейшего короля Биргера Магнуссона, была сильна, как никогда, и Тавастланд, земля Финская, и Готланд, купеческий остров, покорно несли дань королевской короне, и северная Норвегия, и южная Дания страшились поднять свой голос про-

тив неё. Одна лишь Руссия, восточная Гардарика, заморская Страна Городов, смеялась над могуществом шведской короны, и громко вторил подвластный ей языческий Кирьялаланд, богатый землями и пушшиной, и не в силах стерпеть насмешку, Торгильс, именем короля, дал приказ о созыве всеобщего ледунга, и острая, как вороний клюв, древобокая стрела созыва летела из дома в дом, и одиннадцать сотен воинов были собраны на корабли, и Клаус Стефансон был вместе с ними.

Между Невоею и Чёрной рекой
крепости быть с неприступной стеной,
в месте, где рек тех сливались пути
(лучше для крепости им не найти).

...Болота и темень. Серый, словно свалившаяся волчья шерсть, Кирьялаланд скалил свои белоснежные зубы из-за еловых ветвей, тонкими комариными жалами явил под кольчугой, вороньими криками плыл в низком, точно щитами сплюснутом небе. Серый... слишком много тускло-серого, сводящего с ума, склизкой болотную ряской плескавшегося в снах, дорожной пылью вязнущего в ноздрах и на языке. Клаус Стефансон выкашливал серый вместе с утренней мокротой, серым стучала в виски головная боль, острая, как гранитный осколок языческих капищ земли Кирьяльской.

Чёртов серый.

— Недостойно воина показывать врагам свою слабость, пусть даже и болен он, — глаза слезились от дыма и мошкар; чёрные в дымчато-сером, тени ползли от костра, извиваясь, точно болотные змеи, многоголовые, многорукие; шипя, разгорались в огне сырые поленья, и голос маршала Торгильса, сухой, как прокалённое дерево, доносился до Клауса Стефансона словно бы издалека. — Враг радуется нашим слабостям, предчувствуя близкую победу свою, дру-

зь же впадают в уныние. Думай об этом, Клаус, сын Стефана, и да укрепит твой дух пресвятая дева Мария.

Чёрные, как вороны крылья, распахнутые настезь еловые лапы — лес принимал их в свои объятья, одиннадцать сотен храбрецов в тускло-серой кольчужной чешуе, закидывал невод из дыма и теней, путал, стягивал сетью, трижды надёжным узлом, хохочущий, страшный, непобедимый, Зверь земли Кирьяльской, и всё, что хотелось Клаусу — сорваться и заорать, рубить, сжимая крестовину меча, звериные лапы-тени, кромсать узлы, распугивая ворон, снова, и снова, и снова...

И он держался, малодушничал, думал о жёлтом хлебе и огненно-красном вине, что согревало живот и выгоняло прочь тревожные мысли, о стенах будущей крепости, пахнувших деревом и свежевскопанною землёй... и о горбатом, как лошадиное седло, исчерченном рунами камне за спинами его товарищей, и о камнях поменьше, разбросанных вокруг поляны, точно великанская сеть.

Славный лесной улов.

— Он говорит, чтобы мы его не убивали, — подталкивая в спину рукоятью меча, дружинник вёл к костру пленного кирьяла, испуганного, простоволосого, в серой, как полуденная тень, домотканой рубахе. — Он говорит, что шёл покормить свой сейд, сейд своего рода, и не желает нам вреда. Что делать с ним, маршал Торгильс?

Свеям урон наносили огромный
козни карелов — язычников тёмных...

— Что делать, говорите? Дать сейду пищу, как он и желал. Связать языки камням его поганую кровью! Чтобы ни зверь лесной, ни птица перелётная не выдали русским наших дорог! Словно орех, лишённый скорлупы, отряд наш, лишённый крепости, и всякому

войску будет он по зубам... Клаус Стефансон, возьми свой меч, и отсеки голову вражескому лазутчику. Прямо здесь, на его богу противном камне, — на лбу маршала вздулись багровые жилы, хриплый, точно воронье карканье, голос его взметнулся над елями, и лес молчал ему в ответ — зверь, затаившийся в ожидании, тяжелобокий и серолапый, и тонкая струйка крови на бледной щеке кирьяла жгла, словно огонь, и Клаус поднял меч, и, толкнув пленника на камень, рубанул наотмашь.

И лес закричал.

Острым, как сталь меча, протяжно-звериным воем вспорол тишину от края до края поляны, потоками огненно-красного тёк в серую, истоптанную траву, и тени, рогатые, многохвостые, дрожа, тянули из-за камней длинно-змеиные руки, шершавыми волчьими языками лизали ладони Клауса, оставляя на коже угольно-чёрные метки. И душной приливной волной серый накрыл костёр и камни, маршала Торгильса и дружинников, и, хватая воздух ртом, точно рыба, выброшенная на берег, Клаус опустился на траву, и тени плясали над ним, взявшись за руки, в бесконечно чёрной ночи.

А потом он открыл глаза.

х х х

— Очнулись, голубчик? Ну, нельзя же так себя запускать, работа, я понимаю, коммунистические стройки, хе-хе... — Поблёскивая стёклышками пенсне, врач в белом щупал ему пульс, и кафельные стены палаты были белы, как снег, и потолок сверкал ослепительно белым, и снежно-белое одеяло укутывало Степанченко, точно огромный сугроб, и красному не было места в этом стерильно-тихом мире.

Степанченко хотел спать, впервые как следует отоспаться за две недели раскалённо-красных кошмаров,

но врач не давал — спрашивал какие-то глупые вопросы, о контакте с инфекционными больными, о заболеваниях психического характера среди родственников, Степанченко отвечал односложно и невпопад, и врач, досадливо махнув рукой, оставил его, и Степанченко снова уснул.

Проснувшись, он обнаружил себя в том же самом месте. Стены, одеяло и потолок — всё было так же благостно и бело, и Степанченко поверил, что всё дурное позади, и он излечился. Одевшись, он вышел из палаты, с трудом, поплутав по запутанно-длинным коридорам Боткинской, нашёл главврача, и попросил себе выписку. Врач пожал плечами, но препираться не стал, долго заполнял какие-то бумаги, ругаясь на нехватку чернил и дурно отточенные перья, а Степанченко смотрел на муху — вялую, точно бы отравленную хлороформом, ползущую по столу чёрно-серую муху, и думал, что сам, должно быть, здорово похож на неё, потом муха угодила в чернильную лужу, и билась в ней, увязая крыльями всё глубже, беззвучно раскрывая мушиный рот, и Степанченко было отчего-то очень неприятно на это смотреть. Потом он взял бумажку, выданную ему главврачом, и вышел за порог Боткинки, думая о белой тишине и грязно-чёрных мухах, увязающих в ней, гадких, покойницких мухах...

А потом красный вновь настиг его.

На углу Невского и Бакунина взметнулся огоньком транспаранта «Вся власть Советам!», и Степанченко вспомнил всё — Обводный, яму, человеческий череп, расколотый его лопатой, и задрожал, затрясся от нахлынувших воспоминаний, кроваво-красные мушки затанцевали перед глазами, и ему даже пришлось опереться о фонарный столб, чтоб не упасть.

Грёбанный красный.

Он понял, что должен увидеть это ещё раз, то самое место — чёрную, точно развёрстая могила, бесконечно длинную яму под проливным дождём, белые, как хирургический кафель, кости, раздроблённые о бульжник Обводного, он должен собрать их и похоронить, по-христиански, на ближайшем погосте, на Волковке, где шесть лет назад упокоились его родители... Так будет правильно, и красный больше не потревожит его.

Мы изжить хотим напасти,
Чтоб покой себе добыть,
А врагов советской власти —
Били, бьём, и будем бить!

Степанченко шёл, мимо стен Александро-Невской лавры, цвета песка и камня, мимо мхом поросших надгробий Никольского кладбища, вдоль извиристо-змеиной Монастырки, хвостом своим влетающей в Обводный, шёл, и красный разгорался в нём всё ярче и ярче, сияющее огненным знаменем на холодном ветру. Степанченко пел себе под нос, и даже, кажется, махал руками, а не дойдя до Борового, встал, точно натолкнувшись на невидимую преграду — траншея была закопана, аккуратно закрыта перелопаченною землёй, и чёрные толстые трубы лежали неподалёку, и возле труб суетился бригадир.

— Да как же так, да что ж... не успел...

Бригадир смотрел на него, как на лунатика, потом засмеялся, потом рассказал, что разрытые кости свезли на свалку, а место накрыли трубой, что кроме костей, из ямы вынули камни, странные, точно бы изрезанные древней греческой клинописью (он был очень образованный человек, его бригадир и, несомненно, разбирался в этом вопросе), поверх же клинописи шли кресты, и над поднятыми из-под земли камнями трясся какой-то спешно приглашённый

профессор, из буржуйских, потом же камни решили пустить на поребрики, и профессор был весьма недоволен, и требовал прекратить работы, но кто ж его слушал, этого буржуя. А вообще, мор у них какой-то в бригаде — пока он, Степанченко, в Боткинской лежал, с десятков рабочих вот так же свалились, кто с лихорадкой, кто ещё с чем уважительным, и возвращаться на работу не спешат.

Степанченко тоже не хотелось работать. Он думал о том, что надо бы отыскать этого буржуйского профессора и непременно спросить — об огненно-красных снах и белом черепе на дне траншеи, о спящих под землёю камнях, покрытых греческой клинописью, и жирных мухах, садящихся мёртвым на незакрытые глаза. Это казалось Степанченко невыносимо важным, и он даже записал на клочке бумаги фамилию профессора — «Гвоздицкий», крепкую, как сталь, надёжную, революционную фамилию, и без того цепляющуюся в памяти, точно гвоздь.

Красный тлел в душе его непотушенным угольком, язви́л, припекал до окалины; спустившись к воде, Степанченко зачерпнул из Обводного горсточкой, поднёс ладони к потрескавшимся губам. Обводный был болотно-тухлым на вкус, пах рыбой и машинным маслом, серые, как свинец, волны несли на себе грязно-жёлтую накипь заводов вдоль набережной, намокшую бумагу и веточки недостроенных птичьих гнёзд. Степанченко смотрел на уток, ныряющих вдоль парапета, и повторял про себя: «Как с гуся вода... да, как с гуся», и думал идти к профессору, затем — на Волковку, или сначала на Волковку, и собственное отражение смотрело на него из канала — заросший щетиной подбородок, синие круги под глазами — оно казалось ему каким-то болезненно-чужим, маской, выданной напрокат...

Степанченко коснулся воды рукой — и по воде побежала рябь, и, спутанное волнами-узелками, отраженные скрылось, ушло на дно.

И Степанченко улыбнулся.

х х х

Это уже не было забавным ни на мгновение, это казалось подлинным безумием — серым, как небо земли Кирьяльской, вязким, как её непроходимые болотные топи. Стоя на коленях в высокой траве, Клаус смотрел, как меч маршала режет крест-накрест мшисто-каменные бока, иссекая на части богомерзкие языческие руны, как тянет молитву отрядный епископ, брызгая на камень водою из склянки, как прячутся прочь, перешёптываясь между собой, бледно-серые тени, как умолкает растревоженный сейд, вновь засыпая на десятки, сотни лет вечно-каменным сном.

— Он сказал, что проклиная всех нас, осквернителей сейда. Что года не пройдёт, как сейд заберёт наши души. Вот что успел выкрикнуть он, прежде, чем меч твой, Клаус Стефансон, навсегда отделил его голову от тела, — точно приглушённый серым, голос дружинника плыл над лесною поляной, и тени согласно кивали ему в ответ, и бледная речная вода струилась по камню-алтарю, смешиваясь с ярко-красною кровью, и, кончив молиться, епископ сказал, что языческое колдовство бессильно перед словом божьим, и что воинству его нечего опасаться тёмных знаков на камне и древних проклятий, покуда вера его крепка, и тени шептали Клаусу в уши о лживости епископских слов.

Весел язычник, в радости он,

что у крещённых так плохи дела...

Потом маршал велел сворачивать лагерь, и они шли, в надвигающейся темноте, один за другим, и ели качали над головами их мохнатыми, чёрными лапа-

ми, и Зверь рычал за спинами их, и ночь терпко пахла водою и кровью. И Клаусу отчего-то невыносимо хотелось вернуться, и видеть это ещё раз — изрубленное мечами тело пленного на жертвенном камне, красным залитую траву, сейд, сытый, с раздувшимся каменным брюхом, впервые за сотни лет испробовавшем человечины вместо прогорклой крупяной каши и склизкого животного жира...

«А если ему понравится угощение, и он захочет ещё?»

Клаусу не хотелось об этом думать. Ему хотелось вернуться, и, взяв в руки лопату, рыть до изнеможения, до кровавых мозолей — могилу мёртвому кирьялу, засыпать землёю бледное, как кость, лицо проклятого кирьяльского ворожея, чтоб чёрные могильные мухи не ползали по глазам, засыпать землёю сейд, жадный до человечины, прожорливый сейд, чтобы ничья рука больше не коснулась холодных камней, возрождая к жизни древнее проклятье. И он знал, что никогда не сделает этого, не обернётся под яростным взглядом маршала Торгильса, не исчезнет в лесу. Кирьялаланд посмеётся над ним, чужаком, мохнатыми лапами елей встанет у него на пути, запутает, заплетёт его душу в лабиринтах камней.

И из лабиринта этого не будет возврата.

х х х

— Что, тяжко, милко? А ты поплачь, поплачь, оно легче будет, — сгорбленная, в чёрном вороньём платке, старушка тушила догоравшие свечи, морщинистыми, выцветшими губами дула в огонь — и, трепыхнувшись на прощание красным, он таял, дымным ладанным облачком уходил в потолок, свечи ломались в старушечьих пальцах, было светло и спокойно, совсем как в больнице. Стянув с головы кепку, Степанченко неумело перекрестился на икону. Ясногла-

зое, в золочёном венце, лицо Матери Божьей глядело безмятежно и строго, и Степанченко стало стыдно за потерянный нательный крест, стыдно, а потом — страшно, словно лишившись его, он лишился некоей важной защиты, ниточки, выводящей из лабиринта, сусальным золотом сверкавшей путеводной звезды.

— Пресвятая Богородица, спаси и сохрани раба божьего Николая... — Степанченко метнулся к церковной лавке, не глядя, сунул старушке в окно завалившуюся в карманах бумажную мелочёвку — спасись, откупиться от красного душежора, золотым и ладанным притушить опаляющий сердце огонь. Старушка покачала головой и, порывшись в ящичке средь иконок, выдала Степанченко крестик, стального, каменно-серого цвета, Степанченко взял его, едва не плача от облегчения и... чуда не произошло.

Попы-клопы,
Брюхачи-врали,
Ради масла и крупы
Бога выдумали!

Красный дразнил, издевался, мигал огоньками свечей, плавился, будто воск, не выдержав собственного жара, слезами тёк с икон, путаясь в золотом и дымчато-сером. Сжимая крестик в правой руке, а ненадетую кепку в левой, Степанченко пятился к выходу, и чёрная, воронья старушка сказала ему вслед: «Смотри, не балуй, милоч! Э, да ты пьяный, что ли?», и Степанченко ругнулся сквозь зубы, и вышел за порог Крюковской церкви, и с полчаса бродил между могилами Волковки, думая о плачущих красным иконах и серых могильных камнях, заросших мхом и травой.

На душе было гадко и красно, хотелось есть, сытного, обжигającego нёбо борща с хлебом вприкуску, хотелось и в самом деле выпить, так, чтобы вдрызг, в рванину, чтобы блевать где-нибудь на углу

под осуждающими взглядами прохожих и ни черта не бояться. На Лиговке Степанченко разыскал заводскую столовую, отстояв кругалём загибающуюся вдоль столиков очередь, взял себе миску желанного борща, хлеба и четвертинку «беленькой» — для разогрева, он что, трудовой элемент, прав не имеет пропустить по стопарику в свой самый незаконнейший выходной? Ещё и газету прикупил, свежую, мажущую пальцы типографской краской, чтобы уж совсем побуржуйски — гулять так гулять!

И — дёрнулся с первых же страниц, словно обжёгшись неостывше-угольными строчками, буквы плясали перед глазами, сливаясь в единую чёрную кляксу, но Степанченко сумел-таки разобрать, сквозь серую типографскую муть и запах борща — статью академика Гвоздицкого, точёную, словно гвоздь, и революционно чёткую. Что при прокладке теплотрассы неделю назад, на Обводном, был варварски уничтожен ценный культурный объект — сейд, священный камень древних карельских погостов, и кости, по всей видимости, некогда принесённого в жертву на этом камне, и что наука понесла невосполнимую потерю, и он, Гвоздицкий, лично считает, что...

А это было уже и не важно. Большеротый, многозубый, сейд скалился Степанченко серым, трещиной разошедшимся ртом с тусклых типографских снимков, сейд сжимал мхом поросшие губы — и красная жертвенная кровь ниточкой стекала по алтарю, и в заводской столовой густо пахло борщом и подгоревшим мясом, и бледный Степанченко долго сидел, уткнувшись в газету, затем же, рассеянно пробормотав: «Нет-нет, я так не хочу... не надо меня...», покинул столовую, забыв на столе помятую кепку и недоеденный борщ, и повариха крутила ему вслед у виска толстым сосисочным пальцем.

Степанченко было уже всё равно.

х х х

— Не стоит отчаиваться, сын мой, открой мне, что тяготит твоё сердце, и, милостью божьей, я сумею тебе помочь, — точно ослепительно-жаркое солнце, столь непривычное хмурой земле Кирьяльской, крест плавился в руках епископа позолоченными лучами, и тени тонко хныкали по углам, заламывая длинно-змеиные пальцы, и серый прятался, отступал, опалённый золотом и ладаном, смежал мохнатые веки, и Клаус говорил, не останавливаясь — о душащих снах и острой, как меч, головной боли, о камне, плачущем водою и кровью, и чёрных воронах над лесом, роняющих в мох смоляные, гладко-точёные перья. Епископ слушал, не перебивая, качал головой, осеняя Клауса крестным знаменем, и Зверь ворчал за дощатыми стенами часовни, и серым, холодным огнём горели вечно неспящие глаза его.

Потом Клаус окончил исповедь и поднялся с колен, и Зверь рыкнул, расправляя затёкшие лапы. Жёлтое, огненно-золотое — сияние становилось всё тусклей и тусклей, Клаус ловил его кончиками пальцев, точно бабочкину пыльцу, и жёлтый звенел колокольчиками, искрами вспыхивая во тьме, и тонко дрожали бабочкины крылья, и епископ вёл речь о терпении и смирении, о скорой награде на небесах всем претерпевшим, о скорбях и болезнях среди его товарищей, в глуши языческих болот возводящих Ландскрону, Венец земли, к вящей славе господней...

В земли язычников двинулись шведы,

Трудности ждали их, раны и беды.

Дрались язычники что было сил.

Тех, кто в поход шёл, конунг просил,
крепость построить чтоб постарались

там, где чужие леса простирались,
там, где кончалась Христова земля.

...И серый, как камни земли Кирьяльской, огромный, как сейд, Зверь звал из темноты, скрёб в дверь

когтистыми лапами, и Клаус Стефансон шёл на зов, не в силах послушаться, по зыбким болотистым кочкам, по медвежьему бурелому шёл, ступая след в след, по щиколотку проваливаясь в гнилостно-серое, мимо земляных стен наскоро построенной крепости, мимо войскового епископа в догорающем золото-белом сиянии, мимо Торгильса и товарищей его — туда, где кончалась Христова земля, к заливу Кирьяльскому, бескрайнему, точно северное море.

Зверь был громкоголос и густогрив, дыхание его заставляло склоняться наземь прибрежные сосны, и чайки присаживались отдохнуть на каменно-серой спине, когда, сложив под себя могучие лапы, Зверь сядился у края воды и языком, шершавым, точно каменные осколки, вылизывал собственный хвост.

Он ждал — и вода вскипала белоснежную шапкой, кружилась водоворотом, затягивая внутрь себя веточки и мелких рыб, и сероглазый, зеленорукий — старик в рубахе из морской пены и с длинноводорослевой бородой вставал из глубин залива, и чайки кричали над ним отчаянными, резкими головами. И волны залива расступались, давая проход — чёрный, точно бескрайняя ночь, глубже самого глубокого дна, и старухи с выпученными рыбьими глазами глодали во тьме человеческую кость, и красная слюна стекала по подбородкам, и Зверь беспокойно водил мордой, чуя кровавый запах.

«Слыш-шишь, знаеш-шь, идеш-шь... уходи, откуда явился, это не ваш-ша земля...»

И каменная сеть сжималась всё туже и туже — пеньковой удавкой на шее, и, кашляя, задыхаясь, Клаус шёл по песку, едва переставляя ноги. Старик дёрнул сетью, подсекая улов — и Клаус упал, и дальше полз к воде на четвереньках, слыша за собой неумолимое дыхание Зверя. Успеть бы, пока не закрылся проход... Ещё рывок, ещё рывочек...

«Это не ваш-ше место...»

Старик дал по воде посохом-корягой, и, скручиваясь узелками волн, зелёные, серые, огненно-красные — картины-видения понеслись по глади залива перед невидящими глазами Клауса: голод надвигающейся зимы, мор, цинга, измождённое войско Ландскроны, атака русских, занимающийся пожар, последние товарищи его, гибнущие под мечами ногардских воинов, торжественная казнь Торгильса на эшафоте Стокгольма...

И Зверь сказал: «Достаточно. Он всё понял, и он уйдёт. Они все со временем уйдут, все до единого. И это снова станет наша земля, земля предков наших, земля нашего рода».

И рыбаглазые старухи смеялись Клаусу из-под тёмной воды, манили к себе костлявыми, ракушкой обросшими пальцами, и мёртвый кирьял за спинами их сжимал в руках собственную отрубленную голову, и серый, как прибрежный туман, Зверь тронул Клауса лапой, разрывая в лохмотья стальную, острокольчужную сеть.

И Клаус вскрикнул, точно чайка с перебитыми крыльями, и Клаус шагнул с обрыва в воду, жадно раскрывшую ему объятия, серо-чёрную воду, и, выпустив когти, острые, как заточенные ножи, старухи дрались над телом его, отрывая куски красного мяса, и красным окрасились воды залива Кирьяльского, и красные капли крови стекали по водорослево-зелёной бороде старика, и мёртвый кирьял смеялся беззвучным смехом, пуская пузырьки воздуха из приоткрытого рта, и Зверь видел это, и сказал Зверь, что это хорошо...

х х х

— Прости, богородица пресвятая, грешного раба божьего... не надо со мною так... не хочу... уברי-

те газету, снимите камень с души... — его было невыносимо много, этого красного, яркого, злого, доводящего до безумия. Точно бык с трепещущей тряпкой у морды, Степанченко метался по Лиговке, от дома к дому, преследуемый ослепительно-красным, наискось пронёсился через подворотни, слепо тыкался в дворы-колодцы. Серый камень смыкался за спиной его, бесконечно огромный лабиринт лиговских улиц, Степанченко кричал, запрокинув голову к холодному, бледно-серому небу, в скачущие по нему беспорядочно колесницы туч, и небо отзывалось ему раскатами грома, и тонкие струйки дождя текли по лицу Степанченко, и мокрыми каплями сбегали за воротник.

— Никакая контра... не заставит сдаться... врётся, не возьмёшь, сука... — красный ринулся откуда-то с облаков с очередной молниевой вспышкой, заставив на мгновение ослепнуть, швырнул Степанченко на колени посреди мостовой. Степанченко упал, больно ударившись о булыжник. Штанина вмиг набухла гвоздично-красным, юрковостыми змейками кровь разбегалась в стороны, впитываясь в камни и землю, Степанченко ругался, подняв к небу кулак, и красный отвечал ему громовым хохотом.

А потом всё исчезло в мутной пелене дождя — Лиговка, небо, дворы-колодцы, стянулось сплошной, грязно-серой непроглядной стеною из пористого камня, красной повязкой легло на глаза, и Степанченко шёл вслепую, ладонями шаря по мокрым каменным стенам. И лабиринт всё не кончался, и вёл в новый лабиринт, и красная повязка на шее Степанченко сжималась всё туже, Степанченко хрипел, исходя кровавой слюной, точно загнанное животное, и сейд ждал его — огромный, как гора, маячил в конце лабиринта, и краснобурыми кляксами жгли мхом поросшие бока его.

«Слыш-шишь, знаеш-шь, идеш-шь... уходи, откуда явился, это не ваш-ша земля...»

Степанченко открыл глаза — он стоял на Боровом мосту, и Обводный канал лежал перед ним, справа и слева, и серые, как камень, тускло-свинцовые волны бились о парапет, и белый череп спал на дне канала, и рыбы ютились в глазницах его. И Степанченко расхохотался, и снял пиджак, и перегнулся через перила.

— А вот и хрен вам, кровопивцы! Накосья, выкусите!

И Обводный тотчас скрутило воронкой, выгнуло, повело. Серый, точно каменное горло тоннеля, водоворот образовался прямо перед лицом Степанченко, и бледные, как кость, длиннопалые руки вытянулись из воронки, зашарили слепо по перилам, ища Степанченко.

«Это не ваш-ше место...»

Прижатый намертво к перилам моста, Степанченко видел — рваные, точно кадры киноплёнки, чёрно-белые картины в мутном стекле Обводного: несчётные силы врагов, наступающих с запада на Петроград, взрывы бомб, занимающиеся красным огнём склады с хлебоприпасами, голод, лютый мороз, трупы на детских саночках, блокадное кольцо, всё сильнее сжимающееся вкруг обречённого города...

«Так будет. И вы уйдёте — все. Придёт время — вы все уйдёте, все до единого. И это снова станет наша земля, земля предков наших, земля нашего рода».

И, перебросившись через перила, точно тяжёлый куль, Степанченко прыгнул — в воронкой раскрывшуюся, чёрную, бездонную пасть, туда, где лишь пустота и холодные рыбы, и красный больше не ужалит его.

И ворота закрылись за его спиной, и сыто вздохнул сейд, и эхом отозвались ему камни Обводного... И наступила тишина.

х х х

Участок набережной Обводного канала, от Борового моста до реки Волковки, с тех самых пор

обрёл зловещую славу «места самоубийц». Каждый третий год каждого десятилетия люди массово сводят счёты с жизнью на этом самом отрезке набережной, словно бы во всём городе для них не находится иного места. В 1923-м году на Боровом, Ново-Каменном, Предтеченском мостах покончило с собою 89 человек, в 1933-м — 107, рекордным стал 1993-й год — 303 самоубийства. Данные о 2003-м и минувшем, 2013-м году, пока что засекречены.

Не верите? Приезжайте к нам лет через десять, в 2023-м, в блистательный, парадный Санкт-Петербург. Минуя Мойку и Фонтанку, углубитесь в грязно-заводские, неприязательные внешне районы Лиговки и Днепропетровской, пройдитесь по набережной, от Волковки к станции метро «Обводный канал», остановитесь, постоит хотя бы пару минут, глядяваясь в серые волны Обводного... Прислушайтесь к собственным ощущениям.

Быть может, тогда городская легенда покажется вам нечто большим, чем просто бесплодную выдумкой богатых фантазией местных рассказчиков? **У**

* Кирыялаланд, земля кырьялов — Карелия на древнескандинавском

* Тавастланд — центральная часть Финляндии, завоеванная шведами

* Ногард — Новгород на древнескандинавском

* Торгильс Кнутссон — маршал Швеции, глава регентского совета при короле Биргерге Магнуссоне. Принимал личное участие в походе шведов к берегам Невы в 1300-м и постройке крепости Ландскрона («Венец земли» в переводе со шведского) на месте нынешнего Санкт-Петербурга. Был казнён в 1306-м в результате дворцовых интриг, одной из причин его опалы было взятие Ландскроны русскими войсками весной 1301 года.

* ледунг — военно-морское ополчение Швеции

* ратная стрела — стрела, выточенная из дерева, посылаясь по стране в знак войны и сбора войска

* в рассказе цитируются строфы из «Хроники Эрика», поэтической летописи Швеции начала 14-го века, и советские частушки 1920-х (частично — по сборнику В. Князева «Частушки красноармейские и о Красной Армии»)

* сейд — жертвенный камень древних карел. У каждого рода был свой сейд, в жертву ему приносились охотничья добыча, зёрна, молоко. В древнейшие времена случались и человеческие жертвы.

* лабиринт или портал — группа камней, расположенных спиралью, обычно неподалёку от сейда. Лабиринты связывают с культом мёртвых, они символизировали трудный и извилистый проход от жизни к смерти, ходы их служили для запутывания душ умерших, чтобы воспрепятствовать их возвращению к живым. Порой рядом с одним лабиринтом сооружался другой, чтобы душа умершего, если ей всё же удавалось выйти наружу, попадала в него.

* старик с бородой из водорослей и хитоном из пены морской — божество карело-финской мифологии Ахто, хозяин воды и повелитель птиц

* ад (Ротаймо), в карело-финской мифологии находится глубоко внизу, вход в него — через озёра, или через трещины земли. Живут там старухи-людоедки, обладающие даром воскрешать умерших.

Антиантиутопия

Оксана Архипова

Григорий Самуилович Портман проснулся с жесточайшим похмельем. Он приподнялся на кровати и оглядел комнату. Последствия вчерашней пьянки горничная не ликвидировала, побоялась потревожить шефа, хотя и знала, что не разбудит. Да чего уж — просто побоялась шефа. Вечера Григорий Самуилович заявился домой с тремястами граммами виски внутри и сразу же потребовал добавки. И по тому, как он кричал, матерился, метался по комнате, было ясно, что эпикурейством здесь не пахнет, а значит, прислуге лучше прятаться.

Григорий Самуилович снова лег и начал вспоминать минуту за минутой весь ужас, произошедший с ним вчера. Хорошенькую секретаршу, положившую газету на стол, сразу выбежавшую из кабинета и закрывшую за собой дубовую дверь. Потом звонок от куратора, обвинения, угрозы. Да, единственное, что оставалось профессору — побыстрее сбежать домой, прихватив бутылку из бара, спрятанного за репродукцией «Утро в сосновом лесу». Сам-то Григорий Самуилович был уверен, что шедевр называется «Мишки в сосновом бору» и является классикой, просто обязанной занимать свое почётное место рядом с портретом президента в кабинете любого уважающего себя руководителя.

Сегодня все равно придётся ехать на работу. От этой мысли сразу же заболела голова. Сейчас, судя по свету, пробивающемуся из-под штор, уже позднее утро. До обеда нужно явиться в НИИ.

Портману было томно и физически, и морально. Похмелье — это само собой, закономерный результат распития спиртных напитков, вполне очевидный для человека его профессии. А вот душевные терзания требовали анализа и принятия решения. Григорий Самуилович начал думать.

Он вспоминал себя мальчиком Гришей, тощим, рыжим, золотушным, с глазами навывкат. Маленький Портман как будто создан был для постоянных тычков и обзывательств со стороны сверстников. Будучи самым неуклюжим ребёнком в классе, он вечно всё ронял, наткнулся на предметы. Например, однажды нелепо врезался в большой глобус в кабинете географии, да так, что «Земля сошла с орбиты» и покатила по всему классу. То-то было смеху и веселья у всех, кроме Григория, которого после уроков дежурить оставили. А случилось как-то — он громко испортил воздух на литературе, стоя у доски и рассказывая «Бородино». Ну как не обижать такого прописного неудачника?

Хотя, надо признать, дети не любили своего одноклассника Портмана не столько за внешность или неуклюжесть, сколько за по-настоящему скотский характер. Круглый отличник, он никогда никому не давал списывать, да ещё и учительнице жаловался, если факт жульничества был им замечен. Иногда даже мог специально подсказать неправильно, а потом громко заявить, что с глупыми и необразованными людьми только так поступать и нужно.

И ведь нельзя сказать, что мальчик озлобился из-за постоянных насмешек. Скорее наоборот, он был злым изначально, целью своей видел напакастить как можно большему количеству людей, начиная от трех своих старших сестёр, заканчивая всем человечеством.

И вот тут фортуна улыбнулась Григорию Самуиловичу — он оказался гениальным биохимиком. С блеском закончив университет и аспирантуру, он сразу взялся за докторскую, параллельно в тайне и практически круглосуточно работая в университетской лаборатории над кое-чем совершенно сногшибательным и неповторимым.

К двадцати шести годам кандидат химических наук Г. С. Портман придумал первый состав своей сыворотки. Пока ещё слабоватой, требующей доработки и нормальных испытаний, но самой что ни на есть настоящей сыворотки подчинения.

Сделав такое гениальное открытие, молодой человек отнюдь не собирался делиться со своим научным руководителем. Григорий Самуилович решил, что придет в органы безопасности, расскажет им про изобретение и будет принят в качестве «золотого мальчика».

Не тут-то было! Портман, конечно, и пришёл, и рассказал. Но то ли был принят за городского сумасшедшего, то ли попал на нерадивого чиновника от безопасности, однако никто никуда его не позвал, ничего не дал, да и вообще разговаривать с ним не захотел.

Другого молодого и подающего огромные надежды ученого это сломило бы и отвернуло от работы. Григорий Самуилович был не таков. Он решил, что раз с парадного входа не получилось, то он и дыркой в заборе не побрезгует. Хотя времени на то, чтобы весь забор обойти в поисках дырки, потребовалось изрядное количество.

Многие годы Портман обивал пороги, батрачил на различные лаборатории со схожими исследованиями, писал прошения и знакомился с полезными людьми. Однажды ему удалось поймать удачу за хвост — на конференции ученый был представлен нужному человеку из министерства внутренних дел. И пошло-поехало! Информация о сыворотке, способной лишить человека эмоций, собственного мнения, всяческих переживаний и сделать очень податливым для любого внушения и пропаганды дошла до властей.

Срочно был организован целый засекреченный НИИ, где господин Портман был назначен сначала

главным инженером, а потом, после серии капризов и ультиматумов, — директором. В НИИ согнали светлейшие умы в области биохимии, медицины, психиатрии, поставили клеток с подопытными животными. В общем, создали рай для отдельно взятого Портмана, спешно защитившего докторскую и получившего звание профессора.

Профессор Портман в режиме чрезвычайной секретности дорабатывал свое детище, а руководство страны давало неограниченные ресурсы, чтобы сывотка, делающая из людей счастливых идиотов, обожающих президента, поскорей была готова. И никто даже не догадывался, что истинной целью Григория Самуиловича является причинение как можно больших страданий человечеству, ведь что, если не страдание, есть бездумное подчинение и ограничение свободы воли?

Наконец, спустя почти пятьдесят лет своей жизни Григорий Самуилович Портман отрапортовал куратору о готовности продукта, а также о возможности массового внедрения его населению под видом обязательной вакцины от страшного штамма гриппа, которым на всякий случай для пущей достоверности власти уже начали заражать население.

А на следующий день произошла трагедия, заставившая Портмана напиться до чёртиков и лежать теперь с больной головой в кровати.

Прессе стало известно об изобретении сывотки и планах властей её применить. Не понятно, да и не важно теперь, как произошла утечка информации. Какой смысл искать крайних, когда дело всей жизни загублено. Как прикажете теперь испортить человечеству жизнь?

С этими грустными мыслями Григорий Самуилович сделал над собой титаническое усилие и встал с кровати. Вопреки законам физики, сила тяжести воз-

росла для Портмана минимум вдвое, его невероятно тянуло лечь. Но все же, приняв душ, вычистив зубы в жалкой попытке избавиться от мерзких вкусовых ощущений, профессор оделся и спустился в гостиную. Горничная сразу вышла к нему из кухни, предложила завтрак, но хозяин отказался. Есть Григорий Самуилович не мог и не хотел, так что попросил сразу подать машину.

Профессор вышел на улицу и чуть не прослезился. Погода стояла великолепная: сентябрь только начался, бабье лето, листья желтеют, птички поют. Любому бездельнику сейчас стихи писать хочется. Портману оставалось только сожалеть, что теперь сывоткой им пыл не поубавить.

Григорий Самуилович велел шофёру везти его на работу, и чёрный автомобиль представительского класса поехал в направлении пригорода.

Подъезжая к НИИ, профессор оценил все плюсы глухой тонировки на стеклах. У ворот конторы собралась огромная толпа с фотоаппаратами и видеокамерами. К тому же было много людей, не производивших впечатление журналистов. Портман подумал, что эти неизвестные граждане просто пришли высказаться против бесчеловечности злого гения. Да, план с сывоткой не удался, но хоть оценили по достоинству!

Шофёр жал на клаксон, от чего голова профессора нещадно раскалывалась, но прорваться к воротам сквозь толпу всё же удалось.

В НИИ, как и следовало ожидать, царил паника. Сотрудники, большинство из которых и сами не представляли, над каким продуктом трудятся, бились в истерике. Поднявшись по центральной лестнице в свой кабинет, Портман обнаружил верную секретаршу Инну без непременного макияжа. Вот это было уже действительно страшно. Шеф прошел в кабинет, зака-

зал крепкий кофе и велел никого не пускать до особого распоряжения.

Через полчаса, выпив две чашки Американо, покурив и даже опохмелившись пятьюдесятью граммами виски всё из того же бара за «Мишками», профессор почувствовал в себе достаточно энергии, чтобы попытаться разобраться в творящемся вокруг хаосе. Для начала он спросил с Инночки почту, которой оказалось так много, что интерес к ней тут же пропал. Затем он хотел провести оперативку, но секретарша намекнула, что люди напуганы, прячутся по кабинетам, и без особой надобности их лучше не вызывать, чтобы не провоцировать на безумства. Про безумства она пояснила: пока шеф изволил задерживаться на работу, сотрудники лаборатории в полном составе во главе с заведующим объявили себя «подопытными кроликами», заперлись в «зверинце» и вкололи друг другу сыворотки. А теперь, судя по записи с видеокамеры, сидят на полу, целуют по очереди портрет президента и плачут от счастья. В общем, от идеи с совещанием профессор тоже отказался. Но чем-то же надо было заниматься, нельзя в такой обстановке сидеть без дела. Все та же Инна очень кстати сообщила, что на улице с самого утра несколько сотен человек жаждут личной встречи с Портманом. С журналистами говорить совсем не хотелось, но секретарша заверила, что журналисты — лишь малая часть, в основном это просто жители города.

Интерес Григория Самуиловича возрос. Что они придумают? Закидать помидорами? Отдать под трибунал? Сжечь? Наконец мир оценил одиозность его личности, так что последствия могут быть любыми, и он готовился к этому годами.

— Запускайте по пять человек, — велел профессор ненакрашенной Инне, — только следите, чтобы не журналисты. И приведите себя в порядок наконец!

Девушка покраснела, всхлипнула и убежала, пробурчав под нос что-то вроде «Будет сделано».

Через двадцать минут в просторном кабинете Григория Самуиловича собралось пять незнакомых ему граждан: четыре мужчины и одна женщина. Шеф сидел за своим огромным столом из ценной породы дуба, на крутящемся кожаном кресле повышенной комфортности. Посетители стояли на ковре. Красный старомодный ковер Портман в своё время специально притащил в кабинет и уложил на дорожную паркетную доску, чтобы подчинённые, когда шеф их приглашает для беседы, понимали, куда и зачем идут.

— Ну-с, господа! Слушаю. Какие у вас ко мне вопросы? — Григорий Самуилович, почти поборовший похмельный синдром, сделал максимально устрашающую мину, насколько вообще это было возможно при его рыжей лысоватости и выпученных глазах, одобренных сегодня мешками и краснотой.

Первым заговорил высокий юноша лет двадцати в черном вельветовом пиджаке и большом фиолетово-сером шарфе, завязанном по-артистически.

— Меня зовут Альберт, — начал парень. Голос был довольно низким, поставленным. И, как отметил про себя Портман, имя вполне соответствовало внешности, возможно, являлось даже псевдонимом какого-нибудь Пети или Серёжи.

— Я безумно люблю одну женщину, — продолжил Альберт, — но мы с ней никогда не сможем быть вместе. Дело в том, что она замужем, любит своего мужа, детей. Я для неё никто, просто молоденький милый мальчик. А она поразила меня в самое сердце, и я вряд ли смог бы её забыть.

— Кхм, молодой человек, — головная боль стремительно возвращалась к Портману, гадостные ощу-

щения во рту усилились, — а Вам не кажется, что Вы несколько не по адресу обратились?

— Что Вы, профессор! — парень энергично замахал руками. — Я именно Вас и искал уже много месяцев. Вас послал мне Господь! Ваше изобретение — единственный выход для меня. Я умоляю, я на коленях готов Вас просить: вколите мне знаменитую сыворотку, я не хочу больше ничего чувствовать.

От падения Григория Самуиловича выручили только высокие ручки кресла: профессор начал заваливаться на бок, судорожно думая, является ли сказанное парнем пригрезившимся похмельным бредом?

Не меньше полуминуты в кабинете висела гробовая тишина, что помогло Портману немного собрать в голове начавшие плясать мысли. Но тут невысокая полная и в целом неухоженная женщина средних лет сделала шаг вперед и заговорила:

— Профессор, не откажите мне в просьбе! Год назад я потеряла единственного сына, он погиб в автокатастрофе. Я осталась совсем одна. Если у вас есть дети, то Вы можете представить себе, как ужасна смерть ребёнка. Я слишком слаба для совершения самоубийства, но не желаю больше страдать. Сжальтесь, дайте сыворотку!

На этих словах женщина зарыдала, а стоящий рядом Альберт подошёл, обнял её и начал утешать.

Весь этот сюрреализм заставил Григория Самуиловича с тоской посмотреть на картину «Мишки в соновом бору». Профессор понял, что аудиенцию пора сворачивать.

— Так, господа, — сказал он, массируя виски пальцами, — давайте без истерик и кратко. Вот вы, — профессор указал на плохо одетого мужика лет тридцати, — зачем Вы здесь?

— Я работаю сантехником, извините за выражение — в дерьме копаюсь. А в душе я поэт и каждый за-

кат предстаёт передо мной в небывалой, щемящей душу красоте.

— Стоп! — Портман выставил вперёд руку в попытке остановить разошедшуюся творческую личность, — давайте без лирики. Да и поэт Вы, похоже, неважный...

— В этом-то и проблема. Я вижу, как плохи мои стихи. На жизнь могу зарабатывать только починкой канализации. Но мне претит такая судьба. Я больше всего хотел бы притупить столь острое восприятие прекрасного.

— Хорошо, я вас понял. Не надо продолжать, пожалуйста. Следующий.

Портман вспомнил утро — как в воду глядел про поэтов и бабье лето! Ладно, кто там дальше?

— Я игрок, — сказал мужчина примерно одних лет с профессором, — проигрался в пух и прах и должен кучу денег. Я знаю, что будет: придут коллекторы вышибать долги, отберут квартиру и машину. Жена и дети окажутся на улице. Я просто не хочу видеть, как любимые люди страдают по моей вине.

— С Вами ясно, а Вам зачем? — профессор посмотрел на здоровяка в дорогом костюме.

— Будете смеяться, но я как раз коллектор. Не думайте, мы случайно вместе зашли. Но я тоже не хочу больше ничего чувствовать. Вот такие, как этот, — он указал на игрока, — понаберут кредитов и не могут вернуть потом. А мне приходится применять силу. И я делал много ужасного, даже совесть иногда мучает. Знаете, как тяжело детей из домов выкидывать из-за папаш-болванов? А у меня работа, свою семью кормить надо. Короче, эмоции при моей профессии только мешают.

Слава Богу, коллектор закончил излагать свою проблему и заткнулся. Нужно было что-то сказать, чтобы они ушли.

— Я вас понял, господа, и дама, разумеется. Я подумаю, что можно сделать. Идите, и оставьте свои контакты моему секретарю.

Просители направились к выходу. Альберт практически тащил за руку осиротевшую мать, то и дело обирающуюся и причитающую: «Помогите мне, пожалуйста, спасибо» и все в таком духе.

Оставшись один, Григорий Самуилович тут же по селектору велел Инне никого больше не пускать и направился к «Мишкам». Но не успел он дойти до картины, как проклятый аппарат снова запищал и Инночка сообщила, что звонит куратор. Пришлось вернуться за стол и взять трубку.

Профессор ожидал услышать жесточайшую критику в самых нелюбимых выражениях, но голос куратора был несколько даже заискивающим.

— Григорий Самуилович, дорогой, Ваше изобретение просто фурор произвело. У нас тысячи, если не десятки тысяч добровольцев записалось на получение сыворотки в первый же день. А знаете, что ещё? У Господина Президента уже несколько предложений о международном сотрудничестве в области распространения Вашей продукции. Люди по всему миру хотят от страданий избавиться.

— Ольга Дмитриевна, но как же так! Ведь мы же собирались...

— Примите мои глубочайшие искренние поздравления! Это успех! — говорила веселым голосом крысакураторша.

— Ольга Дмитриевна, но разве...

— Нет повода волноваться, с промышленным производством проблем не будет, это я Вам обещаю, и ещё, — голос Ольги Дмитриевны стал тише и застенчивее, — не могли бы Вы и для меня дозу припасти? А то, знаете ли, живу одна, три кошки, мне уже сорок четыре года, иногда тоска как нахлынет... — и после

секундной паузы снова бодрым голосом: — В общем, работайте, удачи!

В трубке раздались короткие гудки. Портман с такой силой бросил её на рычаг, что от удара литавры в голове забили ещё громче.

Ну как же так! Ведь это должно было стать величайшим злодеянием в истории человечества! Целая огромная страна погрузилась бы в тоталитаризм, бездушие и рабство. И только некоторые диссиденты, чудом избежавшие прививки, трубили бы об ужасах режима. Но они бы страдали ещё сильнее, прячась по подвалам от полиции. Детские мечты Гриши Портмана могли воплотиться в реальность.

Но все обернулось крахом: сам того не ведая, Григорий Самуилович создал именно то, что нужно человечеству. Создал благо. Они сами не хотят ничего чувствовать — от этой мысли Портману захотелось удавиться.

Чуть не плача, профессор выбежал из кабинета. Он с максимальной для своих лет и физической формы скоростью пролетел весь этаж и остановился у двери в хранилище с готовой продукцией. Набирая код, прикладывая глаз к сканеру для считывания сетчатки, Портман был уверен, что должен здесь всё разнести, чтобы, не приведи Господь, не облегчить участь жалких людишек.

Но профессор чувствовал себя таким несчастным, разбитым. Всё, чего он добивался в течение многих лет, полетело в тартарары. Нет, он этого не мог пережить. Он взял с полки пистолет — инъектор, открыл первый же холодильник с сывороткой, зарядил и вколол себе дозу.

Слезы ещё катились из глаз Григория Самуиловича, но с каждой секундой на душе становилось всё легче, думать было уже совсем лень, зато очень хотелось ходить строем и любить президента. **■**

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www.uralstalker.com

ISSN 0134-241X

03 (669) март, 2013

Приключения

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www.uralstalker.com

ISSN 0134-241X

11 (665) ноябрь, 2012

**Под КАЙТОМ
по краю
земли**

Путешествия

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www.uralstalker.com

ISSN

**Краеведение
ВОГУЛЫ**

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www.uralstalker.com

ISSN 0134-241X

ябрь, 2011

Фантастика

**записки
объездного
врача**

Зуб акулы (возраст около 40 млн лет)
предоставлен
Уральским Центром камня

**След из бездны
времен**

Подпишись и читай! Индекс 73413

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ										73413			
на журнал										(индекс издания)			
Уральский следопыт. uralstalker.com													
на 20__ г. по месяцам										Кол-во компл.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Куда													
Кому													
(фамилия, инициалы)													
Доставочная карточка													
ПВ	место	литер	на журнал							73413			
(Индекс издания)													
Уральский следопыт. uralstalker.com													
Стои- мость	подписки		__руб. __коп.					Кол-во компл.					
	перед- ресовки		__руб. __коп.										
на 20__ г. по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Куда													
Кому													
(фамилия, инициалы)													

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413**.